

Автор бестселлеров USA TODAY

ДЖЕННИФЕР ДЖЕЙНС

**НИКОГДА
НЕ УЛЫБАЙСЯ
НЕЗНАКОМЦАМ**

Когда девятнадцатилетняя Тиффани Перрон бесследно исчезает, жители сельской местности Гранд-Треспасс, штат Луизиана, начинают отчаянные поиски, чтобы ее найти. Но улик слишком мало, и вскоре исчезает еще одна молодая девушка.

По мере того как люди продолжают исчезать, жители начинают обнаруживать, что они, возможно, не знают тех, кто им ближе всего, так хорошо, как они думали. Ложь и неуверенность быстро всплывают на поверхность, заставляя всех сомневаться друг в друге... и подозревать любого в причастности к исчезновениям.

Тем временем неуравновешенный, извращенный убийца тихо прячется среди них. С тех пор как четыре года назад убили их мать, он был вынужден воспитывать свою беспокойную сестру-подростка. Он боится ее — и женщин в целом, — и его мир вращается вокруг страха перед ними и одержимости ими.

В этом триллере-бестселлере USA Today дебютантка Дженнифер Джейнс представляет психологически захватывающий перевертыш, который полон сюрпризов и заставит читателей гадать до самой последней страницы.

Дженнифер Джейнс

Никогда не улыбайся незнакомцам

Серия: Незнакомцы-1

Перевод: MonaBurumba

Редактура: MonaBurumba

Русификация обложки: Heksany

Пролог

Мальчик открыл глаза и повернулся к окну. Было уже поздно, а сетчатая дверь в задней части дома только что захлопнулась.

Прогредел гром, и капли дождя застучали по стеклу громкими, сводящими с ума ударами. Он вцепился в шерстяное армейское одеяло, от которого воняло мочой, и прижал его ближе к телу. Широко раскрыв глаза, он наблюдал за ливнем через крошечное окно своей спальни.

Вспышка молнии пронеслась по небу, осветив ветви и прилипший к ним испанский мох. Так же быстро, как и появился, луч исчез, и мир погрузился в крошечную тьму.

Ветка гигантского дуба снаружи царапнула по грязному стеклу, и сетчатая дверь в задней части дома захлопнулась во второй раз. Неугомонная энергия наполнила мальчика. Что-то явно не так, и дело не в двери и не в шторме.

В его маленькой комнате, ненамного больше чулана, всегда пахло заплесневелым деревом. Когда началась гроза, противный запах стал гуще, более угрожающим. Глотая затхлый воздух, он неохотно вылез из кровати и на цыпочках пошел по коридору. Постоял у двери в спальню матери, пытаясь услышать ее обычный пьяный храп. Все, что он расслышал, это тиканье ее заводного будильника.

Что-то было размазано по дверному косяку.

Кровь.

Его сердце екнуло, когда он устался на пол. Там тоже была кровь. Образ разорванного тела матери заполнил его разум, и он улыбнулся.

С мрачным лицом он прошел мимо ее спальни в крошечную кухню, подранный линолеум был прохладным и кровавым под его босыми ногами. Он стоял у окна и наблюдал за бурей. Плакучие ивы наклонились, продавленные пронзительным ветром. Он смотрел в безлунную ночь и пытался вспомнить, перевернул ли он пирогу, маленькую лодку, которую они держали на заднем дворе.

Днем его младшая сестра Элли отправилась за ним к пруду. Она хоть и маленькая озорница, но все подмечала. Элли не должна была проходить мимо маленького дворика, и он слишком беспокоился о том, чтобы убедить ее последовать за ним в дом, чтобы даже подумать о маленькой лодке. Но сейчас он волновался. Если мама увидит, что она наполнена дождевой водой, будут неприятности.

Обычно они не запирали дом, но сейчас он щелкнул защелкой на сетчатой двери.

Поморщился, представив себе мать утром, ее тонкие губы, сжатые в жесткую линию, злость из-за хлопавшей двери, которая не давала ей спать в любое время ночи, независимо от того, делала она это или нет.

Он не мог так рисковать.

Снова ударила молния, осветив ржавый «Бьюик», который все последние девять лет дремал на бетонных блоках рядом со старым, заброшенным сараем. Ночь снова стала темной, и в темноте он почувствовал какое-то движение. Мгновение спустя он увидел его снова.

Он включил свет на крыльце, окутав двор тусклой желтой дымкой, и ему пришлось дважды моргнуть, прежде чем он поверил в то, что открылось его глазам.

Дрожа, он попятился от двери.

Его мать, голая, стояла во дворе и смотрела на него сквозь спутанные мокрые от дождя волосы диким взглядом. Отбегая от двери, он услышал, как она его зовет.

Десять лет спустя...

- В Гранд-Треспассе грядет еще один душный день с температурой 32 градуса и относительной влажностью 94 процента. Ожидается переменная облачность с порывами западного ветра переходящего в юго-западный. Не совсем неприятно, но и не слишком удобно. А вот и Билли с пробками.

Глава 1

Хейли Ландри последовала за своей лучшей подругой, Тиффани Перрон, в «Провост», небольшой бар, расположенный на окраине Гранд-Треспасса, штат Луизиана.

Городок был небольшой. Имел почтовое отделение, заправочную станцию, парочку искусственных прудов, используемых для сбора раков и сома, закусочную, магазин снастей, церковь и старый универсальный магазин с выцветшим, огромным рекламным щитом Кока-колы. Гранд-Треспасс был настолько мал, что его название редко произносили за пределами десятимильного радиуса его ржавого приветственного знака. Тот факт, что этот город занимал такое незначительное положение, естественно, заставлял некоторых местных жителей тоже чувствовать себя довольно незначительными.

Девятнадцатилетняя Хейли была одной из них. Ее единственной мечтой, сколько она себя помнила, было сбежать из Гранд-Треспасса. Чтобы выяснить, кто она такая. Кем она могла бы быть. Воображаемые планы могли осуществиться только, если она уедет в колледж. Но колледж все больше и больше становился фантазией и все меньше реальностью. Впервые в жизни у нее появились обязанности. Огромные... с которыми она не уверена, что сможет справиться.

Две девушки протиснулись сквозь толпу работяг: водителей грузовиков, механиков, плотников, металлургов и сельскохозяйственных рабочих, охранников и тому подобное. Бар также был забит женщинами, в основном тридцатилетними и сорокалетними разведенками, одетыми по моде прошлого десятилетия, которые приходили сюда в надежде подцепить нового мужчину.

Хейли уже давно не была в «Провосте». Она давно нигде не была. Да и сейчас не хотела никуда идти. Все, чего она хотела, — это остаться дома, и чтобы ее жизнь вернулась в нормальное русло.

Они нашли столик рядом с туалетами. После того, как официантка ушла с их заказами, Тиффани достала сигареты, вытасила одну и протянула ей пачку.

— Хочешь?

Хейли покачала головой.

— Ты в порядке? — спросила Тиффани. — Выглядишь немного бледной.

— Я в порядке. — В эти дни выходить на улицу казалось неправильным. Ее отец погиб в ужасной аварии семь месяцев назад, и с тех пор она почти не выходила из дома, но Хейли не хотела портить вечер Тиффани. Она выпрямилась на стуле и изо всех сил постаралась выглядеть более нормально, чем чувствовала себя. Но даже она знала, что иллюзия довольно слабая.

Тиффани выпустила струю дыма через плечо, затем ее зеленые глаза сузились.

— Знаешь, тебе нужно начать выбирать. Прошло около семи месяцев с тех пор, как...

— Знаю, — перебила Хейли. Сигаретный дым, пот, смесь дешевых одеколонов и запах жареной пищи вызывали у нее тошноту. Она хотела вернуться домой.

После того, как официантка вернулась и поставила их сырные палочки и содовую на стол, Тиффани наклонилась вперед, ее глаза смотрели серьезно.

— Послушай, я должна тебе кое-что рассказать.

— Что? — спросила Хейли, радуясь смене темы.

Тиффани наблюдала, как бородатый мужчина подошел к музыкальному автомату и бросил четвертаки в щель. После долгой паузы она снова обратила свое внимание на Хейли.

— Ладно, только не волнуйся. Речь идет о парне. И это не Чарльз. — Она опустила сигарету. — Я знаю, что это неправильно, особенно после Тома и всего остального. — Она сделала паузу, и ее глаза расширились, стали более выразительными, как всегда, когда она пыталась что-то впарить Хейли. В большинстве случаев это заканчивалось либо действительно плохой идеей, либо откровенной ложью.

— Ты знаешь, как сильно я люблю Чарльза. Я имею в виду, мне нравятся вещи, связанные с Чарльзом. Некоторые замечательные вещи... Но есть те, что я не люблю. Например, то, как он отвратительно влюблен в меня.

— Я думала, это одна из вещей, которая тебе нравится?

Тиффани вздохнула и откинула с лица свои длинные светло-рыжие волосы.

— Нравилось. Поначалу мне казалось, что это круто, но теперь я так устала от этого. Он всегда хочет быть со мной, а я не очень люблю быть на привязи.

— Он твой парень. Он должен хотеть быть с тобой. Кроме того, вряд ли он совсем не дает тебе свободы.

Тиффани наклонила голову и накрутила на большой палец золотое ожерелье — ее нервная привычка с тех пор, как мать Хейли подарила им одинаковые ожерелья на выпускной в средней школе. Ожерелья в двадцать четыре карата с подвесками в форме сердца с монограммой.

— Я не знаю. Может быть, я не создана для постоянных отношений, — решила Тиффани. — Ну понимаешь, мне нравится слишком много мальчиков. — Она сняла ожерелье с большого пальца и позволила ему упасть обратно на ее длинную шею. Тиффани ухмыльнулась. — Может, моя мама права. Я безнадежно помещана на мальчиках, и Иисус

заставит меня заплатить за мою похоть в загробной жизни.

У Хейли не было причин не любить Чарльза Джонсона. Он был ярким, добрым вежливым... порядочным. Хотя она так же удивилась, как и все остальные в городе, кто знал, что Тиффани решила встречаться с черным парнем, разница заключалась в том, что у Хейли не было с этим проблем. Она думала, что Чарльз хорош для Тиффани. Но Тиффани не так хороша для него. Особенно после ее романа с Томом Андерсоном, профессором местного колледжа, измена, за которую Чарльз только что ее простил. И вот теперь они вели этот разговор.

— Думаю, Чарльз хочет жениться на мне. Ну вот, выйду я за него замуж. И что мне делать? Остаться здесь? Состариться и одряхлеть в Гранд-Треспассе с чернокожим мужчиной? Уже сама мысль, что я могу здесь застрять, достаточно плоха. Но быть с Чарльзом в первую очередь означало больше морочить голову моей маме, чем по-настоящему любить его.

Хейли застонала. Она ненавидела, как ее подруга обращалась с мальчиками. Все всегда крутилось вокруг ее персоны, когда дело касалось любых ее отношений, парни почти всегда оставались на заднем плане.

— Не поймите меня неправильно, Чарльз — лапочка. Абсолютный лапочка. Ну, обычно. Но после истории с Томом он стал почти, я не знаю, одержим. — Она вздохнула. — Ну, в любом случае, есть один парень. Я не собираюсь называть его имя, потому что... Ну, тебе просто придется, эм, поверить мне в том, почему.

«Доверие», — подумала Хейли. Она любила Тиффани, но доверять ей, ну, это слишком много, чтобы просить. У парня, вероятно, была девушка или жена, и Тиффани знала, что Хейли этого не одобрит. Или это могло быть что-то еще хуже.

Как раз в этот момент Хейли увидела, как Чарльз пробирается сквозь толпу. Несколько местных жителей вытаращили глаза, когда он проходил мимо. Один из них покачал головой. Другой усмехнулся. Мужчина прошел мимо всех, со спиной прямой, как шомпол, лицо ничего не выражало. Его взгляд быстро остановился на двух девушках, и он направился к ним.

— В любом случае, этот другой парень и я, — продолжила Тиффани, — мы вроде как флиртовали, и я думаю, что ему нравлюсь. Я имею в виду, конечно, ему нравится...

— Ш-ш-ш, — прервала ее Хейли тихим голосом. Она вздернула подбородок в сторону Чарльза. — Он здесь.

— Кто? — спросила Тиффани и повернулась, чтобы посмотреть.

Чарльз остановился у их столика, верхний свет в затуманенном зале отбрасывал тень на его смуглое лицо.

— Я думал, вы двое тусуетесь у Хейли сегодня вечером?

Он сел за стол и, скрестив руки на груди, уставился на Тиффани.

— Заехал к ней домой, и мне сказали, что вместо этого вы отправились сюда.

— Мы передумали, — раздраженно ответила Тиффани.

— Хейли нужно было поговорить, и она хотела выбраться из дома. Ее мать все еще горюет.

Чарльз посмотрел на Хейли, и выражение его лица смягчилось.

— У твоей матери все еще тяжелые времена?

Она кивнула. Это было правдой. Ее мать страдала с тех пор, как произошел несчастный случай, и ее горе не уменьшилось. Женщина, которая когда-то была полна жизни, вечная

оптимистка, теперь больше молчала и сильно похудела. Она лежала в своей постели днем и ночью, оторванная от мира.

Часть, которая была неправдой, заключалась в первоначальном плане остаться в ее доме. Хейли не была уверена, что именно Тиффани наврала ему, и не хотела вмешиваться. Ее подруга слишком много лгала, а Хейли не всегда успевала отследить эту ложь.

— Если я могу чем-нибудь помочь, дай знать, хорошо? — сказал Чарльз.

— Спасибо.

Хейли оглядела толпу и увидела Троя, старого друга семьи, стоящего в отдалении.

— Извините, — сказала она, радуясь, что нашла предлог уйти. Любое оправдание. — Я заметила кое-кого, с кем хотела бы поздороваться.

Мгновение спустя она была на другом конце зала, и Трой, сияя, смотрел на нее сверху вниз.

— Вы только посмотрите. Растешь, как сорняк, моя дорогая! — Его губы растянулись в широкой улыбке, открыв запачканными табаком зубы. Лицо Троя покраснело и осунулось от многолетнего употребления алкоголя и слишком большого количества солнца Луизианы. — У старины Садли, вне сомнения, получилась симпатичная дочка, — выпалил он.

«Нет, я не симпатичная, — подумала Хейли. — Я некрасива, с безнадежно обычным лицом. Тиффани. Вот она хорошенькая».

Трой стоял слишком близко, и у него было кислое дыхание. Он был одним из друзей детства ее отца из Уэстона. Отец Хейли стал профессором математики в Общественном колледже Кавелье-де-Ла-Саль, колледже, в который обычно ходили дети из Честера, Труро, Уэстона и Гранд-Треспасса после окончания средней школы, прежде чем бросить учебу и завести собственные семьи. Четыре города находились на расстоянии плевка друг от друга и были такими трогательно маленькими, что все четыре можно было бы обойти за двадцать минут. Трой стал механиком и переехал в Труро.

Хотя Трой веселый и приятный человек, он один из последних людей, с которыми Хейли хотела оказаться рядом прямо сейчас, потому что он был просто еще одним болезненным напоминанием о том, что ее папа умер.

Он сделал большой глоток пива, и Хейли посмотрела мимо него на своих друзей. Чарльз перегнулся через стол. Тиффани явно была напряжена. Она накрутила ожерелье на большой палец и покачала головой.

— Я никогда бы не подумал, что переживу старину Садли, — сказал Трой, запинаясь. — Нет. Он всегда был ответственным. Уравновешенным. Всегда делал то, что было безопасно. Мы часто смеялись над ним в детстве, потому что он никогда не казался таким, понимаешь? У него была старая душа. — Он пошатнулся и вытянул обе руки перед собой, чтобы не упасть. — Эх, черт.

— Вы в порядке? — спросила она.

— Думаю, это зависит от того, что ты вкладываешь в эти слова, — ответил Трой и громко рассмеялся, прежде чем сделать еще один глоток.

Она смотрела, как Тиффани вышла через заднюю дверь. Чарльз встал и последовал за ней.

— Люди просто плохо выглядят на своих похоронах. — сказал Трой, его глаза остекленели от алкоголя. — Едва ли похожи на самих себя. Такой позор. Хорошо, что у твоего папочки был закрытый гроб. Я бывал на похоронах, где люди выглядели совершенно иначе, чем при... — Он резко замолчал, и его румяные щеки покраснели. — Прости, милая.

Итак, как поживает твоя мама? С ней все в порядке?

Хейли сделала шаг назад.

— Извините. — Она не слышала, чтобы кто-нибудь произносил имя ее отца в последние семь месяцев, не говоря уже о том, чтобы говорить о нем, мертвом в гробу. Она поспешила в туалет.

Плеснув в лицо прохладной водой, заперлась в одной из кабинок и прислонилась к проржавевшей двери цвета авокадо. Она знала, что ей не следовало идти, но Тиффани умоляла ее. Теперь она ругалась с Чарльзом на парковке, и кто знал, как долго они там пробудут? Хейли сделала глубокий вдох через рот и сосредоточилась на стене перед собой, потому что, если бы закрыла глаза, то ее разум унес бы ее туда, куда она слишком боялась попасть.

Глава 2

Он был лжецом. Ложь стала тем, что обеспечивало ему безопасность, жизнь и относительное здравомыслие, когда он был маленьким, и его мать забиралась к нему в постель. Когда он стал старше, и она продолжала делать это.

Он лгал обо всем и всем: своему надоедливому, краснолицему менеджеру в «Уинн Дикси», работодателю на его второй работе, мерзкой сестре, о которой был вынужден заботиться. Всем, с кем он сталкивался, находясь вне дома, всем, кого он когда-либо встречал. Иногда, когда ему везло, он даже умудрялся лгать самому себе.

Он был уверен, что людям нравился из-за того, кем он притворялся, и что, если бы они знали, кто он на самом деле, они пришли бы в ужас. Испугались бы за свою жизнь. Причинили бы ему боль. Эта мысль выбивала его из колеи почти так же сильно, как ужас, запертый в его голове.

Некоторые люди думали, что они близки с ним. Но нет. Он позаботился об этом. Если бы... они только знали.

В лесу уже стемнело. Очень тихо. Резкий контраст с тем, что происходило у него в голове. Множество ужасных, опасных мыслей, как фейерверк, взрываются, переполняют его череп.

Он чувствовал себя далеко не в своей тарелке, и так было всегда. Но что-то в этом лете особенно взволновало его. Его разум был скороваркой, которой отчаянно требовалось выпустить пар. Кричать на пруд было уже недостаточно. Он начал слышать крики в ответ.

Отмахнувшись от низко свисающей ветки, он поплелся вперед. Пара желтых глаз изучала его из высокой травы, и его сердце пропустило удар.

Это был больной бездомный кот, которого он назвал Йеном. В эти дни он следовал за ним повсюду: к пруду, через лес. Его отвратительная морда даже появлялась в крошечном окне его спальни в худшие моменты. За прошедшие месяцы глаза Йена стали злыми, и он не хотел иметь ничего общего с этим отвратительным животным.

— Оставь меня, черт возьми, в покое, Йен, — закипел он. Но кот не сдвинулся с места. Он просто стоял там, пугая его. — Отвали, я сказал! — Он бросился на кота. Тот взвизгнул и сбежал в темноту.

Он направился обратно в маленький дом, который делил со своей сестрой. Но он знал, что не сможет оставаться там долго. Он избегал его, насколько это было возможно. Дом принадлежал ей, его матери. Внутри он все еще чувствовал себя испуганным, злым

маленьким мальчиком.

Вне стен дома он обычно мог притвориться тем, кем он был, и стать почти нормальным. Ложь стала его спасением. Но не в доме, месте, которое останется жестокой частью его жизни, пока сестра не окончит среднюю школу. Либо тогда, либо до тех пор, пока он не будет вынужден уничтожить ее.

Но когда он приблизился к дому, ему стало невыносимо входить внутрь. Свет в комнате сестры не горел, что могло означать только одно: ее нет дома. Но она была не единственной, о ком он должен беспокоиться. Иногда по ночам присутствие его умершей матери казалось слишком сильным.

Он решил прокатиться.

Глава 3

Прошло пятнадцать, может быть, двадцать минут, прежде чем Хейли вышла из туалета. Она оглядела бар. Тиффани и Чарльз еще не вернулись. Сырные палочки и содовая все еще стояли на столе, нетронутые. Она оставила пятидолларовую купюру и направилась к задней двери.

Хейли распахнула ее и вышла в теплую, липкую ночь. В воздухе висел гнилостный запах речушки, протекающей в Треспассе.

— Тифф? — крикнула она на стоянку. — Чарльз? — Она подождала. Никто не ответил. Хейли прошла вглубь стоянки и отмахнулась от тучи комаров, которые метнулись к ней с мерцающего светового столба.

Грузовики всех размеров и несколько легковых автомобилей, включая черный «Форд-мустанг» Тиффани, были припаркованы на гравийной стоянке. Там стояло так много грузовиков, похожих на машину Чарльза, что трудно было решить, который из них его. Бродя взад и вперед по рядам, она заглядывала в каждый большой грузовик, думая, что, может быть, увидит, как они спорят в одной из кабин. Все они были пусты.

По ночному небу пробежала знойная рябь. Взглянув на линию леса на восточной стороне стоянки, она подумала, что увидела какое-то движение.

— Тиффани? — позвала Хейли. Ночь была тихой и безмолвной. Она закричала громче. — Тиффани! Чарльз! — Хейли ничего не услышала, только звук собственного голоса и крик совы вдалеке.

Глава 4

Воскресным утром в воздухе витал аромат обжаренной колбасы андуй, чеснока и лука, когда Хейли нарезала зеленый лук на кухне, стараясь, чтобы он был таким же тонким, каким его нарезала Нана.

Она боялась. Боялась за свою мать, которая с каждым днем все больше и больше походила на тень. Боялась за свою сестру, которая никогда открыто не оплакивала отца. Боялась за свою жизнь, которая рухнула почти год назад и может никогда не вернуться в прежнее русло.

Ей хотелось, чтобы Нана все еще была рядом, чтобы сказала, что ей делать. Когда была жива ее бабушка по материнской линии, она являлась центром семьи. Папа был голосом разума, но Нана была голосом, который говорил о причинах, поступках и убеждениях, о

которых никто не хотел думать, а тем более верить.

Мать Хейли всегда говорила, не обращать на бабушкины слова внимания. Что Нана впадает в старческий маразм. Но Нана не казалась дряхлой. Она была бодра и полна жизни. В большей степени, чем многие дети возраста Хейли. Хейли верила, что, если бы Нана была сейчас жива, она бы знала, как все исправить. Как привести свою семью в порядок... сделать их снова счастливыми и здоровыми.

Парень Хейли, Мак, только что появился. Он сидел за кухонным столом, уткнувшись носом в журнал о рыбалке. Он был воплощением здоровья. Высокий, загорелый, спортивный, уверенный в себе и всегда расслабленный. Казалось, его ничто никогда не беспокоило. За долгие месяцы она стала его полной противоположностью: бледная, опухшая, напряженная и неуверенная. Убежденная, что сейчас она не самая лучшая компания, Хейли даже не была уверена, почему он все еще хотел быть рядом с ней.

Ее жизнь стала трудной, но она знала, что не может позволить себе роскошь утонуть в депрессии. Ее мать выбрала этот путь раньше, чем у кого-либо другого появился шанс. Кто-то должен был заботиться о ней, Бекки и доме. Больше никому.

— Рыбалка удалась?

— Да, — ответил Мак, не поднимая глаз. — Расслабился.

— Вернулся вчера вечером?

— Вчера днем. Уделил пару часов Ллойд. Позвонил бы, но не смог поймать чертов сигнал. Когда вернулся домой, было уже довольно поздно.

Мак работал в «Ллойд Тоувин», эвакуаторной компании, в Уэстоне. Он выезжал по вызову, работая при любой возможности. Он также иногда работал на других работах неполный рабочий день, в том числе подстригал газоны. То, чем он занимался с пятнадцати лет.

Хейли вытерла капельки пота с висков тыльной стороной ладони. Настенный кондиционер в гостиной едва охлаждал обе комнаты, а в последнее время кондиционер в спальне Бекки еле работал. Ей нужно позвонить в сервис, но счет обойдется в пару сотен долларов. Деньги, с которыми она не хотела расставаться.

Она бросила горсть нарезанного зеленого лука на сковороду, затем осторожно размешала его в потрескивающей смеси муки и масла. Ее внимание привлекла дверца холодильника. Вместе со старыми табелями успеваемости, ее фотографией на выпускном и старым списком «Дел», висела записка от отца, в которой говорилось, что он пошел купить шпатлевку. Это была записка, которую он оставил на холодильнике за несколько часов до смерти, закрепив ее одним из магнитов, которые обычно раздавали на приходских ярмарках.

«Образование — это навсегда», — гласила надпись. «А как насчет того, когда ты умрешь», — с горечью подумала она. За последние месяцы она несколько раз хотела снять эту записку, но не могла заставить себя. Очевидно, Бекки и ее мать тоже не смогли этого сделать, потому что она все еще была там.

Мак отложил журнал, затем снял бейсболку и начал мять козырек своими толстыми, сильными руками. Его лоб и щеки были обожжены солнцем, а прямо над воротником футболки, вдоль шеи, тянулись три неровные красные линии.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Хейли.

— Ах, ничего. — Мак быстро натянул бейсболку обратно, затем слегка потрогал царапины. — Ветка попала в меня, когда ловил рыбу, вот и все. Я не обратил внимания. — Кожа в уголках его глаз сморщилась, когда он одарил ее усталой улыбкой.

— Они выглядят довольно плохо. Ты чем-нибудь их обработал?

— Ничего страшного, Хейл. Поверь мне, выглядит хуже, чем есть на самом деле.

Хейли решила поверить ему на слово. Мужчинам не нравились женщины, которые придираются, к тому же у нее итак достаточно причин для беспокойства.

Убавив огонь на плите, она продолжала помешивать. Она съела бы только чашку гамбо. Как всегда, у нее имелось лишних пять фунтов вокруг талии, от которых она была полна решимости избавиться. Если она не могла контролировать ничего другого в своей жизни, то хотя бы вес поддавался ее контролю.

Мак встал, обошел стойку и поцеловал ее в щеку.

— Я собираюсь прилечь и немного вздремнуть. После этого свожу тебя за мороженым. Что скажешь?

***

Хейли складывала полотенца, когда полчаса спустя зазвонил телефон. Она взяла его, ожидая, что это будет Тиффани. Но нет. Это была Джулия Перрон, мать Тиффани.

— Разве ты не была с ней прошлой ночью? — огрызнулась миссис Перрон, когда Хейли сказала ей, что Тиффани у нее нет.

— Да, миссис Перрон, была. Мы ходили в «Провост».

— И она не у тебя? — снова скептически спросила пожилая женщина, как будто Хейли сейчас сказала бы «да».

— Нет, мэм.

На другом конце провода воцарилось короткое молчание.

— Хейли, это не имеет никакого отношения к небольшому спору, который у нас с ней случился вчера утром?

Мак пошевелился на диване.

Хейли понизила голос, не желая его будить.

— Я... я не знаю.

— Тогда не могла бы ты сказать, кому я должна позвонить? Она ведь не с этим мальчиком Чарльзом? — В ее устах имя Чарльз прозвучало как ругательство.

Месяцами ранее миссис Перрон запретила Тиффани встречаться с Чарльзом, одним из немногих чернокожих в Гранд-Треспассе и близлежащих городах. Такие семьи, как Перроны, белые, представители рабочего класса, а иногда и узкие в своих взглядах на то, что и кто приемлемы, не смотрели доброжелательно на меньшинства.

Когда миссис Перрон узнала, что Тиффани тайно встречается с Чарльзом, они поссорились, как пара бешеных рысей, и она потребовала, чтобы Тиффани больше с ним не виделась. Она не сказала мистеру Перрону ради его больного сердца, но пригрозила отречься от Тиффани, если узнает, что та встречается с ним за ее спиной.

— Нет, мэм, я так не думаю, — сказала Хейли, зажимая телефон между плечом и ухом и складывая одеяло, которое ее сестра Бекки оставила посреди пола.

Повесив трубку после разговора с матерью Тиффани, Хейли набрала номер мобильного телефона подруги, но попала на голосовую почту. Оставив сообщение, она прошла на кухню. Мак уже проснулся и ставил новую бутылку в холодильник.

— Похоже, Тиффани грозят неприятности до конца лета, — вздохнула она. — Это если от нее не отрекутся.

— Она не ночевала дома прошлой ночью? — пробормотал Мак.

— Да, думаю, что да. И ее мать в ярости.

Мак схватил кухонное полотенце и вытер руки.

— Она с Чарльзом?

— Наверняка. Не могу представить, с кем еще она могла бы быть.

«Но это не совсем правда, — подумала она. — Тиффани могла быть с парнем, о котором начала рассказывать в баре».

Глава 5

Мак свернул на обочину главной улицы и выключил зажигание. «Форд» несколько секунд трясло, потом стало тихо. Гадая, добралась ли Тиффани уже до дома, Хейли открыла пассажирскую дверь и вылезла на палящее солнце.

Ее босые ноги горели на залитом солнцем асфальте. Она делала медленные, обдуманые шаги, потому что, сосредоточившись на обжигающем жаре, могла не думать ни о чем другом. Ее отец, ее мать, бессонница, ее будущее... Асфальт был мучительным, но и в некотором роде терапевтическим. Южный антидепрессант.

Мертвые, высохшие черви, некоторые в форме буквы «Г», некоторые в форме буквы «С», были приклеены к асфальту. Она медленно перешла дорогу, стараясь не наступать на их искалеченные тела.

— Должно быть, гудрон обжигает. Черт, я чувствую, как жар поднимается до лодыжек, — сказал Мак, ожидая на другой стороне дороги. — Почему ты идешь так медленно?

— Не так уж и жарко, — сказала она и постаралась не поморщиться. — Правда.

Когда они стояли перед прилавком с фруктовым льдом, старым обветшалым трейлером, который был припаркован на обочине главной улицы с тех пор, как она себя помнила, Хейли заметила девушку своего возраста, стоявшую на обочине в нескольких ярдах от нее. Эрика Дюваль. Она смотрела в лес, рюкзак низко висел у нее за спиной.

— Как думаешь, что она делает? — спросил Мак, щурясь от солнца. Он протянул Хейли конус голубого льда.

— Не знаю.

— Она ужасно часто шляется по лесу, — сказал он, беря еще один рожок у прыщавого парня, который работал за прилавком. — Обычно девчонки нашего возраста вырастают из такого рода игр. Двигаются дальше и становятся юными леди.

— У нее нет друзей, — пробормотала Хейли, наблюдая, как Эрика исчезает в лесу. Хейли находила Эрику красивой и загадочной. Тиффани считала эту девушку просто жуткой.

— Вы двое хорошо ладите в закусочной?

Хейли откусила кусочек льда, едва почувствовав сладкий сироп на кончике языка. Она кивнула.

— Да, она тихая, но достаточно милая.

Несколько недель назад Хейли устроилась официанткой в закусочную, чтобы помочь своей семье со счетами. С тех пор как она работала, Хейли оказалась загипнотизированной тихой миниатюрной девушкой, которая также была там официанткой. Эрика сильно отличалась от других, всегда читала, всегда писала, всегда жила в другом мире, чем все остальные. У Тиффани, что тоже работала вместе с ними, сложилось совсем другое

впечатление об Эрике. Она находила ее странной и немного дикой и, как и со многими другими людьми, смотрела на нее свысока.

Семья Эрики переехала в Гранд-Треспасс из Сан-Франциско, когда она училась в первом классе. Хейли вспомнила, как впервые увидела ее в школе. Эрика была маленькой и худенькой, и у нее были такие же длинные темные волосы, обрамлявшие ее крошечное личико. Ее одежда и глаза выглядели слишком большими для нее.

К сожалению, в тот день в классе у нее не появилось друзей, как, впрочем, их не появилось и по окончании Эрикой средней школы. Ни одного.

***

В четыре часа того же дня Хейли осторожно сняла жирную пену, осевшую на верхушке кастрюли с гамбо. Положив большую деревянную ложку обратно на плиту, она пошла в спальню матери и тихо открыла дверь.

Женщина, казалось, все еще спала. Единственной частью ее тела, которую Хейли могла разглядеть за покрывалами, была макушка головы. Она не выходила весь день. Это было так, как будто она пыталась сном отогнать реальности смерти своего мужа.

Хейли закрыла дверь и подошла к креслу. Тело Мака ростом шесть футов и один дюйм растянулось на большом диване у стены. Его пустой конус из-под мороженого валялся на полу рядом с ним, как и две смятые банки «Корс Лайт».

— Не думаешь, что тебе следует позвонить доктору Бруссарду? — спросил он. — Это продолжается уже слишком долго. Для нее нездорово оставаться в таком положении.

Хейли вздохнула.

— Он приходил всего пару недель назад. Ей нужны были какие-нибудь таблетки, чтобы уснуть. Теперь она остается в комнате и спит больше, чем раньше. — Хейли вздохнула. — Я не знаю, что делать.

Зазвонил телефон. Хейли вскочила и поспешила на кухню.

— Это, должно быть, Тиффани.

Когда она сняла трубку, то сразу же услышала ужас в голосе на другом конце линии.

— Пожалуйста, скажи мне, что Тиффани у тебя, — прохрипела миссис Перрон.

Хейли взглянула на часы, и ее сердце пропустило удар. Было уже пять минут пятого.

Глава 6

Через пять минут после телефонного звонка миссис Перрон забралась в грузовик Мака и ткнулась широким бедром в бок Хейли. Хейли прижалась ближе к Маку, и миссис Перрон захлопнула дверцу машины.

— Господь всевышний! — воскликнула она, тушь размазалась по глубоким впадинам под ее обеспокоенными глазами. — Это не похоже на мою Тиффани — вот так сбежать!

Мак включил передачу и направился к Садам, где жил Чарльз. Хейли посмотрела на пыльную дорогу, наблюдая за большими кипарисами, которые проносились мимо, их ветви, казалось, тянулись к грузовику. Она скрестила руки на груди и крепко обняла себя. Где могла быть Тиффани?

Вдалеке по асфальту скользил щитомордник. Мак умело провел грузовик по желтым пунктирным линиям, сохранив ему жизнь. Когда Хейли оглянулась, наблюдая, как рептилия спешит в неухоженную траву на опушке леса, она снова подумала о том, что начала

рассказывать ей Тиффани, задаваясь вопросом, был ли парень, с которым она флиртовала, кем-то, кого она знала. И мог ли он иметь какое-то отношение к тому, что она не вернулась домой. Но также быстро, как пришла эта мысль, она отбросила ее.

Тиффани ушла с Чарльзом. Она была в порядке.

Несколько минут спустя они свернули с двухполосной асфальтированной дороги и направились в Сады Треспасса, парк на противоположном конце речушки, в котором размещались трейлеры и небольшие дома, похожие на лачуги. Гравий хрустел под грузовиком, когда они проползали мимо одного старого трейлера за другим, затем мимо нескольких похожих на лачуги домов. Хейли оглядела веранды, прогнувшиеся под ободранными диванами и изуродованными игрушками. Мусорные баки всех размеров и цветов выстроились в очередь для сбора.

Дети с перепачканными лицами играли в пятнашки перед домами, пробегая через погнутые разбрызгиватели и под бельевыми веревками, которые стонали от высыхающего белья. Старики отдыхали в шезлонгах и подозрительно разглядывали их, когда они проезжали мимо. На пыльном капоте забрызганного грязью «Форд Эскорт» был установлен бумбокс, и в обжигающем воздухе раздавались звуки аккордеонов и плачущий голос певца — каджуна Уэйна Тоупса.

Миссис Перрон прищелкнула языком и неодобрительно покачала головой, когда они проезжали мимо рядов разрушенных домов.

— Вот, — сказала Хейли, указывая на небольшой белый дом вдалеке. — Это дом Чарльза.

Мак съехал с тропинки и притормозил. Как только он нажал на тормоз, миссис Перрон выскочила из двери грузовика и поспешила на крыльцо. Поднявшись по ступенькам, она разгладила свою розовую рубашку поло, распахнула сетчатую дверь и громко постучала.

Двигатель Мака дребезжал и зашипел, когда они вдвоем сидели, наблюдая за пожилой женщиной.

— Сколько раз ты была здесь? — спросил Мак.

— Только один, — ответила Хейли, оглядываясь по сторонам. Трехколесный велосипед лежал на боку рядом с двумя креповыми миртами. Кусты азалии были в полном цвету в альпинариях по обе стороны бетонных ступеней, ведущих к входной двери. В отличие от большинства домов в Гранд-Треспассе, дом Чарльза действительно выглядел ухоженным.

Мак нащупал сигареты.

— Это не лучшее место для молодых девушек, чтобы болтаться без дела.

Хейли знала, что Мак выскажет ей за визит в Сады. Он всегда беспокоился о ней. Так было весь год, что они встречались.

Он достал сигарету.

— Просто хочу, чтобы ты была в безопасности, вот и все.

Она посмотрела в глаза своему парню. Мальчик, который стоял рядом с ней на похоронах ее отца и после, заботился о вещах, о которых заботился ее отец, прежде чем умер. Двор, сточные канавы, обочины, ее слезы.

— Ты слишком сильно беспокоишься обо мне.

Он улыбнулся.

— Если я этого не буду делать, то кто тогда?

Зажав сигарету между губ, он потянулся к двери. Прежде чем открыть ее, он взглянул на миссис Перрон и покачал головой.

— У Тиффани не все в порядке с головой. Заставлять маму так волноваться — это просто неправильно. Такой милой, приличной девушке, как ты, было бы лучше иметь более порядочных друзей. Но ты знаешь, как я отношусь к этому вопросу, — сказал он и подмигнул. Затем он выпрыгнул из грузовика.

Маку никогда не нравилась Тиффани, потому что он считал ее слишком неразборчивой в связях и эгоистичной. Чем больше Хейли пыталась заставить его изменить свое мнение о ней, тем сильнее он сопротивлялся. Он был так же вежлив с Тиффани, как и со всеми остальными, но было более чем очевидно, что девушка ему безразлична и никогда не понравится.

Хейли вылезла из грузовика и обнаружила, что Мак опускает заднюю дверь. Он сел и закурил сигарету. В нескольких ярдах от них визжала кучка детей, перепрыгивая через разбрызгиватели и скользя по выцветшей надувной водной горке.

Миссис Перрон все еще стучала в парадную дверь.

— Есть кто-нибудь дома? — крикнула она, ее голос становился все более и более взволнованным. — Кто-нибудь? Тиффани? Ты там?

Хейли обошла дом и вышла на задний двор. Густой столб дыма вился в воздухе, поднимаясь от барбекю дальнего соседа. Его острый аромат заполнил ее ноздри. Гнилые фиги, переспелые, лежали у подножия небольшого дерева, а одинокая пара джинсов покачивалась на горячем ветру на пустой бельевой веревке.

Она остановилась у высокого муравейника, скинула шлепанец и поставила ногу в его мягкую середину. В считанные секунды раздраженные муравьи вылезли и забрались ей на лодыжку. Она смотрела, как они медленно поднимаются по ее голени, минуя колено. Она смаковала жжение от их крошечных укусов. Но как только они достигли середины бедра, она убрала пульсирующую ногу в безопасное место и осторожно стряхнула насекомых.

Она взглянула на дом и вздрогнула. Кто-то выглядывал из-за оконной шторы, наблюдая за ней. Штора быстро опустилась на окно.

Кто-то был дома.

Она поспешила обратно во двор. Миссис Перрон все еще разговаривала с входной дверью.

— Тиффани, если ты там, тебе лучше выйти прямо сейчас, — пригрозила она, ее голос дрожал. — Если ты этого не сделаешь, я позабочусь о том, чтобы твой отец узнал все. Я имею в виду все. Больное сердце или нет!

Мак стряхнул пепел с сигареты в траву, когда подошла Хейли. Он растер его каблуком ботинка.

— Никого нет дома?

— Там кто-то есть. Но кто бы это ни был, он не отвечает, — сказала она, оглядываясь на дом. — Я видела кого-то у одного из окон на заднем дворе.

— Тиффани?

— Не знаю. Я не разглядела.

— Мы можем вернуться сюда после того, как отвезем миссис Перрон домой, — сказал Мак, снимая муравья с руки Хейли. — Если Тиффани там, она откроет, если ее матери не будет рядом.

Дом Ландри ничем не отличался от большинства домов в стиле ранчо, которые семьи среднего класса построили в Гранд-Треспассе в 70-х и 80-х годах.

От входной двери можно было пройти в небольшую комнату, которая соединялась с кухней хорошего размера, а затем в относительно просторную гостиную. Спальни и одна ванная комната располагались рядом с гостиной. Стоя у входной двери, можно было прекрасно видеть весь дом до задней дверь и наоборот. Планировка дома не давала возможности уединиться.

Женщинам в Гранд-Треспассе понравился план этажа, потому что они могли готовить и при этом присматривать за своими детьми, играющими в гостиной. Хейли такое расположение нравилось, потому что она легко могла присматривать и за Бекки, и за своей матерью, когда они не находились в своих спальнях.

— Кто эта девчонка? — спросил Мак, позволяя сетчатой двери захлопнуться за ними.

В воздухе висел сигаретный дым. Хейли видела велосипед, прислоненный к дому, когда они подъехали, но решила, что это велосипед Сэди, подруги ее сестры. Мать Сэди всегда покупала ей вещи, пытаясь загладить вину, за то, что сбила ее ребенком на подъездной дорожке, оставив с искалеченной правой рукой.

— Я не знаю. — Она прошла мимо кухни в гостиную, где Бекки и черноволосая девочка-подросток смотрели телевизор.

— Привет, — сказала Хейли.

Пятнадцатилетняя Бекки повернулась к ней с привычным выражением скуки на лице, раздражающим выражением, которым она, казалось, овладела за одну ночь.

— Привет, — ответила она, собирая свои тонкие, мышинового цвета волосы в хвост. Она указала на девушку.

— Хейли, это моя новая подруга Сикрест. Сикрест, это моя сестра Хейли и ее парень Мак.

Девушка выпустила ровную струю дыма и устремила свои серые глаза на Хейли.

— Привет, — пробормотала она.

Хейли смотрела, как дым спиралью поднимается в воздух.

— Ландри не курят в доме, — сказал Мак, его голос был сухим, но вежливым, одной из многих манер, которыми Хейли восхищалась в нем.

Девушка ухмыльнулась.

— Ну что ж, тогда я выйду на улицу. — Она встала и одернула край своих коротких джинсовых шорт. Затем неторопливо вышла через заднюю дверь, позволив сетчатой двери захлопнуться за ней.

— Почему ты сказала ей, что она может курить в доме? — раздраженно спросила Хейли.

— Она не спрашивала, — ответила Бекки. Ее ноги, покрытые коричневыми пятнами на подошвах от ходьбы босиком, свисали с подлокотника большого кресла. Она повернулась в кресле, опуская их на пол.

— Ну, и кто она такая? — Не каждый день Бекки приводила в дом новую подругу. На самом деле, Хейли не могла вспомнить, когда в последний раз сестра это делала. Сэди была единственной подругой Бекки.

Бекки пожала плечами и намазала немного бальзама на потрескавшиеся губы.

— Я не знаю. Просто какая-то девушка.

Мак присел на диван.

— Что значит, ты не знаешь?

— Я только что встретила ее. Она ехала на велосипеде перед домом, и мы только что начали разговаривать. Она симпатичная, да?

— Она ходит в вашу школу? — спросила Хейли.

Бекки покачала головой.

— Она живет в Уэстоне.

Мак нахмурился.

— Она приехала на велосипеде из Уэстона? Это ужасно долгий путь в такую жару.

— Надо полагать.

— Мне не нравится, что она курит, — пробормотала Хейли, снова пытаюсь дозвониться Тиффани по мобильному телефону. Она начала беспокоиться. Они с Маком только что во второй раз поехали в Сады, но снова никто не открыл дверь. У нее не было номера мобильного телефона Чарльза, а справочное бюро сообщило, что его домашнего номера в списке нет.

— Что плохого в курении? Тиффани курит, — сказала Бекки. Она подняла подбородок в сторону Мака. — Как и Мак. Он курит.

— Тиффани и Мак взрослые люди, — отметила Хейли, проверяя автоответчик на наличие сообщений. Их не было.

— Тиффани звонила?

Бекки покачала головой.

Хейли вздохнула. Где, черт возьми, она шляется?

— А мама. Она вообще выходила из своей комнаты?

— Нет.

Глава 8

Он покатал на ладони отполированный камень размером с полдоллара. Нашел его на берегу пруда и надеялся, что камень будет напоминать ему о силе, которую он обрел с теми, кто сейчас покоился на дне. Хотя только утро, уже было влажно, и от этого его рука стала неприятно мокрой.

Опустив камень в карман, вытер ладонь о штанину. Как только она высохла, он изучил слабые шрамы на внутренней стороне обеих рук, неприятное напоминание о том утре, когда мать прижимала обе его ладони к горячей конфорке на плите. Ему было девять, и она пребывала в одном из своих настроений. Обожженная кожа ужасно воняла. Ее пронзительный смех все еще звенел у него в ушах.

Он услышал крик. Вскинув голову, дрожа, посмотрел на пруд, на то место, где он позволил девушке утонуть. Вода была черной, гладь пруда безупречной.

Он подошел ближе к кромке воды, и что-то в высокой траве шлепнулось в воду. Отскочив в сторону, он споткнулся о толстую ветку. Пока переводил дыхание и успокаивался, влага с края пруда уже просочилась в его грязные резиновые сапоги.

Он услышал это снова. Крик человека в агонии. Звук был оглушительным. Он затрясся сильнее.

Все еще глядя на пруд, он заткнул уши и попятился назад.

— Бояться — это нормально, — прошептал он. — Все в порядке. Я тоже боюсь.

Он вспомнил ее лицо, когда заворачивал в первый плотный пакет. Бледные губы и

бледность ее кожи. У мертвых такой жесткий, неумолимый взгляд. Он испытал облегчение от того, что заклеил ей глаза скотчем, чтобы не видеть оглушительного осуждения в ее взоре.

Он вздохнул свободно после того, как убил ее, и ощутил восторг и блаженное спокойствие, которое не могло принести никакое другое действие. Он бы уделили ей больше времени, если бы не его сестра. Если она узнает, для него все будет кончено. Он закончил укутывать девушку, и за час до рассвета все было готово. Неся тело на руках, он почувствовал поразительный прилив силы и даже начал улыбаться.

Он отнес ее на самый дальний конец пруда, туда, где пришвартовал маленькую лодку. Когда девушка погрузилась под воду, раздался еще один крик, эхом отразившийся от неподвижного неба.

Он задрожал от радости.

Глава 9

Эрика Дюваль была одиночкой. Она всегда была такой. Ее мать тоже предпочитала одиночество. Не понимая, не желающая или не нуждающаяся в том, чтобы ее понимали. Ее мать ненавидела жителей Гранд-Треспасса и ничего так не хотела, как покинуть его. И она это сделала.

Закончив детективный роман, который писала, она ушла. Посреди ночи десять лет назад, с одним только рюкзаком с одеждой за спиной и мечтой, она выскользнула из дома и сбежала из Гранд-Треспасса. Но она совершила ошибку. Она оставила Эрику, дочь, которая любила ее больше всего.

По сей день Эрика не понимала, почему мать не взяла ее с собой. Или почему она хотя бы не попрощалась.

Эрика всегда отличалась от других детей, что само по себе было социальным самоубийством. Другим детям она не нравилась, и она их ненавидела. Она всегда чувствовала себя неловко и неуютно в чьем-либо присутствии. Но отсутствие друзей редко ее беспокоило. Ей в жизни никто не был нужен, кроме матери.

Теперь по полу гостиной валялись разбросанные вырезки из журналов, словарь синонимов, скомканные клочки бумаги и исписанные квитанции. Она сидела на кожаном диване, уставившись в блокнот. За последние три дня Эрика не могла связать больше двух предложений вместе. Она застряла между пятой и шестой главами и даже не уверена, что первые пять глав были достаточно хороши. Короткие рассказы не вызывали у нее труда. На самом деле, они давались легко, и ее учителя всегда восхищались ими.

Проблема в том, что ей нужно написать роман. Не просто какой-нибудь роман, а великий. Такой, которым гордилась бы ее мать. Если бы она почувствовала гордость за свою дочь, то не смогла бы не полюбить ее снова, верно?

Интересно, ее мать когда-нибудь боролась с демоном писательского тупика? Каждый раз, когда Эрика наблюдала, как она пишет, казалось, что писательство давалось ей легко и естественно.

У нее был свой распорядок. По утрам она около получаса ходила в атласной пижаме с любимой кружкой в руках. Кружку она прозвала «Старая мисс», и везде ее носила с собой. Она считала ее своей музой. Мама пила кофе или жасминовый чай из этой кружки и пыталась найти нужный ей ритм сочинительства, покачиваясь под альбом Дженис

Джоплин, иногда даже «Fleetwood Mac» или «Meatloaf», в зависимости от настроения или материала, который она писала.

Она никогда не слушала каджунскую музыку, которую любил отец Эрики, полную скулящих аккордеонов и мутной души, музыку, которая часто гремела, когда он валялся пьяный в отключке на диване или на кухонном полу.

Ее мать презирала эту музыку и все, что она символизировала. Она была уроженкой Сан-Франциско, а не маленькой южанкой из города, который едва существовал на карте США. Она часто говорила Эрике, что самой большой ошибкой было последовать за ее отцом в Гранд-Треспасс. Она сказала, что была ослеплена любовью. Ошибка, над исправлением которой она, казалось, работала день и ночь больше года.

Закончив писать, ее мать одевалась, и они вместе готовили закуску, обычно жареные на сковороде булочки. Потом разваливались на обоих концах дивана, ели и вместе смотрели старые фильмы.

Но те дни прошли, по крайней мере, на данный момент.

Эрике было девять, а ее матери двадцать шесть, когда она ушла. Это случилось десять лет назад, примерно в то время, когда ее отец начал поздно возвращаться домой с работы. Долгие месяцы, предшествовавшие ее отъезду, мать могла думать только о написании книги. Она взялась за это так, словно наверстывала десять лет потраченной впустую жизни.

Эрика вздохнула и отбросила блокнот в сторону. Выключила лампу и закрыла глаза.

***

Час спустя входная дверь распахнулась. Сбитая с толку, Эрика открыла глаза. Верхний свет залил комнату, и она села. Моргнула, ожидая, пока глаза привыкнут.

Это был ее отец, и он с кем-то разговаривал.

В нос ей ударил мускусный запах, и Эрика чихнула. Она смотрела, как ее отец осматривает комнату.

— О, привет, милая.

В левой руке он держал бумажный пакет, а правой держал за руку грудастую блондинку. Источник отвратительного запаха.

Эрика смерила взглядом длинные красные ногти женщины, цвет, до которого ее мать никогда бы не опустилась. Такой вызывающий цвет посылал людям неправильное сообщение. Или, может быть, в случае этой женщины с ее отцом, правильное.

Эрика бросилась собирать свои вещи с пола. Это ее личные вещи. Не для того, чтобы отец их видел, не говоря уже о какой-то блондинистой девке.

— Эрика, это Памела.

Памела шагнула к Эрике и протянула руку. Женщина была ненамного старше ее.

— Привет. Так приятно наконец-то познакомиться с тоообой! — взвизгнула она.

Смесь гнева и замешательства захлестнула Эрику. «Наконец-то?» Эрика запихнула все в свой рюкзак и встала, не принимая руку женщины.

Ее отец откашлялся.

— Эрика — писательница, — сказал он, улыбаясь. Фальшивая улыбка. Такие он использовал, когда продавал подержанные машины на стоянке или, когда в доме появлялись незнакомые женщины, хотя раньше Эрика никогда не видела ни одной такой молодой. — Она работает над книгой.

— Правда? — спросила Памела, которую явно не задел холодный прием. Ее голос все

еще был раздражающе веселым.

Эрика застонала и прошла через гостиную, мимо аквариума, который когда-то был полон гуппи ее матери. Она пыталась сохранить им жизнь после того, как мама ушла, но одна за другой они все сдохли. Она оплакивала каждую из рыбок, как если бы оплакивала свою мать.

— Ты уже поужинала, милая? — спросил ее отец.

Не потрудившись ответить, Эрика убежала в свою комнату.

***

Девятнадцать чайных свечей освещали комнату Эрики. Она выбросила двадцатую в мусорное ведро у кровати — часть церемониального действия, которое она несколько раз видела у своей матери. Девятнадцать языков пламени теперь крутились на своих фитилях, покачиваясь на фоне кондиционера, который только что включился в маленькой комнате.

Эрика прислонилась к изголовью кровати, слушая одну из записей Дженис Джоупин своей матери. Бутылка белого вина, которую она купила у молодого продавца в универсальном магазине, лежала у нее между ног. Она сделала глоток, наблюдая, как тени пламени танцуют по стенам и расползаются по книжным полкам ее комнаты.

Ее мать верила, что свечи дают ей творческую энергию. Эрика сделала глоток, ожидая, когда почувствует что-то похожее. Но она отвлекалась. Образы молодого лица новой шлюшки и длинных красных ногтей занимали ее. Она выбросила эти образы из головы и сделала большой глоток, потом еще один.

Иногда во время церемоний со свечами она могла поклясться, что чувствует энергию. В других случаях Эрика ничего не чувствовала и только засыпала при зажженных свечах.

В дверь постучали.

— Что? — вскипела она.

Ее отец открыл дверь.

— Милая... — начал он, входя и садясь на ее кровать.

Эрика отошла к креслу у окна.

— Милая, нам нужно поговорить.

— О чем? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал как можно более возмущенно. Ее мать была возмущена им, особенно после его поздних задержек на автостоянке.

— Все дело в твоих манерах. Твоём отношении.

Она приподняла бровь и уставилась в пол. Эрика ненавидела чужие глаза, они вызывали у нее беспокойство. Ей не нравилось то, что она в них видела. Осуждение, безразличие, ненависть, невежество. Большую часть времени она не могла смотреть в глаза даже собственному отцу. Он был таким же невежественным, как и все они.

Ее слова прозвучали сердитым шипением.

— Прошу прощения?

Он взглянул на ее тумбочку и увидел бутылку вина, но когда заговорил снова, то ничего не сказал об алкоголе. Вместо облегчения это привело Эрику в еще большую ярость.

— Ты была очень груба с Памелой сегодня вечером. Я не...

— Она, ведь до сих пор здесь? — перебила его Эрика. Было уже десять часов. У этой странной женщины нет никаких причин все еще находиться в доме.

— Ну, да. Памела все еще здесь. И она пробудет у нас некоторое время. Она... остается на ночь. — Он указал на свечи на подоконнике. — Тебе нужно быть осторожной с ними.

Обязательно задуй, прежде чем отправишься в...

— Останется на ночь? Где? Где она будет спать?

— Эрика, сколько раз нам нужно...

От алкоголя у нее кружилась голова.

— В твоей постели?

— Я взрослый мужчина, милая. Если Памела...

— Ты все еще женат! — выкрикнула Эрика. Слезы навернулись у нее на глаза, и она повернулась так, чтобы он не мог видеть ее лица. Она была разочарована тем, что повысила голос. Он принял бы это за заботу, а все совсем наоборот.

Мышцы ее живота сжались, когда она подумала о том, что ее отец спит с другой женщиной. Она не была уверена, почему. Она знала, что ее мать никогда не вернется к нему или в Гранд-Треспасс. Так что это совсем не должно иметь значения.

Часто она фантазировала о том, как проберется посреди ночи в спальню своего отца и покончит и с ним, и со шлюхой, с которой он спал. Она бы ему показала. Это было бы так просто. Но ей есть что терять. А именно, ее мать.

Голос позади нее смягчился.

— Твоя мать не связывалась с нами десять лет. Я очень, очень усердно искал ее. Мы все это делали. Мы не смогли ее найти, дорогая. Я не совсем понимаю, что произошло... или почему она не пыталась связаться с тобой, детка. Я знаю, что она любит тебя.

Эрика молчала, не желая ему верить. Ей хотелось думать, что ее мать связалась с ее отцом и пыталась связаться с ней, но отец каким-то образом встал между ними. Ее мать была совершенством, чем определенно не был ее отец.

— Эрика, я не понимаю, почему ты все так усложняешь. Я стараюсь. Я действительно стараюсь.

Он старался? Она не видела, чтобы он старался. Неужели он думал, что последние несколько лет ухаживаний за распутными женщинами и работа допоздна по вечерам в дилерском центре — это старание? Может разбитый десятилетний «Форд», который ломался два раза в месяц, в подарок или полное безразличие к ее жизни? Это старание?

Ее отец встал.

— Мне жаль, что ты все так воспринимаешь. Действительно жаль. Но у меня тоже есть своя жизнь. И я собираюсь жить ею, милая.

Он подошел к двери ее спальни, затем повернулся.

— Тебе понравится Памела. Она замечательная леди. Она отличается от других. Вот увидишь.

С этими словами он закрыл дверь.

Теперь, оставшись одна, Эрика не стала сдерживать слез. Ей хотелось закричать в дверь и сказать что-нибудь гадкое, что причинило бы ему боль. Ей хотелось швырнуть бутылку вина. Она ненавидела его. Он был причиной, по которой мама ушла.

Глава 10

Закусочная «Люка» никогда не пустовала. Кто-то всегда сидел за столиком или задерживался у стойки между шестью часами утра и одиннадцатью часами вечера. Иногда это была служащая с бензоколонки через дорогу, которая околачивалась там, чтобы

избежать встречи со своим мужем. В других случаях какой-нибудь одинокий вдовец, рабочий или уставший человек, или семья, проезжавшая через город.

Косоглазому Крису Робишо принадлежала закусочная «Люка», и черно-белые фотографии его семьи и Гранд-Треспасса, которые украшали стены заведения. Среди них была фотография почти в натуральную величину его покойной дочери Люки Энн, которая умерла двумя годами ранее в результате несчастного случая, утонув в протоке Треспасса.

Хейли находила взгляд маленькой девочки жутким. Каждый раз, когда она видела фотографию, ей приходилось отводить глаза. Может быть, дело в том, что девочка умерла такой молодой. Она просто выглядела слишком мудрой на фотографии, слишком знающей. Ее образ заставил Хейли задуматься, знают ли мертвые больше, чем живые.

Крису было лет двадцать пять, но он казался недостаточно взрослым, чтобы иметь ребенка. Особенно мертвого. Обычно, когда у людей имелись дети, у них был изможденный вид. Как будто они просто быстрее старели или взрослели, как это невозможно для бездетных. Крис не выглядел так.

В то утро Хейли остановилась у дома Тиффани перед своей сменой и обнаружила обычно ухоженную миссис Перрон, без макияжа, как всегда, и в халате, так крепко сжимающую своего пуделя Лаки, что он взвизгнул. Увидев миссис Перрон, разбитую и с темными кругами под опухшими глазами, она вспомнила свою собственную мать в больнице в ночь несчастного случая с ее отцом.

Хейли приняла два заказа на еду и передала листки через окно на кухню. Стоя перед кофейниками, она массировала виски. В ее глазах была мучительная боль, давление, от которого она всегда страдала, когда слишком мало спала или испытывала слишком сильный стресс.

Прошлой ночью ей удалось поспать всего час. «Найквил», который она держала у кровати от бессонницы, больше не помогал.

Ее беспокойный сон нарушали кошмары. Жуткая серия тревожных кусочков головоломки. Кто-то стучит во входную дверь. Она открывает ее и обнаруживает хрупкую пожилую женщину на роликовых коньках, сжимающую бестелесную голову Тиффани за ее некогда красивые, но теперь спутанные рыжие волосы... Открывает дверь спальни своей матери только для того, чтобы обнаружить, что там нет ничего, кроме темного облака комаров... Бежит через лес, спасаясь от кричащего безликого человека.

Она погладила кулон в форме сердца, который висел у нее на шее, точную копию кулона Тиффани, и прошептала:

— Где ты, Тиффани?

— Ты что-то сказала? — спросил Остин, ставя заказ на прилавок. — Ты выглядишь так, словно покинула штат Луизиана. — Главный повар закусочной с любопытством посмотрел на нее.

Хейли вздрогнула.

— О, прости. Не знала, что ты тут. Наверное, я просто разговаривала сама с собой.

Он одарил ее кривой усмешкой.

— Я бы не позволил этому слишком выйти из-под контроля. Нам придется начать беспокоиться о тебе.

Он внимательно посмотрел на нее, и блеск в его голубых глазах погас.

— Ты в порядке?

— Да. В порядке.

Это была ложь. Она далеко не в порядке. Прошло уже две ночи с тех пор, как кто-либо видел Тиффани или слышал о ней. Несколько человек сейчас находились в мэрии вместе с Перронами. В девять часов поисковая группа должна была начать поиски в лесу.

— Ты уверена? — спросил Остин. — Ты выглядишь не очень хорошо.

— Уверена.

Он схватил газету со стойки, выудил кроссворд и сложил его пополам. Прежде чем вернуться в кухонный трейлер на заднем дворе, Остин положил руку на дверь трейлера.

— Если тебе что-нибудь понадобится, просто крикни. Ты знаешь, где я.

Она кивнула.

Колокольчики, свисавшие с входной двери закусочной, зазвенели, и появился владелец, Крис. Он был красиво одет в накрахмаленную темно-синюю рубашку и черные брюки. Его лицо, как всегда, было свежесбррито, и даже на расстоянии его сильный одеколон пробивался сквозь обычно успокаивающие ароматы завариваемого кофе и жареного бекона.

Крис всегда хорошо одевался, даже лучше, чем все остальные. Может быть, он делал это, чтобы немного отвлечь внимание от своего косоного глаза, который настолько не гармонировал с другим глазом, что было трудно точно сказать, на что он смотрит.

Хейли прикрыла глаза от солнечного луча, проникшего в одно из пыльных окон закусочной, и пошла налить ему чашку кофе. Когда она поставила кофейник обратно на конфорку, она почувствовала руку Криса на своем плече. Крис всегда был активен. Возможно, немного чересчур. Но как бы ей это ни не нравилось, она знала, что он не хотел причинить ей вреда.

— Только что услышал о Тиффани, — сказал он. — Есть какие-нибудь новости?

Она покачала головой и протянула ему кофе.

— Боже милостивый, — пробормотал он. — Знаешь, когда ты общаешься с людьми, с которыми тебе не следует общаться, ты просто напрашиваешься на неприятности.

— Она не с Чарльзом. Шериф сказал, что говорил с ним прошлой ночью.

Крис пробормотал что-то себе под нос и полез под стойку за расписанием смен.

— Если хочешь, можешь идти домой. Ким может заменить тебя до смены Эрики. Она должна быть с минуты на минуту.

— Нет, все в порядке. Лучше займись делом, — заверила она, вытирая стойку.

Он стоял с расписанием и бегло изучал его. Затем его здоровый глаз встретился с ее, в то время как косоной, казалось, изучал двух клиентов позади.

— Я уверен, что она просто сбежала и жива, и здорова. Не нужно переживать больше, чем ты уже переживаешь со своим папой и всем остальным.

Она не сбежала. Хейли была уверена в этом. Но она слишком устала, чтобы спорить, поэтому ничего не ответила.

Рука Криса снова легла ей на плечо. Он слегка потер его, и Хейли постаралась не отпрянуть от его прикосновения.

— Надумаешь уйти сегодня пораньше, дай мне знать. Я буду у себя.

Глава 11

К двум часам обедающая толпа в закусочной разошлась. Крис и Остин чистили грили в задней части кухни, готовясь к ужину, а Эрика работала в зале. Когда она вошла в парадную

дверь закусочной на свою смену, Хейли уходила, слишком взволнованная, чтобы закончить день.

Эрика вытащила из кухни стойку с чистым столовыми приборами и села, чтобы отполировать их, все время размышляя о том, что действительно могло случиться с Тиффани Перрон. Сегодня утром она слышала, как мужчины выкрикивали имя девушки в лесу, и задавалась вопросом, что происходит. Поговаривали, что Тиффани ушла в субботу вечером, и с тех пор ее никто не видел.

Большинство горожан, которые в то утро часто бывали в закусочной, похоже, не слишком взволновало ее исчезновение. Те, кто знал девушку, казалось, подозревали, что она просто куда-то ушла с парнем. Складывалось впечатление, что о судьбе Тиффани больше всего беспокоились люди, которые ее не знали.

Гранд-Треспасс, хотя и небольшой городок, но и в нем нередко случались преступления. Мать Эрики, проведя исчерпывающее исследование города для своего детективного романа, часто рассказывала ей о безобразных событиях, которые большинство жителей старалось забыть.

Брошенный супруг закладывает бомбу в почтовый ящик. Бытовые споры привели к шести пулевым ранениям в голову. Смертельные случаи за рулем в нетрезвом виде, вторжения в дома, мошенничество с чеками, ритуальные действия с участием домашних животных города.

Гранд-Треспасс ни в коем случае не был дружным городом. По праву, люди, как правило, проявляли недоверие. Они держались особняком, скрывали свои частные дела от городских сплетников, а самые умные запирали свои двери. Ее мать предположила, что скука, безудержный алкоголизм и общая нездоровая атмосфера были главными виновниками городских бед.

Пухленькая пятидесятилетняя служащая с заправочной станции через дорогу сидела за стойкой и разговаривала с Ким Териот, помощником менеджера закусочной «Люка». Эрика слушала этих двоих, перебирая столовые приборы.

— Как думаешь, что случилось с девчонкой Перрона? — спросила служащая, закуривая сигарету. Когда она выдохнула, Эрика увидела, что на сигарете осталось отвратительное красное кольцо от губной помады женщины.

Ким была одета в футболку «Хьюстон Ойлерз» и втиснута в пару синих джинсов. Она сидела, ссутулившись, рядом с кассовым аппаратом, сосредоточившись на кроссворде.

— Да кто ее знает, — пробормотала она. — У Тиффани энергии через край. Так было всегда. Наверное, собралась и уехала из города, зная ее, я не удивлюсь. В любом случае, это все, о чем она когда-либо говорит. Уезжаю. Ухожу. Стану какой-нибудь большой кинозвездой. — Она усмехнулась. — Как будто это так легко.

Эрика ненавидела Ким больше, чем Тиффани. И это говорило о многом. Ким на два года старше и была одной из самых отвратительных хулиганок, с которыми Эрике приходилось сталкиваться в детстве.

В старшей и средней школе Ким безжалостно издевалась над ней, распространяя слухи и называя Эрику поклонницей дьявола. Однажды в школьном туалете она даже запустила живого таракана в волосы Эрики. Но Эрика всегда вела себя так, как будто не замечает издевательства старшей девочки. Она никогда не призналась бы Ким или кому-либо еще, что ей может быть больно.

«Покажи им свои слабости, и ты будешь вынуждена признать их. Это все, что они смогут в тебе разглядеть», — сказала ей мать. Она была права, но все же это не защитило Эрику от постоянной боли.

Крис вышел из кухни и тихо подошел к входной двери. Он уставился на поле сахарного тростника через дорогу.

— Группа людей из Честера и Труро только что начали новую смену в своих поисках, — сказала дежурная. — Человек из Лафайета и несколько его гончих там с ними.

— Похоже, шериф относится к этому довольно серьезно, — пробормотал Крис.

— Он просто прикрывает свою задницу, и все потому, что она дочь Джулии Перрон, — проворчала Ким, откладывая кроссворд в сторону, разворачивая жвачку. — Знает, что у него не будет мирного ужина, пока она не получит ответы на вопросы. Но помни мое слово. Будет много разозленных людей, когда они узнают, что она просто загуляла. Тиффани прожигательница жизни. Она всегда будет такой с ее то внешностью. — Она покачала головой. — Это позор. Все эти бедняги тратят свой благословенный понедельник, не получая ни цента, потому что пытаются ее найти. У них и так хватает проблем с тем, чтобы заработать денег на еду.

Ким сунула жвачку в рот и подняла глаза. Луч яркого солнечного света заплясал на ее лице, подчеркивая глубокие оспины, разбросанные по ее покрытым пятнами щекам.

— Эти окна грязные, — сказала она, прикрывая глаза и отодвигая свой стул на фут влево. Она подмигнула глазом-бусинкой. — Не могла бы ты их вымыть, мисс Эрика?

Лицо Эрики вспыхнуло. Хотя технически она знала, что не должна спорить с Ким из-за ее статуса в закусочной, она также знала, что Крис заступится за нее, если она это сделает. Он уже делал это несколько раз раньше.

— Не в моей должностной инструкции, — пробормотала она, избегая взгляда Ким. — Но возможно в твоей.

Служащая от души захихикала, из ее ноздрей вылетели струйки дыма.

Ким выпрямилась на стуле и прищурилась.

— Прости, я не расслышала. Не хочешь повторить еще раз?

«Скоро ты уйдешь, — напомнила себе Эрика, стараясь сохранять спокойствие. — Ты покинешь пределы Гранд-Треспасса и никогда не оглянешься назад. А Ким, она останется здесь со своими кроссвордами и плохой кожей... и сгниет».

— Ты когда-нибудь задумывалась, почему тебе так нравится издеваться над людьми моложе тебя? — спросила Эрика. На этот раз она встретила пристальный взгляд Ким. — Потому что это довольно жалко, если хочешь знать мое мнение.

Крис выглядел удивленным, но все равно прервал их.

— Стоп, стоп, хватит, девочки. Хотя я обычно наслаждаюсь хорошей кошачьей дракой, сегодня не тот день. — Он схватил несколько бумажных полотенец из-под стойки и направился к двери, ведущей на кухню. Он снова посмотрел на них, и, хотя они стояли всего в паре футов друг от друга, Эрика не могла сказать, куда смотрел его косой глаз, на нее или на Ким. — Давайте сегодня насладимся тишиной и покоем. Забудьте об окнах. Я сам их помою.

***

Несколько мгновений спустя зазвенели колокольчики, и вошла Рейчел Андерсон, преподаватель творческого письма из местного колледжа. Рейчел, одетая в длинную юбку

цвета лаванды, с длинными светлыми волосами, заплетенными в аккуратную французскую косу, оглядела закусочную. Поправив солнцезащитные очки на макушке, она подошла к стойке и вежливо обратилась ко всем.

— Добрый день.

Эрика заметила, что Ким и служащая заправки переглянулись.

Все в «Люка» знали о романе Тиффани с профессором, мужем Рейчел, Томом, и они знали, что Рейчел пришла только для того, чтобы запугать ее. До того, как она узнала об их романе, она никогда не переступала порога закусочной.

Эрика восхищалась этой женщиной за то, что она не боялась постоять за свои отношения, каждый день навещая любовницу своего мужа. У нее были яйца, и она заняла твердую позицию. Нет никаких сомнений в том, что эта женщина сильная, а Эрике нравились сильные.

— Только чашечку кофе, пожалуйста, — сказала Рейчел Эрике, разглаживая юбку и садясь.

Успокоенная присутствием женщины, Эрика потянулась за кофейником.

— Они сейчас обыскивают лес у старого дома Джонстонов, — сказала служащая. — Я слышала, что кустарник там такой густой, что может потребоваться несколько часов, чтобы осмотреть всего несколько сотен футов.

— Обыскивают лес? Я что-то пропустила? — спросила Рейчел, разрывая пакетик с сахаром. Эрика изучала длинные тонкие пальцы Рейчел, ее отполированные ногти, чистые и красивой формы. Она восхищалась тем, как изящно двигались ее руки, когда она вскрывала маленький квадратный пакет. Рейчел была идеальна, как и мать Эрики.

— Тиффани, — объявила Ким, — она пропала. Вы что, не слышали?

Взгляд Рейчел метнулся от Ким к служащей.

— Пропала? Что значит пропала?

— Никто не видел ее два дня. Она оставила свой «Мустанг» на стоянке у «Провоста» в субботу вечером. Так и не появилась дома.

Рейчел уронила пакетик с сахаром, который держала в руках, и гранулы высыпались на прилавок. Она помешала свой черный кофе, хотя и не бросила ни грамма сахара в чашку. Она выглядела встревоженной, и Эрика заметила, что у нее дрожат руки.

— У них есть какие-нибудь идеи, где она может быть?

— Шериф разговаривал с ее парнем, — сказала Ким. — Он говорит, что не знает, где она. Больше никто ничего не знает.

В закусочной воцарилась тишина.

Служащая достала из сумочки тюбик губной помады и нанесла ее на тонкие губы. Как всегда, она размазала помаду чуть за пределами линий, в надежде, что ее губы будут выглядеть полнее. Но тем самым только сделала себя похожей на клоуна. Эрика заметила, что время от времени она изучала Рейчел. Она не была уверена, из зависти ли, любопытства... или подозрения. Народ в Гранд-Треспассе, как правило, с подозрением относился к людям, которые выделялись, и большинство женщин, казалось, не особенно любили Рейчел. Эрика полагала, что это только потому, что они ревновали.

Как и мать Эрики, Рейчел говорила не так, как другие дамы, чисто, грамотно, без всего этого провинциального говора. Она не одевалась в балахоны и шорты для ходьбы и не выходила из дома в старых спортивных штанах. Нет, у Рейчел были гордость, изящество, стиль и образование... активы, которые взъерошили перья стольких женщин в Гранд-

Треспассе.

Эрика восхищалась Рейчел с тех пор, как прошла свой первый курс писательского мастерства в местном колледже. И теперь она посещала курсы письма каждый летний семестр. Рейчел Андерсон одна из немногих, кто когда-либо нравился Эрике. И она ей очень нравилась. Она была самым похожим на ее мать человеком, которого она знала.

— Хейли Ландри была последней, кто ее видел. Они вместе пошли в «Провост», — сказала служащая заправки. — Шериф сделал обход, поговорил с людьми. Перроны организовали поисковую группу. Люди весь день прочесывали лес.

— Есть какие-нибудь признаки насильственных действий? — спросила Рейчел, теребя золотой теннисный браслет на запястье.

— Насколько нам известно, нет, — ответила Ким. — Вот почему я думаю, что все это чушь собачья. Если бы она была кем-то другим, никого бы не допрашивали по крайней мере еще день или два. Уверена, что она просто сбежала. Либо это трюк для привлечения внимания, либо она нашла какого-то нового парня.

Служащая покачала головой, губная помада прилипла к пожелтевшему верхнему зубу.

— Ну, не знаю. Хейли и Тиффани — лучшие подруги. Она бы знала, если бы Тиффани просто сбежала. Бедняжка выглядела как смерть, когда уходила. И все это после ужасной, неожиданной смерти ее папочки, благослови ее маленькое сердечко. Мне неприятно это говорить, — проговорила она, крестясь. — Но у меня не очень хорошее предчувствие на счет девчонки Перрон. Помяните мое слово.

Глава 12

Около половины третьего шериф Хиберт вошел в закусочную «Люка», сжимая в толстых руках свою шляпу.

— Добрый день, — проговорил он, кивая. Слегка кривоногий шестидесятилетний мужчина неторопливо подошел к стойке, положил шляпу и сел рядом со служащей заправки. Фиолетовые круги, оттенок краски для пасхальных яиц, обрамляли его сморщенные нижние веки.

— Шериф, — сказала служащая в знак приветствия.

— Шериф, — поприветствовали остальные.

— Как продвигаются поиски? — спросил Крис.

Шериф прочистил горло.

— Я полагаю, ну, все идет своим чередом.

— Я отправлюсь туда около четырех, если до этого не появится никаких новостей. Присоединюсь к вечерней смене, — вызвался Крис. — Если поиски продолжаться.

Хеберт кивнул. Он полез в карман рубашки, достал пачку «Кэмел» без фильтра и положил их обратно. Его смех был хриплым.

— Пытаюсь вот бросить курить, но не верю, что это вообще возможно.

Эрика поставила перед ним чашку кофе и взяла все еще полную чашку Рейчел. Она ушла несколько минут назад, ее лицо было бледным.

— Хотите бутерброд? Немного супа? Должно быть, у нас остался грибной, — предложил Крис.

Хеберт покачал головой. Он оглядел комнату. Его голубые глаза были холодны, как

озерная вода, но все же более суровы, чем любые глаза, которые Эрике до сих пор приходилось видеть. Шериф был спокойным человеком, предпочитавшим говорить очень мало, но, когда он это делал, легко брал на себя командование.

— Завтра, значит, к нам придет молодой парень из Честера, чтобы поболтать с некоторыми из вас о Тиффани Перрон. Ты будешь на месте, Крис?

— Безусловно.

— А Хейли Ландри завтра работает? — спросил он, его толстые, испачканные пальцы вернулись к пачке сигарет. Прежде чем они добрались туда, он опустил руку.

— В утреннюю смену, — ответил Крис.

— Тогда скажу детективу, что она, значит, будет здесь утром. Зовут Эдди Гитро. Судя по тому, что я видел, он знает, выглядит приличным молодым человеком. Шустрый, честолюбивый даже я бы сказал. Бывший футбольный герой. Когда-то был настоящей шишкой в Батон-Руже. Он зайдет, чтобы задать несколько вопросов. Очень уж мне не хватает помощника, вот и пригодится любая помощь, что дают. Уверен, все будут максимально полезны, да.

Он сделал большой глоток кофе.

— Еще до моего сведения довели, что в последние пару месяцев в городе появился «подглядывающий Том». Не уверен, что это как-то связано. Никогда не стоит делать поспешных выводов. Кроме того, здесь нет никаких признаков насильственных действий, да. Неопровержимые факты — вот что будет искать детектив. Я ожидаю, что именно их он, значит, и найдет.

Глаза Ким загорелись.

— Подглядывающий Том?

Ничто не нравилось Ким больше, чем сочная сплетня. Ее рот служил городским каналом «ФОКС Ньюс».

Шериф поставил свою чашку с кофе на стол.

— Да, мэм, кто-то заглядывает в окна людей. Он делал это в Честере, сколько я себя помню. И в Уэстоне тоже. Похоже, нам никак не найти этого мерзавца, и кажется, он становится все более активным. Пугает все больше местных жителей. Поступает все больше звонков, да. Люди думают, что это один и тот же парень. — Он сделал паузу. — Но думаю, что мне не следует больше говорить об этом прямо сейчас. Я просто прошу вас быть бдительными. Позвоните в участок, если увидите что-нибудь необычное. Да, значит, я уверен, Гитро составит всем прекрасную компанию.

Глава 13

Эрика вырвала страницу из блокнота и скомкала ее. Она бросила листок на пол и хмуро посмотрела на следующую пустую страницу. Слезы окрасили ее щеки.

Сцены никак не получались, и когда она все равно попыталась их написать, они звучали надуманно. Ей придется начинать все сначала. Написать что-нибудь совершенно другое.

Она посмотрела на огромную пластиковую банку «Хайнекен», которая служила копилкой для ее поездки в Нью-Йорке, деньги, которые должны были отвезти ее на восточное побережье, чтобы она смогла найти свою мать. Банка в четыре фута высотой уже на три четверти заполнена долларовыми купюрами и монетами. Эрика поставила себе цель

наполнить ее полностью к концу лета. Теперь, осознав, что у нее могут быть деньги, но нет романа, ее охватила паника.

Она отбросила серую простыню в изножье кровати в тщетной попытке избавиться от неприятного беспокойства, затем потянулась за бокалом вина, но обнаружила, что он пуст.

— Просто потрясающе, — простонала она.

Выскользнув из постели, Эрика натянула спортивные штаны, затем прошаркала по коридору в сторону кухни. Кондиционер был выключен, и в доме было прохладно.

— Привет. — Тихий голос прозвучал позади нее.

Эрика напряглась.

— О, прости, дорогуша. Я тебя напугала?

Памела. Она сидела на кожаном диване матери Эрики с любовным романом в руках. Прозрачная розовая ночная рубашка едва прикрывала ее тело.

Эрика скрестила руки на груди.

— Мой отец дал тебе ключ?

Памела отложила книгу и склонила голову набок. Эрика могла видеть, что грудь женщины едва скрывалась под кружевным материалом.

— А если и так, милая, — медленно ответила она, — это стало бы проблемой?

Эрика вылетела из комнаты на кухню. Она распахнула дверцу холодильника и заглянула внутрь. Два помидора и огурец, которые она взяла с грядки по дороге домой накануне вечером, ящик диетической колы, банка оливок и три «Миллер Лайт».

Она вытащила две бутылки «Миллер Лайт» и балансировала между пивом, коробкой чайных свечей и несколькими спичками, когда Памела вошла на кухню.

— Если тебе не нравится, что я нахожусь здесь, когда твоего папы нет дома, я больше не приду, — тихо сказала она. — Это то, чего ты хочешь?

Женщина выглядела еще моложе, чем раньше, с зачесанными назад волосами и без макияжа. На самом деле она казалась намного красивее без него. Такой хорошенькой, какой только может быть дешевая девка.

— Делай, что хочешь. Это его дом.

— Но это и твой дом тоже, дорогуша.

Эрика прошла мимо нее.

Женский голос последовал за ней.

— Я еще не решила. Либо ты увлекаешься колдовством, либо ты думаешь об этом. Ты увлекаешься колдовством, милая?

Эрика почувствовала себя так, словно кто-то ударил ее ногой в живот. Она резко развернулась, чуть не уронив бутылку на деревянный пол.

— Что?

— Просто я кое-что заметила.

Эрика подумала о колоде карт таро на своем комод. Корень валерианы, релаксант, который она использовала, когда возилась с простыми заклинаниями, которые использовала ее мать.

— Ты заходила в мою комнату?

— Я не рыскала или что-то в этом роде. Хотела одолжить немного крема, вот и все, и кое-что заметила. Твои благовония. Книга призывов.

— Никогда больше не заходи в мою комнату! Ты меня слышишь?

Лицо Памелы вытянулось.

— Я просто хотела поговорить с тобой о том, чтобы, может быть, наложить на меня небольшое заклинание. Не волнуйся, я не пойду рассказывать твоему папочке или кому-то еще. В любом случае, это женское дело. Дело, которое должно остаться между нами, девочками.

Эрика бросила на женщину неприязненный взгляд. «Между нами девочками?» Она и эта женщина совсем не похожи.

— Просто скажи ему, чего ты хочешь. Но тебе лучше держаться подальше от моей комнаты, — сказала она, — или я позабочусь, чтобы мой отец нашел на тебя управу.

Глава 14

Он перевел взгляд с телевизора на стену. Раздался звонок телефона, который почти никогда не звонил. Но когда это случалось, это всегда было рекламное предложение.

— Алло?

— Здравствуйте, сэр. Меня зовут Андреа, и я звоню из компании «Шезлонги для всех», — раздался писклявый, полный надежды голос. — Как ваши дела?

Он не ответил.

— Отлично, я надеюсь, — весело продолжила она. — Могу я спросить, есть ли у вас в настоящее время шезлонг?

— Нет.

— Нет, вы его не имеете? Фантастика. Тогда мы хотели бы послать нашего сотрудника к вам домой, чтобы предоставить бесплатный пробный экземпляр. Когда будет подходящее время?

— Не интересуюсь, — ответил он, взглянув на часы. Девять вечера, казалось, уже слишком поздно, чтобы звонить из отдела продаж. Разве маленькие дети не должны сейчас укладываться спать?

— Вы уверены, сэр? Это бесплатно. Это значит, что вам не нужно будет ничего платить.

— Да, — ответил он, не скрывая своего раздражения.

Сетчатая дверь открылась, и появилась его сестра Элли. Она взглянула на него и неодобрительно покачала головой. Ее длинные волосы снова были распущены, и от нее сильно пахло спиртным и сигаретами. Она проковыляла мимо него, затем захлопнула дверь своей спальни.

— Вы уверены? — голос в трубке продолжал. — Мы можем просто прийти и предоставить вам пробный экземпляр. Я обещаю, что это бесплатно. И шезлонги Грейди оценены как...

Из ее комнаты донеслась музыка. Он чувствовал вибрацию в своих руках, в своем черепе. Повесил трубку и снова сел. Схватив свое пиво, взял пульт от телевизора. Тревожные изображения женской плоти мелькали на экране, когда он переключал каналы.

Когда она находилась дома, он не мог расслабиться. С тех пор как умерла их мать, Элли стала еще более пугающей.

Йен, паршивый кот, заорал снаружи.

Дверь Элли распахнулась, и из ее комнаты полилась музыка. Она проковыляла на кухню и включила флуоресцентную лампу, залив комнату бело-голубым светом.

— Снова торчишь дома? — спросила она.

Его взгляд вернулся к телевизору. Повторный запуск «Сайнфелд» заполнил экран, и его глаза слепо скользнули по персонажам. Он никогда не увлекался просмотром телевизора. У него не получалось сосредоточиться на чем-то одном даже на полчаса, пока он был в этом доме. Слишком много всего происходило в его голове. К тому же телевизор его раздражал. Кроме черно-белых комедийных сериалов и драм, снятых на пленку в 50-х — начале 70-х, остальная часть программы была не чем иным, как грязью, чистым развратом.

Краем глаза он наблюдал за сестрой, стоящей у холодильника. Она открыла его и заглянула внутрь, уперев руки в узкие бедра.

— Разве у тебя не две работы? Знаешь, если бы у меня было две работы, я бы время от времени покупала продукты.

— Что тебе нужно?

— Э-э, давайте посмотрим, — ответила она. — Две или даже одна из четырех групп продуктов питания? Что-нибудь, кроме банки табака и дешевого пива? Ты же должен быть взрослым, забыл? Тебе правда пора начать вести себя как один из них.

Она захлопнула дверцу холодильника и открыла крышку с пивной бутылки.

Он не просил об этой опеке над ней и знал, что у него ничего не получается.

— Пять, — сказал он.

— Что? — спросила она, одергивая свой прозрачный топ.

— Пять. Существует пять групп продуктов питания.

— Пофиг.

— Я оставляю тебе деньги.

— Я трачу деньги. И не на еду. На другое. Вроде презервативов и сигарет.

Он украдкой бросил на нее быстрый взгляд. Она ухмылялась. Он ненавидел ее поведение и ее наряд. Ему не нравился ни один из ее нарядов. Все девочки ее возраста одевались как бродяжки. Неужели они не понимали, насколько это опасно? Что это делало с некоторыми мужчинами? Мужчи́нами... вроде него.

Его взгляд остановился на пиве.

— Ты слишком молода для этого.

Она фыркнула.

— Слишком молода? Неужели, теперь думаешь, что ты мой отец? О, пожалуйста, ты даже не взрослый. И никогда им не будешь.

Он снова повернулся к экрану телевизора. Картинка расплывалась. Он хрустнул шеей и посмотрел на кофейный столик, где стояла миска с хлопьями, наполовину наполненная молоком.

Таракан пробежал по стене за телевизором, затем проскользнул в щель в стене. Он содрогнулся. Он всегда боялся тараканов, даже в детстве, когда Элли гонялась за ними и смеялась, раздавливая их своими маленькими ладошками. Но теперь она стала старше и перешла к более опасным вещам.

Она бросила бутылку в мусорную корзину к остальным пустым бутылками и коробками из-под замороженных продуктов и взяла свою сумочку.

— Разве ты не хочешь, чтобы у тебя появилась жизнь? — Ее глаза оглядели комнату. Он смотрел, как они порхают от старого дранного ковра к большой гравюре Сент-Бартса в золотой рамке, которая криво висела на стене.

Он наблюдал за ней, зная, что Элли не хотела оставаться здесь. Но он тоже не хотел жить в этом доме. Как только ей исполнится восемнадцать, он уйдет. Он поедет в Неваду и,

наконец, найдет собственное жилье. Уедет далеко-далеко от этого места и постоянных напоминаний о покойной матери, о мучениях. Он стал бы другим человеком. Начал бы нормальную жизнь.

Если это вообще возможно.

Элли пересекла комнату, вздернув подбородок. Она была маленьким маминым ангелочком. Особенной, такой, каким он никогда не был. Он сильнее нажал кнопку на пульте.

— Однажды я выйду за эту дверь, и уйду навсегда, — сказала она, ее слова звучали невнятно. — Тебе ведь станет одиноко?

Он подумал о Тиффани. Страх в ее глазах, когда она поняла, что вот-вот умрет. Она тоже хотела уйти. Но так этого и не сделала. Не так, как она себе представляла. Он вспомнил ее приглушенные крики, как напряглось ее тело.

— Ты что, пьяна? — спросил он.

Ее стальные глаза впились в него, и он постарался не показать своей нервозности. Она никогда не должна узнать, как неуютно ему рядом с ней, какую власть она имела над ним. Она бы использовала это в своих интересах. Женщины всегда так делали.

— Нет, я не пьяна. В любом случае, почему тебя это должно волновать? Ты едва существуешь.

Он знал, что она пытается вывести его из себя. Он просто сидел, уставившись в телевизор.

Он сознавал, что с годами стал более привлекательным, избавившись от всего ужасного детского жира. Перемены положили конец обзывательствам и смеху детей в школе. Но для своей сестры он оставался таким же отвратительным и незначительным, как всегда.

Она ухмыльнулась.

— И к твоему сведению, я знаю, что прошлой ночью у тебя здесь была девушка. Я видела ее сумочку, а на диване пятно от губной помады, — сказала она, указывая на него маленькими глазками. — Если только ты не начал переодеваться и пользоваться дерьмовым оттенком помады. О, не то чтобы я была удивлена. — Она фыркнула над собственной шуткой.

Ее лицо снова стало серьезным.

— Ну, и кто она?

Он взял свое пиво.

Ее голос смягчился.

— Она хорошенькая?

Он взглянул ей в лицо и понял, что его сестра ревнует. Их семья была сумасшедшей.

— У нее большие сиськи?

— Да, и они очень красивые, — пробормотал он.

Ее глаза стали еще меньше.

— Ты трахнул ее?

— Трахнул. — Его начало трясти.

В комнате воцарилась тишина. Долгое мгновение спустя ее смех разорвал тишину.

— Неважно. Я не верю в это. — Она разгладила юбку и направилась к передней части дома. — Боже, как я рада, что я не ты! — прокричала она, затем позволила сетчатой двери хлопнуться за ней и ушла.

Он изучал место, где она стояла. Ее не будет до завтра. Он всегда чувствовал себя в

большой безопасности, когда ее не было. Натянул резиновые сапоги и направился к задней двери.

Глава 15

Рейчел Андерсон открыла дверь в комнату сына и вздохнула. Одежда и журналы валялись на полу, и, несмотря на правила «чистоты» в их доме, на его комодке была оставлена тарелка, испачканная кетчупом, и две смятые банки из-под кока-колы.

У нее был ужасный год. Несколькими месяцами ранее она обнаружила, что у ее мужа Тома роман с одной из его учениц-подростков: Тиффани Перрон. Том, мужчина, в верности которого она могла бы поклясться всего год назад, никогда бы не сбился с пути истинного. Том, тот, кого она всегда считала прекрасным человеком, верным мужем. Сказать, что ее восприятие его оказалось ошибочным, стало бы колоссальным преуменьшением.

— Томми! — крикнула она.

С тех пор как она услышала новости о Тиффани, ее желудок никак не мог успокоиться. Подумать только, она начала посещать закусочную Люка, чтобы показать девушке, что все еще наблюдает за ней. Это стало традицией. Она приходила туда с тех пор, как узнала о романе Тома, надеясь держать молодую девчонку подальше от своего мужа. Чтобы сохранить свою семью. То, что раньше казалось умным планом, внезапно превратилось в ужасную глупость. Теперь девушка пропала. Возможно, она просто сбежала, но, тем не менее, она пропала. И почему-то эти визиты Рейчел, показались в высшей степени детскими. Даже жалкими.

— Томми! — снова крикнула она. — Я думала, ты убрал свою комнату!

Она начала собирать грязную одежду. Затем, передумав, бросила то, что подобрала, и направилась в гостиную. Неужели такой стала ее жизнь? Пресыщенная жена распутного мужа? Неуверенная в себе тридцатилетняя женщина, изо всех сил пытающаяся бросить вызов девочкам-подросткам? Женщина, вынужденная конкурировать с девочками-подростками?

Рейчел подумала о незаконченной рукописи, которую хранила в своем шкафу. Когда-то у нее были большие мечты, а потом она забеременела Келси. Она вышла замуж за Тома, который был на десять лет старше ее, и в своем прогестероновом блаженстве думала, что впереди не будет ничего, кроме положительных моментов. Здоровый брак, красивый ребенок, успешная карьера писателя. Но с деньгами стало туго, и она была вынуждена заняться преподавательской деятельностью. Вскоре после этого появился маленький Томми. Потом Том начал совершать свои поездки. Несколько раз в год. А в прошлом году частота поездок увеличилась почти вдвое.

В гостиной одиннадцатилетний Томми лежал на животе перед телевизором с миской сухих завтраков. Рейчел взяла пульт от телевизора, лежавший рядом с сыном, и нажала кнопку выключения. Экран погас.

Томми повернулся, все еще держа ложку в руке, его большие глаза смотрели в замешательстве.

— Ты сказал мне, что в твоей комнате чисто, Томми.

— Это так, — ответил он, его слова были медленными и ровными, как часто говорил его отец.

Она уперла руки в бока.

— Томми?

— Боже, мама!

— Боже, мама, что?

— Просто... Неужели ты не можешь хоть раз расслабиться? Ты ведешь себя так, словно небо сейчас упадет, и знаешь, что? Это не так.

Рейчел поморщилась. Это были слова, которые он много раз слышал от своего отца, Тома-старшего. Слова, которые она презирала. У нее имелась причина не расслабляться. Она совсем не была напряженной личностью с рождения, какой они ее представляли. У нее были на то причины. Хорошие, черт возьми!

— Никогда не говори мне расслабиться, Томми.

Он сел и нахмурился.

— Но ты всегда лезешь в мои дела! Меня это так достало. В комнате Келси чисто? Почему ты к ней не пристаешь?

Рейчел посмотрела на сына. С каждым днем он все больше становился похожим на ее мужа. Его волнистые светлые волосы. Его упрямый, вызывающий тон. То, как он наклонял голову, когда смотрел телевизор. Гнев на его лице. Она окинула взглядом длинные, стройные ноги, на которых теперь росло больше персикового пуха, ступни, которые, казалось, стали такими большими за ночь.

— Томми, сейчас мы говорим о твоей комнате, — проговорила она, стараясь держать свой тон под контролем.

С прошлого года в доме царило напряжение. Она всегда находилась на взводе и знала, что ее дети это чувствуют. Рейчел задавалась вопросом, знали ли они об этом романе. Городок маленький, и она уверена, что другие в курсе. Но кто? И сколько их было?

Неужели Том все еще изменяет, несмотря на то, что настаивал на обратном? Изменял ли он раньше, или это действительно случилось в первый раз? Рейчел загнала волну вопросов на задворки своего сознания.

— Этот разговор о твоей комнате, Томми, — повторила Рейчел. — Ты сказал мне, что в ней чисто.

— Видишь? Ты всегда лезешь в мои дела, а не в ее! — Он фыркнул. — Знаешь, она не так идеальна, как ты думаешь.

Рейчел приподняла бровь. Ее шестнадцатилетняя дочь Келси сильно изменилась за последнее время. Она даже стала бунтаркой, и Рейчел начала беспокоиться, все ли с ней в порядке.

— Она не такая? — Она выглянула в окно гостиной и увидела, как красивый молодой человек, который подстригал им траву, проехал по заднему двору на большой газонокосилке, что они унаследовали от ныне покойного отца Тома.

Рейчел подняла с пола подушку и положила ее на диван, размышляя, какой тактикой лучше воспользоваться, чтобы уговорить Томми поделиться с ней какой-нибудь информацией.

Через несколько секунд она повернулась к своему рассерженному сыну и сказала то, что, как она знала, хорошая мать не сказала бы.

— Думаю, она чертовски близка к совершенству, Томми. Келси хорошая девочка. Ты мог бы равняться на нее.

Глаза Томми вспыхнули.

— Да, она хорошая девочка, конечно. Если ты считаешь, что хорошо вылезать из окна посреди ночи, то, да, Келси — отличная девочка. Если бы только я мог быть таким, как она.

У Рейчел перехватило дыхание. Келси вылезала из своего окна? Чтобы сделать что? И... с кем?

Она опустилась на диван.

— Откуда ты это знаешь, Томми? — спросила она, нервно теребя свой браслет.

— Видел ее. Прошлой ночью она опять это сделала. Она всегда так делает. — Томми покачал головой. — И ты думаешь, что она такая чертовски идеальная.

***

Час спустя зазвонил телефон. Это была Мирна, одна из коллег Рейчел по колледжу.

— Я просто хотела, чтобы ты знала, Рейчел, — проговорила Мирна. — О боже. Как мне это сказать?

Рейчел бросила стопку студенческих сочинений на кухонный стол.

— Что сказать? Просто скажи это, Мирна.

— Пошли... сплетни, — начала Мирна. Она произнесла слово «сплетни» так тихо, что Рейчел едва расслышала его. Однако, зная Мирну много лет, могла с уверенностью сказать, что это действительно было то слово, которое она использовала. Рейчел могла представить себе эту женщину прямо сейчас, вероятно, сидящую в своей спальне, кипящую от предвкушения, умирающую от желания сообщить ей пикантную, обидную новость.

Рейчел сглотнула.

— Сплетни? — О чем? О Томе? О Томе и Тиффани?

— Я не знаю, как это сказать.

Рейчел направилась к бару с напитками.

— Просто скажи, Мирна, — попросила она, отчаянно пытаясь сохранить самообладание.

— Сплетни о Томе... его романе.

Рейчел старалась не замечать слез в глазах, когда наливала виски в стакан. Она осушила его и поморщилась. Значит, Мирна знала об этом романе. И если Мирна знала, то...

— И теперь, когда девчонка Перрон исчезла, люди... ну, ты же знаешь, какие они. Они думают, что, может быть, Том...

У Рейчел упало сердце. Она крепко обхватила себя свободной рукой за талию и попыталась успокоиться. Ей удалось сохранить ровный голос.

— О чем ты говоришь? Ты думаешь, что это нечто большее, чем просто молодая девушка, взбунтовавшаяся и сбежавшая из этого маленького городка? Ты хочешь сказать, что думаешь, что что-то пошло не так и что Том как-то к этому причастен? Потому что, если это то, что ты говоришь, должна заверить тебя, ты сильно ошибаешься.

Позади нее послышались шаги. Затем раздался молодой голос.

— Мам, я иду к Стефани. — Рейчел обернулась и увидела свою дочь Келси, одетую в черную футболку и черные спортивные штаны, которые Том купил ей во время недавней конференции в университете.

Рейчел вдруг захотелось поговорить с Келси. Поскольку теперь казалось, что остальная часть Гранд-Треспасса была в курсе произошедшего, она хотела выяснить, что знали ее дети.

— Подожди, Мирна, — попросила Рейчел в трубку, ее голос звучал хрипло. Она прикрыла трубку дрожащей рукой. — Нет. Я не хочу, чтобы ты выходила из дома. Не сейчас.

У Келси отвисла челюсть.

— Но, мама!

— Я сказала «нет», Келси.

— Черт возьми, мам! — закричала дочь, хотя они стояли всего в нескольких футах друг от друга.

— Не выражайся в этом доме, юная леди, — прошептала Рейчел, сосредоточившись на том, чтобы не уронить телефон. Ее тошнило от новостей, виски, внезапных криков.

Рейчел слышала голос Мирны, едва различимый в трубке.

— О боже. Ты не хочешь мне перезвонить?

— Но почему? Почему я не могу пойти к Стефани? — требовала ответа Келси.

— Потому что нам с тобой нужно поговорить, — прошептала Рейчел. — Когда я закончу телефонный разговор...

— Оооо! Я просто не могу дождаться, когда мне исполнится восемнадцать! — Келси закричала еще громче. — Я ненавижу твои дурацкие правила. Ты меня не понимаешь. Ты ничего не понимаешь! — воскликнула она и исчезла.

Рейчел моргнула, прислушиваясь к сердитым шагам в коридоре, затем хлопнула дверь.

— Мирна? Ты все еще там?

— Мне жаль, что приходится поднимать такую болезненную тему, — ответила женщина.

Конечно, ей жаль.

— Нет. Нет, я ценю твой звонок, — сказала Рейчел. — Увидимся завтра?

Последовало короткое молчание, затем:

— Конечно. Увидимся завтра, Рейчел. Выше голову.

«Выше голову? — Подумала Рейчел, бросая трубку. — Что, черт возьми, это должно означать? И как давно люди знали об этом романе? Дольше, чем она?» — Не раздумывая, она вырвала телефон с корнем и швырнула его об стену.

В доме царил тишина, когда она наливала себе следующую порцию виски. И следующую. Она, вероятно, была посмешищем всего колледжа все это время, и они все еще сплетничали о ней во время летнего семестра. А теперь это? Думают, Том может быть каким-то подозреваемым в том, что было просто бунтарской истерикой глупой маленькой девочки? Что, несомненно, было именно этим. По крайней мере, дамы в закускойной, похоже, так думали.

Ей захотелось сделать с Томом что-нибудь ужасное, по-настоящему причинить ему боль. Может быть, приставить нож к его горлу, пока он спал. Пока он спал, ему снились молодые, красивые девушки.

Что изменилось? Разве она перестала быть привлекательной? Почему она вдруг перестала делать его счастливым? Эти мысли привели ее в ярость. Она могла бы выйти замуж за многих мужчин. Но Том был тем, кого она любила больше всего. И он, казалось, был так увлечен ею. Так верен.

Но теперь они не могли даже говорить. Он держался отстраненно. Твердый, холодный. Но не для детей, только для нее. Это то, что происходит с мужчинами, когда им за сорок?

А потом еще этот разговор о том, чтобы обменять «Патфайндер» на спортивный автомобиль. Какая-то крошечная, нелепая красная штучка. Неужели он всегда был таким? Неужели она просто ничего не замечала?

Она выпила еще порцию виски.

Глава 16

Во вторник утром Хейли провела детектива Гитро в маленький пыльный кабинет Криса в кухонном трейлере за закуской. Она села в кресло, стоявшее напротив стола. Молодой детектив расположился напротив нее.

Он был примерно одного роста с Маком, шесть футов один дюйм, но гораздо крепче. Оливковая кожа, маленькие скучные, широко посаженные глаза и ямочка на подбородке. Его костюм выглядел дорогим, но сильно нуждался в глажке.

— Я слышал, вы с Тиффани были лучшими подругами? — тихо сказал он, изучая ее.

— Не были. Есть, — вежливо поправила она.

Тиффани отсутствовала уже три ночи, и Хейли понятия не имела, где она может быть. Если бы она отправилась куда-нибудь добровольно, то сказала бы ей.

Ей нужны ответы. Ей нужно поспать. Хотя она изо всех сил старалась поговорить с Чарльзом, чтобы выяснить, что именно произошло в субботу вечером, ей это не удалось.

— Вы были с ней в субботу вечером в баре... — он сделал паузу и открыл блокнот, в гладкой черной кожаной обложке. «Провост». Вы были с ней в «Провосте» в ту ночь, когда она исчезла?

Исчезла. Это слово звучало зловеще, ужасно.

Хейли изучала длинное квадратное лицо детектива, его гладкую оливковую кожу. Его каджунский французский акцент был сильным и мягким, но глаза казались жесткими. Тонкий нос, слегка вздернутый на кончике, как будто он улыбался. Но это не так.

— Да, сэр. Мы были вместе в субботу вечером в «Провосте».

Его взгляд, казалось, смягчился.

— Зови меня Эдди, милая, — предложил он. — Я называю своего отца сэром. И мы вдвоем похожи на моторное масло и кухонные спички. А теперь, не могла бы ты рассказать мне, что произошло тем вечером? Пожалуйста, расскажи всю историю.

Хейли поерзала на стуле, затем глубоко вздохнула.

— Тиффани заехала за мной домой, и мы отправились в «Провост» незадолго до девяти часов. Мы пробыли там всего несколько минут, может быть, пятнадцать, прежде чем появился Чарльз, парень Тиффани. После этого я долго ее не видела.

— Почему?

— Я заметила друга моего папы и пошла поговорить с ним. — У нее закружилась голова, когда она снова вспомнила события той ночи.

Детектив постучал большим кольцом по столу Криса. Остин, главный повар закуской, сказал, что это кольцо чемпиона колледжа. Предположительно, детектив играл в футбол за университет Лос-Анджелеса несколько лет, прежде чем травма связок оборвала его карьеру.

— Потом что случилось? После того, как ты поговорила с другом своего отца?

— Я зашла в туалет на какое-то время. Ждала. — Она вспомнила, как ждала в кабинке туалета, расстроенная тем, что ушла. В то время она понятия не имела, что ее подруга исчезнет. Если бы она знала, то никогда бы не оставила ее одну.

— Ждала?

— Да. Тиффани и Чарльз... спорили. Им требовалось уединение. Они вышли на стоянку чтобы поговорить.

— Это было что-то из ряда вон выходящее? Ссора?

— Нет.

Он некоторое время наблюдал за ней, прежде чем снова открыл свой блокнот и что-то изучил.

— Как долго ты пробыла в туалете?

— Может быть, минут пятнадцать. Я не уверена. У меня не было часов.

Он сделал пометку в своем блокноте, затем снова поднял глаза.

— А потом?

— Я вышла на стоянку, но не смогла найти Тиффани.

— Ну, и что ты сделала?

— Я пошла домой пешком.

— Тебе не показалось странным, что она оставила тебя там одну?

Хейли пожала плечами.

— Нет, ничего странного. Я просто думала, что они ушли вместе. Что, может быть, они помирились и забыли обо мне.

Он снова постучал кольцом по столу.

— Я был бы не очень счастлив, если бы друг поступил так со мной. Мне бы это показалось странным.

— Ну, вы не знаете Тиффани. Иногда она бывает невнимательна. В этом не было ничего необычного для нее.

— Ты что-нибудь слышала о ней после того, как ушла?

— Нет, но в воскресенье утром мне позвонила ее мама, Джулия Перрон. Она спросила, где Тиффани. Она волновалась.

— Тиффани уже убегала раньше?

Хейли покачала головой.

— Проводила ночь вдали от своего дома без ведома матери? Или говорила о том, чтобы уехать из города?

Хейли выпрямилась в кресле.

— Она иногда ускользает из дома, но всегда осторожна. Она слишком беспокоится о том, что ее поймают мать. И нет, она никогда не говорила о том, чтобы уехать из города. Не так, как сейчас. Это просто не то, что она сделала бы.

— От большинства девятнадцатилетних сложно ожидать такой ответственности перед своими матерями, — заметил Гитро.

— Вы не знаете ее мать. Она очень властная. Она все еще обращается с Тиффани как с ребенком.

— Правда? Есть идеи, почему она с этим мирится? Из того, что я понял, Тиффани довольно своенравная.

— Деньги. Ее родители контролируют большой трастовый фонд, пока ей не исполнится двадцать один год. Она делает все возможное, чтобы сохранять добрые отношения с матерью, но ей это трудно. Ей кажется, что мать дышит ей в затылок, и она ненавидит ее за это.

Гитро кивнул.

— Понимаю. — Он несколько мгновений постукивал ручкой по верхней губе с задумчивым видом. — Давай поговорим об отношениях Тиффани с Чарльзом. Для начала, о чем они спорили?

— Я думаю, она встречалась с кем-то другим или, по крайней мере, думала об этом.

Чарльз мог узнать.

— Ты разговаривал с Чарльзом после субботнего вечера?

Хейли покачала головой.

— Совсем нет?

— Нет.

— Вы двое... Ты и Чарльз. Ты можешь сказать, что вы хорошо общаетесь?

— Не особенно, но да, мы друзья через Тиффани. А что?

— Ну, просто кажется, что вы двое захотите поговорить после того, как исчез кто-то, о ком вы оба заботились.

— Я не смогла его найти. Я пыталась.

Глаза детектива, казалось, заблестели.

— Понимаю. И ты не знаешь имени джентльмена, с которым она могла встречаться?

— Нет, сэр, не знаю.

— Нет никаких предположений, кто бы это мог быть?

— Нет.

— Ты и Тиффани. Вы хорошо ладили тем вечером?

Глаза Хейли сузились.

— Да. А что?

— Никаких разногласий? Какие-нибудь споры?

— Нет, никаких. Но почему вы спрашиваете?

Он заглянул в свой блокнот, постукивая ручкой по верхней губе.

— Это часть моей работы. — Его глаза снова встретились с ее глазами. — Итак, в последний раз, когда ты видела Тиффани, она выходила через заднюю дверь «Провоста» около 9:30... 9:45 вечера. И с тех пор ты ничего не слышала ни о ней, ни о Чарльзе. Верно?

— Да.

— Проясни это для меня, если можешь. Она была одна?

Хейли была в замешательстве.

— В смысле?

— Когда она ушла через заднюю дверь. Она была одна?

— Нет, с Чарльзом.

— И опять же, это был последний раз, когда ты видела ее или слышала о ней?

— Да.

— Ладно, хорошо. Я думаю, что на данный момент у меня больше нет вопросов. Если, конечно, ты не расскажешь мне что-нибудь еще, что помогло бы нам найти твою подругу?

Она схватила свою сумочку и встала.

— Я вам все рассказала, — устало сказала она. Но как только слова слетели с ее губ, она вспомнила то, что Тиффани сказала ей той ночью. Кое-что, что не взволновало ее, когда это было сказано, но беспокоило сейчас. — Это, вероятно, ничего не значит, но... Одной из последних вещей, которые Тиффани сказала мне в субботу, было то, что Чарльз стал... одержим. Она впервые сказала мне о нем что-то подобное.

Глава 17

Покинув детектива Гитро, Хейли на стоянке у закусочной шарила в поисках ключей от машины. Хотя на кольце было всего пять ключей, она не могла найти нужный. Ее руки

дрожали, а легкие бунтовали против горячего, влажного воздуха. Она закашлялась, и мучительная боль пронзила ее голову.

Воспоминания о той ночи снова и снова истощали ее, лишая той небольшой энергии, которая у Хейли еще оставалась. Хотя она и не думала, что Чарльз способен сделать что-то ужасное с Тиффани, но иначе зачем бы ему ее избегать?

Она услышала, как кто-то окликнул ее по имени. Прищурившись от резкого солнечного света, Хейли увидела, как Остин трусцой направился к ней.

— Ты не в состоянии, чтобы вести машину. Послушай, давай я отвезу тебя домой.

— Нет, я в порядке, — настаивала она, роняя ключи, затем наклонилась, чтобы поднять их снова. Она схватилась за связку, подняв ее вместе с несколькими кусками гравия. Хейли выпрямилась и вытерла гравий с рук. — Правда, в порядке.

Но когда она попыталась поднять на него глаза, чтобы показать, что с ней все хорошо, слезы хлынули потоком.

— Все будет замечательно, — заверил он ее. — Давай отвезем тебя домой. Крис сказал, что может пригнать твою машину вечером.

Хейли дрожала, когда они ехали по Главной улице. Слишком много ужасных вещей происходило, и она не была уверена, сколько еще стресса сможет вынести. Прежде чем пойти поговорить с детективом, Крис предложил ей взять еще несколько выходных. Такое облегчение, потому что сосредоточиться на такой мелочи, как размещение заказа, становилось все труднее. В голове у нее было слишком сумбурно.

Она провела предыдущий день, отсиживаясь в своей комнате, выпивав двойную порцию Найквила и пытаясь уснуть. Но сон не приходил до поздней ночи, она часами смотрела на трещину в потолке своей спальни. И когда все-таки заснула, ей приснился очередной кошмар: она ехала на велосипеде в продуктовый магазин, только чтобы понять, что не знает дороги домой. Пока она ехала, ей все казалось незнакомым. Как будто она оказалась в другом городе. Она ездила круг за кругом, охваченная ужасом.

— Кондиционер слишком холодный? — спросил Остин, прижимая ладонь к одному из вентиляционных отверстий.

— Нет, я в порядке, — заверила она. — Тебе нужно повернуть налево у церкви. — Она взглянула на Остина, парня, в которого была влюблена несколько месяцев. Хейли несколько раз заводила с ним светские беседы с тех пор, как работала в закусочной, но не так часто, как ей хотелось бы, так как они с Крисом проводили большую часть своего времени в кухонном трейлере.

Хейли понимала, что ее влюбленность невинна. Просто что-то, что отвлекло бы ее от мыслей о своих проблемах. То, на что она никогда бы не решилась. Такие женщины, как она, простые, предсказуемые и ответственные, предпочитали парней вроде Мака. Оставались с такими парнями, как Мак.

Кроме того, Мак добр к ней. А у Остина есть постоянная девушка. Бет, первокурсница техасского университета. Ходили слухи, что он собирался сделать ей предложение. А Хейли, скорее всего, когда-нибудь выйдет замуж за Мака.

— Как Бет?

Уголки рта Остина приподнялись.

— Она хорошо. Очень хорошо. А Мак, как он?

— Преуспевает. Я и не думала, что ты его знаешь.

— О, я не знаю. Только видел пару раз у нас в закусочной, — сказал он. — И, конечно,

миссис Незакрывающийся Рот время от времени говорит о нем.

Хейли улыбнулась прозвищу, которое он дал Ким.

— Ну, и часто тебе удается видаться с Бет?

— Мы встречаемся каждые вторые выходные и, конечно же, на каникулах в колледже.

На самом деле не так и далеко ездить, если напрячь воображение.

— Да, я знаю, — сказала Хейли, задаваясь вопросом, могут ли у нее быть отношения на расстоянии с Маком, и быстро решила, что могут. Несмотря на то, что они жили всего в десяти милях друг от друга, все равно не было похоже, что они виделись каждый день. Обычно он заходил три раза в неделю. Иногда больше, иногда меньше. И когда он это сделал, казалось, что Мак гораздо больше заинтересован в том, чтобы убедиться, что с ней и ее семьей все в порядке, чем в желании поцеловаться или сделать что-нибудь романтическое.

Но она не жаловалась. Отношения, как они сложились, были идеальными для нее. С тех пор как умер отец, Хейли потеряла большую часть интереса к общению и обычно беспокоилась, что все равно оставалась скучной, когда проводила время с ним. Она больше не та остроумная девушка, какой была, когда они впервые встретились. Но Мак, и сам не очень разговорчивый, казалось, не возражал. Они занимались вещами, которые не требовали много разговоров, например, смотрели фильмы, телевизор или читали на диване. Иногда он просто возился в одиночестве, чинил что-то в доме, подстригал газон, красил отделку. В основном он держался особняком.

Хейли откинула голову на пассажирское сиденье. Она закрыла глаза и вдохнула. В грузовике Остина чувствовался тот же успокаивающий запах машинного масла, за исключением затхлого, дымного запаха, который был в грузовике Мака. И здесь не так пыльно.

Остин остановился перед ее домом и нажал на ручник. За то время, что ей потребовалось, чтобы поднять сумочку с пола, он уже был у пассажирской двери, открывая ее для нее. Он помог ей, как всегда делал Мак. Но когда рука Остина коснулась ее руки, по телу Хейли пробежал электрический разряд.

— Ты отдохни немного, — посоветовал он, провожая ее до входной двери. — Крис сказал, что привезет твою машину сегодня вечером. Если она тебе понадобится раньше, просто позвони, и мы пригоним ее.

— Спасибо, — сказала она, прикрывая глаза от солнечного света. — Думаю, мне действительно нужна была поездка, — призналась она, вытирая глаза. Внезапно она поняла, что чувствует себя немного лучше.

— Увидимся в закускойной, когда ты будешь готова вернуться. Крис беспокоится о тебе.

Два ореха пекан упали на крыльцо. Хейли наклонилась, чтобы поднять их.

— Кстати, это Крис просил тебя отвезти меня?

Он кивнул.

— О, — сказала она, понимая, что хотела бы, чтобы это была его идея. — Пожалуйста, поблагодари его за меня.

— Так и сделаю. Береги себя. — Он пошел обратно по грязной подъездной дорожке.

Хейли стояла на крыльце и перекатывала орехи пекан в ладони, наблюдая, как он идет обратно и садится в свой грузовик.

Вздыхнув, она открыла входную дверь.

Глава 18

Эрике нравилось, как Рейчел писала на доске. Ее подчёрк был прямым, резким. Всегда прописными буквами, очень разборчиво. Она дважды подчёркивала важные слова, те, которые хотела, чтобы студенты запомнили.

От мела она часто чихала. И когда она это делала, «Будьте здоровы» отскакивало от стен маленькой аудитории. Это потому, что все ее любили. Но не так сильно, как Эрика.

Эрике нравились плавные, уверенные движения Рейчел, когда она ходила взад и вперед, уча важности диалога. То, как ее брови принимали идеальную форму буквы V, когда она задала вопрос своему летнему классу. И искренняя улыбка, которая появлялась на ее лице, когда студент отвечал правильно.

Эрика не раз слышала, как мальчики обсуждали Рейчел.

— Какая сногшибательная.

— Она сексуальна для цыпочки постарше.

— Черт возьми, я бы ей вдул.

Эрика могла поспорить, что ее мать такая же красивая в эти дни, если не больше, если это вообще возможно. Она страстно желала увидеть ее снова. Чтобы знать наверняка, как она выглядит.

Эрика едва могла усидеть на месте. В то утро у нее произошел прорыв в писательстве. Блестящая новая идея. Прозрение.

Рейчел взглянула на часы.

— Давайте подведем итоги, прежде чем двигаться дальше, — сказала она, глядя на класс, ее тонкие руки были сцеплены вместе. — Диалог — это гораздо больше, чем слова. На самом деле, это один из самых важных инструментов, которые вы будете использовать для продвижения своих историй. Вы также будете использовать диалог, чтобы помочь развить свой...

Эрика обычно сидела в начале класса. Но в это утро она опоздала и теперь сидела на заднем ряду. С утра пораньше она отправилась на маленькое кладбище рядом с Харпер-роуд, чтобы провести мозговой штурм. Это была еще одна из писательских традиций ее матери. Еще одна из ее муз. Иногда она просиживала там долгие часы только с мертвыми и своими мыслями, придумывая жуткие ситуации и миры. Так что Эрика тоже попробовала. Как и в лесу, Эрика чувствовала неповторимое спокойствие, просто находясь на кладбище. Люди, которые лежали под ней, не представляли угрозы, в отличие от тех, с кем ей приходилось общаться ежедневно.

Но когда она сегодня утром пробиралась через лес по дороге домой, она вдруг неожиданно поняла, что с ней был кто-то еще. Кто-то невидимый и очень живой. Зашуршали листья, затем она заметила кого-то примерно в тридцати футах от себя. Она крикнула, и человек побежал.

Но зачем... зачем кому-то убегать?

В дверь класса постучали. Рейчел извинилась, затем, после нескольких приглушенных перешептываний за пределами класса, она просунула голову обратно.

— Я бы хотела, чтобы вы начали выполнять упражнения в конце десятой главы, — сказала она. — В 10:50 вы все можете идти.

— Думаешь, это полиция? — высокая девушка, сидевшая впереди и чуть справа от

Эрики, спросила веснушчатую соседку.

— Полиция? Почему это должна быть полиция?

— Потому что та девушка спала с ее мужем.

Эрика перестала листать десятую главу. Ей не нравилось, к чему клонился разговор перед ней.

— Какая девушка? — спросила веснушчатая девушка, наморщив лоб.

— Где ты была? Пропавшая девушка. Тиффани Какая-То.

Эрика увидела, как у девушки отвисла челюсть.

— О, муж миссис Андерсон спал с ней?

— Конечно спал.

Веснушчатая девушка скептически посмотрела на подругу.

— Откуда ты знаешь?

— Это всем известно. Миссис Андерсон узнала об этом и взбесилась. И некоторые люди думают, что, может быть, она и есть причина, по которой Тиффани пропала.

— Без шуток?

— Точно тебе говорю.

Эрика прикусила нижнюю губу, заставляя себя ничего не говорить. Эти девушки глупы. Что они вообще знали? Она пнула спинку сиденья высокой девушки.

Та обернулась.

— Случайность, — пробормотала Эрика, уставившись на свой учебник, не потрудившись поднять глаза.

Она почувствовала, как девушка на мгновение посмотрела на нее, прежде чем отвернуться.

Веснушчатая девушка прошептала:

— Она не похожа на убийцу.

— Ал-ло? Неужели Дамер похож? Или Банди?

— Дамер похож.

Высокая девушка проигнорировала ее.

— Ну, миссис Андерсон не так совершенна, как может показаться. У нее явно был мотив. И знаешь, она продолжала посещать закусочную в Гранд-Треспассе, где работала Тиффани. Как по расписанию. Как какой-то преследователь.

Эрика снова пнула спинку стула.

Высокая девушка обернулась.

— Упс, — сказала Эрика твердым голосом. Ее глаза впились в девушку.

Девушка изучала ее несколько секунд, выражение ее лица было смесью гнева и замешательства. Затем, поняв невысказанное послание, она повернулась и ничего больше не сказала до конца урока.

Глава 19

В среду вечером Хейли сидела на могиле своего отца.

— У нас такие трудные времена, папа, — рассказывала она ему. — Все так несчастны без тебя. Как же сильно я хочу, чтобы все стало как прежде.

С каждым новым днем ее воспоминания о тех старых днях, казалось, тускнели.

Случалось, что она даже не могла вспомнить, как выглядел ее отец. Иногда она забывала, как звучал его смех. Забвение пугало ее.

Хейли потянулась за цветком одуванчика и начала срывать его, слезы жгли ей глаза.

— И Тиффани все еще не вернулась домой. Похоже, никто понятия не имеет, что с ней случилось. Я бы хотела, чтобы ты был здесь, чтобы помочь нам. Я так по тебе скучаю.

Она знала, что даже если бы ее отец был все еще жив, он не смог бы многого сделать. Он совсем не походил на какого-нибудь детектива или охотника за головами. Ее отец был книжным червем, профессором колледжа. Хрупкий, нежный мужчина. Но это не помешало ей снова увидеть его лицо, почувствовать, как его тонкие руки обнимают ее за плечи, пытаются успокоить.

Хейли обхватила колени руками и посмотрела на мусор на обочине грунтовой дороги, ведущей к кладбищу. Пивные банки, брошенные рыболовные снасти, обертки от гамбургеров. Колючая проволока, которая должна прикрывать кладбище, местами была ослаблена и накренилась, едва ли служа защитой от чего-либо.

Ни одно из надгробий не было таким красивым, как у ее папы или бабушки. У некоторых мертвых были только метки. Простые номерные знаки, содержащие имя умершего, даты рождения и смерти. Где-то надгробиями служили просто камни, некоторые странной формы, некоторые зазубренные. Она заметила, что шезлонг упал поперек одного из них, на котором четкими, заостренными буквами было написано «Мама».

Она подумала о своей собственной матери.

— Мама все еще в плохой форме. Она даже не встает с постели, — прошептала Хейли. — Я не думаю, что она хочет жить без тебя.

Она попыталась отогнать ужасную мысль, которая приходила к ней снова и снова последние несколько месяцев после несчастного случая. Жаль, что в ту ночь не умерла ее мать, а не отец. Помимо Тиффани, отец и Нана были ее лучшими друзьями. И во многих отношениях она была гораздо ближе к ним.

В то время как Бекки была привязана к матери, больше всего Хейли любила папу. Они могли говорить, о чем угодно, и часто это делали. И еще Хейли знала, если бы умерла мама, ее отец не бросил бы их, как бросила она. Он был бы сильным, даже если только ради своих девочек. Его принцесс.

В нескольких футах от нее хрустнула ветка. Хейли отпустила колени. Чувствуя, как напряглось ее тело, она взгляделась в лес, сжав одуванчик без лепестков между двумя пальцами.

— Кто здесь?

Хрустнула еще одна ветка.

У нее перехватило дыхание. Она присела на корточки и твердо уперлась ногами в землю, готовая бежать.

Через ужасающее мгновение она услышала знакомый женский голос.

— Прости. Это всего лишь я.

Хейли увидела, как из-под кустов показалась рука, а затем голова. В тусклом свете ей потребовалась секунда, чтобы понять, что это Эрика Дюваль.

— Привет, — сказала Эрика, нервно отряхивая футболку. — Прости. Я не знала, что здесь кто-то есть.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Нет, не уходи, — крикнула Хейли. — Ты можешь остаться. — Она перебралась на

другую сторону могилы и села.

Эрика несколько секунд стояла неподвижно, как будто пыталась что-то решить. Наконец, она подошла к Хейли и поставила свой рюкзак на землю.

— Есть новости?

Хейли покачала головой.

— Нет. Ни одной.

Эрика порылась в рюкзаке и достала бутылку вина. Она открутила крышку и сделала глоток.

— Ветер меняется, — пробормотала она, протягивая бутылку Хейли, но не встречаясь с ней взглядом. — Надвигается буря.

Хейли изучила бутылку, прежде чем неохотно принять ее. Она пила только один раз за всю свою жизнь, но задавалась вопросом, сможет ли алкоголь, на один крошечный миг, помочь ей забыться. Она сделала глоток горьковато-сладкой жидкости... поморщилась и вернула бутылку обратно.

— Ты навещаешь его каждый день? — спросила Эрика, глядя на другую сторону могилы. С той стороны, где лежал отец Хейли.

Хейли обхватила себя руками, чтобы не замерзнуть. На кладбище всегда казалось прохладнее, чем в остальном городе.

— Почти каждый день.

— Я видела тебя здесь раньше, — призналась Эрика. — Но решила, что тебе нужно побыть одной, поэтому ушла.

Хейли смотрела, как она допивает вино, и размышляла как часто ее разговоры подслушивали.

— Почему ты приходишь сюда?

— Здесь другая энергия, — сказала Эрика, возвращая ей бутылку.

Хейли сделала большой глоток вина и поморщилась от его крепости. Она удивлялась, что после всех этих лет действительно сидела напротив Эрики Дюваль и вела настоящий разговор. Из всех людей, которых когда-либо знала, она не могла придумать никого, кто бы ее так очаровал. В девушке было какое-то темное чувство таинственности, которым не обладал никто из ее знакомых. Хотя она была едва пяти футов ростом и худой, как жердь, она все равно обладала определенной стойкостью. Не притворная твердость, которую пытались излучать многие девочки-подростки, а настоящая.

Ветер переменялся, и Хейли сморщила нос. В воздухе стоял неприятный мускусный запах.

— Я чую скунса.

— Да, на Харперс-роуд валяется мертвый, — сказала Эрика, указывая на грунтовую дорогу справа от них, вынимая ноги из шлепанцев и потирая их о траву. — Лежал, задрал ноги в воздух. Его черные глаза-бусинки уставились в небо, в поисках Бога. Не то чтобы он действительно существовал, конечно.

По тому, как девушка невнятно произносила слова, Хейли поняла, что Эрика пьяна. Она посмотрела на свои босые ноги.

— Ты не боишься ходить здесь босиком?

— Нет, правда. У меня крепкие ноги. Кроме того, так лучше чувствовать мир вокруг себя. Люди позволяют себе стать слишком бесчувственными. Как ты можешь писать, если ничего не чувствуешь?

Хейли кивнула.

Тьма накрыла кладбище в считанные минуты, окутав его жуткими тенями. Эрика закурила сигарету, и они вдвоем передавали ее туда-сюда. Оранжевый уголек был теперь единственным источником света на кладбище, не считая тусклого голубоватого свечения далеких звезд.

Они остались сидеть, передавая вино и сигарету друг другу. Вскоре у Хейли закружилась голова от алкоголя и никотина.

— Знаешь, это самое долгое время, когда мы с ней не разговаривали с тех пор, как нам было года три? — пробормотала Хейли.

— Ты и Тиффани?

Хейли кивнула.

— Если бы с ней все было в порядке, она бы позвонила мне. Но с ней не все в порядке. Она либо ранена, либо...

Оранжевый огонек сигареты Эрики стал острым на фоне ночи, когда она затянулась. Она ничего не сказала, но ее молчание говорило о многом.

— Наверное, сейчас не самое подходящее время говорить это, — произнесла Эрика, — но мне никогда не нравилась Тиффани. Не говоря уже о том, что я надеюсь, что с ней случилось что-нибудь плохое. Я просто не хочу тебе врать. Подумала, тебе следует знать, как я к ней отношусь.

Хейли пожала плечами.

— Не всем она нравится. Или я, если уж на то пошло.

— Ты что, шутишь? Ты всем нравишься.

Хейли подумала об этом и молча согласилась. В конце концов, у нее никогда не было врагов. Просто ей показалось, правильно будет так сказать.

В нескольких ярдах от них хрустнула ветка. Хейли подскочила.

— Ты слышала это? — прошептала она, не отрывая глаз от леса.

— Шшш... Стой спокойно.

Хрустнула еще одна ветка, затем зашуршали листья, когда что-то или кто-то пробрался сквозь линию деревьев. Где-то высоко заухала сова, затем появился тусклый круглый свет. Он врезался между линией деревьев и кладбищем.

Фонарик.

Но также быстро, как свет появился, он исчез, и на кладбище вернулась тьма.

— Тихо, — прошептала Эрика.

Хейли кивнула и затаила дыхание.

Несколько долгих секунд они сидели молча. Хейли напрягла слух в темноте, но не могла расслышать ничего необычного. Только хор лягушек и ночной ветерок, шевелящий листья над ними.

Затем она почувствовала маленькую руку Эрики на своем запястье, и девушка рывком подняла ее. Прежде чем она осознала это, они с Эрикой побежали в сторону Харпер-роуд. С неба начали падать крупные капли дождя, стоило им только побежать. Эрика оказалась права. Надвигалась буря.

В доме Андерсонов Том-старший пристально посмотрел на свою жену, его лицо покраснело.

— Я не поддерживаю этот вопрос, — отрезал он.

— Поддерживаю? — возмутилась Рейчел, сидящая на краю кровати. Она прижала обе ладони к груди. — Я не один из твоих студентов, Том. Я твоя жена! Ты сказал правду или нет о том, что прекратил свой роман с ней, когда заверил меня, что сделал это?

Она внимательно посмотрела на своего мужа и попыталась увидеть его с объективной точки зрения. Его волосы поредели, светлые пряди теперь поседели. Некогда сильная челюсти потеряла свои очертания, и когда он сердито замахал руками, она заметила несколько возрастных пятен.

— Я отвечал на этот вопрос миллион раз! Я больше не буду отвечать на него. Я сказал тебе правду, так что ты мне либо веришь, либо нет. Это твое решение.

Неужели он всерьез думал, что это так просто? Что их мир все еще оставался таким же черно-белым? Даже после его предательства, его лжи. Нет, их мир теперь имел оттенки самого унылого серого. Как бы она ни старалась, Рейчел уже не могла сказать, что хорошо, а что плохо, что было правдой, а что нет.

— Я не знаю, чему верить, — честно сказала она, глядя на него, ее тело сотрясалось от гнева.

Его руки упали по бокам.

— Я извинился. Снова и снова я удовлетворял твои сомнения и пытался заставить тебя чувствовать себя лучше, Рейчел. Я больше ничего не могу сделать.

Ее смех был саркастическим.

— Для своей жены ты больше ничего не можешь сделать? Что это говорит о наших отношениях? Просто где мы теперь, а? Где мы, Том? — Когда слова слетели с ее губ, она поняла, что не хочет слышать ответ.

Он повернулся к ней спиной и открыл дверцу шкафа.

Как бы мучительно это ни было, она повторила свой вопрос.

— Ты сказал, что больше ничего не можешь сделать. Что именно это значит?

— Только то, что я сказал.

Рейчел взглянула на фиолетовое одеяло, которое они выбрали в прошлые выходные, и на балдахин, который они повесили вместе. Дорогое полотно Дэвида Леру, которое они выбрали в Интернете за несколько минут до того, как впервые за несколько месяцев занялись любовью. Это было меньше недели назад. Почему-то она думала, что новый декор поможет им начать все сначала. Что это даст им возможность начать все с чистого листа. У нее имелись планы насчет кухни и ковра в гостиной тоже.

Снаружи прогремел гром. Она выглянула в окно спальни. Началась гроза.

— Так и что это значит для нас? Ты больше ничего не можешь сделать. Ты не можешь понять, почему у меня возникли проблемы с верой в слова, которые слетают с твоих уст после того, как ты три месяца бегал к этой маленькой шлюхе.

— Рейчел! — Том взорвался.

— Рейчел, что? — закричала она. — Что ты имеешь в виду? — она, теребила браслет на запястье с такой силой, что он мог бы сломаться пополам.

— Я сыт по горло этой игрой. Вот что.

— Игрой?

— Да, игрой! — повторил он. — Я уверен, что это заставляет тебя чувствовать себя

лучше, но сводит меня с ума. Гребаное безумие.

Слышала ли она когда-нибудь, чтобы он произносил это слово раньше? Она так не думала.

— Ты знаешь, где эта девушка? — услышала она свой вопрос, не в силах больше скрывать его.

Он резко обернулся.

— Ради бога, откуда мне знать? В чем ты меня обвиняешь?

Она медленно выговаривала слова.

— Не было никакого обвинения.

Он покачал головой. Его рот искривился в гримасе, а затем в странной усмешке.

— Да нет, было. Ты спросила меня, знаю ли я, где Тиффани. Ты намекала, что я...

— Не произноси это имя в нашем доме! — крикнула она. Это было правилом, точно так же, как не оставлять грязную посуду в детских комнатах или гостиной. Но с этим она была бы тверже всех.

В коридоре хлопнула дверь. Один из детей.

Несколько секунд в воздухе стояла тишина, прежде чем Том заговорил снова.

— Отвечая на твой вопрос, дорогая жена, нет. Нет, я не знаю, где пропавшая девушка.

Она наблюдала за своим мужем, который сейчас доставал дорожную сумку для конференции в Сан-Франциско.

— Люди в колледже болтают.

Том сделал короткую паузу, держа рубашку в руке.

— Пусть болтают.

— И пусть они думают, что один из нас что-то сделал с той девушкой?

Он бросил рубашку в сумку.

— Если это то, о чем они хотят поговорить, тогда конечно.

Она ненавидела тон его голоса. Как часто он заставлял ее чувствовать себя не в своей тарелке.

— По-твоему я такая сука, что задаю тебе эти вопросы? По-твоему, я такая сука, что спрашиваю, знаешь ли ты, где пропавшая девушка, с которой ты спа... — Она замолчала, уставившись на фиолетовое одеяло под ней. Теперь все это казалось ей неправильным. По-детски, как что-то, что один из ее учеников использовал бы для украшения кровати, а не то, что выбрал бы кто-то ее возраста. Балдахин выглядел так же по-подростковому. Внезапно у нее возникло непреодолимое желание сорвать его.

Том бросил пустую вешалку на ковер и потянулся за бледно-голубой рубашкой поло.

Она подняла вешалку с пола.

— А как же я? — взмолилась она. — Я не права, что спрашиваю тебя? Неужели все, что я говорю или спрашиваю в эти дни, так неправильно?

Он бросил галстук в сумку.

Она потянулась за бокалом вина и осушила то, что осталось, ярость нарастала в ее груди.

— Приятно видеть, что ты снова пьешь, — пробормотал он себе под нос. — Это всегда облегчает нам задачу.

— Облегчает? — Рейчел рассмеялась. — И ты это делаешь? Ты облегчаешь наш брак? Для детей? — Ее глаза горели, но она не хотела позволять себе проливать слезы. Она столько их пролила из-за него. Слишком много. — Ты хотя бы вернешься из Сан-Франциско

вовремя к семейному вечеру? — Помирившись, они с Томом договорились, что новая традиция будет полезна для семьи, поэтому двумя неделями ранее объявили субботу семейным вечером.

— Я не знаю.

Рейчел вздохнула и посмотрела, как ее муж заканчивает собирать вещи. Она чувствовала себя несчастной. Брошенный и бессильной. Она ненавидела свою жизнь и то, кем стала.

— Томми сказал мне, что Келси по ночам ускользает из своей комнаты, — сказала она, в последней отчаянной попытке найти что-то общее, что могло бы помочь им объединиться.

Том закрыл сумку.

— Так поговори с ней, Рейчел. Но не делай этого, пока пьяна. Ей не нужно этого видеть.

Гнев внутри был слишком силен, чтобы справиться с ним. Она резко вдохнула, чувствуя, что задохнется, если не сделает этого.

— Да пошел ты, — сказала она, поднимаясь на дрожащих ногах. Подошла к двери их спальни и обернулась. — Пошел ты к черту и этот твой роман. Знаешь, с таким же успехом ты мог бы быть для меня незнакомцем.

Она посмотрела на него, в глаза мужчины, которому когда-то доверила свою жизнь, затем, спотыкаясь, вышла из комнаты.

Глава 21

Запах мокрого навоза повис в воздухе, когда две девушки добрались до крыльца Ландри. Эрика наклонилась, пытаясь справиться с судорогой в подколенном сухожилии.

— Как думаешь, кто это мог быть? — спросила Хейли, тяжело дыша.

Мгновения, которые только что пролетели, стали для Эрики лишь размытым пятном. Она слишком много выпила. Был ли кто-то снова в лесу, или это просто животное?

— Как ты думаешь, кто это был? — повторила Хейли.

Эрика пожала плечами.

— Могло быть все, что угодно. Может быть, животное.

— С фонариком?

— Ты видела фонарик? — спросила она, еще больше думая о человеке, который сбежал, когда она окликнула его в начале недели.

— Да, мне кажется.

— Уверена? Это могла быть луна. Сегодня она довольно низко.

Хейли хихикнула.

Эрика напряглась. Она сказала что-то не так?

— Что тут такого смешного?

Над головой прогрехотал гром, когда Хейли разразилась более долгим и сильным смехом.

— Я не... — начала Хейли, затем с трудом втянула воздух в легкие. — Я никогда не пила так много... думаю, я пьяна.

Эрика медленно расслабилась, радуясь, что Хейли не смеется над ней. Она посмотрела на свои грязные ноги. Они горели от бега, но ее тело было наполнено таким количеством

адреналина и тепла, что она не чувствовала никакой боли. Они гудели задолго до того, как она добралась до кладбища. Если бы Хейли не была там, Эрика знала, что не осталась бы.

— Я не напиваюсь. Я несу ответственность, — настаивала Хейли. Она снова рассмеялась. — Но это кажется невероятным. Она откинула влажную челку с глаз и усмехнулась. Ее лицо было так близко, что Эрика почувствовала запах вина в ее дыхании. Ее глаза плясали в свете фонаря на крыльце, более полные жизни, чем она видела их за долгое время. Казалось, Хейли, по крайней мере на мгновение, забыла о своих проблемах.

Хейли толкнула входную дверь, и Эрика увидела двух девочек-подростков и маленького мальчика на кухне. Все трое уставились на них. Она повернулась, чтобы уйти, но Хейли схватила ее за руку.

— Хэй-ви! — закричал маленький мальчик, нарушая тишину. Он бросился к Хейли, чуть не сбив с ног, когда вцепился в нее. Неуклюжий ребенок с торчащими в разные стороны вихрами и очками с толстыми линзами, которые увеличивали его глаза. Увидев его, Эрика задумалась, постигнет ли его та же участь, что и ее, когда она поступила в школу. Мучительное поддразнивание от того, что ты не такой как все.

Хейли рассмеялась над маленьким мальчиком.

— Почему ты так счастлива? Они нашли Тиффани или что-то еще? — с надеждой спросила подросток с каштановыми волосами, держа в руке двухлитровую бутылку кока-колы.

Хейли перестала смеяться.

Эрика неохотно села за дубовый стол, рядом с другой девушкой. Положив рюкзак рядом с собой, она решила, что задержится всего на несколько минут, а затем вернется на кладбище, возьмет свои шлепанцы и немного побродит по лесу, прежде чем отправиться домой работать над своей новой книгой.

— Хде Тиффани? — спросил маленький мальчик, для ребенка трех-четырёх лет он говорил плохо. Мальчик прикрыл ладонями свой маленький рот и начал бегать кругами.

— Эрика, это моя сестра Бекки, — представила Хейли, тщательно подбирая слова и указывая на девушку с колой. — Ее подруга Сикрест, — сказала она о темноволосой девочке, — а вот этот малыш — Саша. Она показала на маленького мальчика с пятнистой кожей, который только что упал на пол от головокружения. — Бекки, детка, посади его.

— Привет, — сказала Бекки с дружелюбной улыбкой на лице. Сикрест только взглянул на нее, как будто ей было скучно.

— Где ты взял «Макдоналдс»? — спросила Хейли у сестры.

Бекки спокойно сосредоточилась на том, чтобы налить кока-колу в три стакана. Она выглядела почти так же странно, как и маленький мальчик. Черты ее лица отличались. У нее были жесткие, мышинового цвета волосы, близко посаженные глаза и нос, слишком широкий для ее лица. Она совсем не походила на свою хорошенькую сестру.

— Бекки? — повторила Хейли, когда сестра не ответила ей.

— Нас подвезли в Честер, — наконец небрежно бросила Бекки, передавая один из стаканов Саше, который теперь сидел прямо на полу.

— Кто? — спросила Хейли.

Бекки протянула Саше гамбургер.

— Я не знаю. Просто какой-то парень.

— Какой-то парень?

Сикрест хихикнула.

— Хорошо, мы поймали попутку, — сказала Бекки, нервно.

— Вы что? — воскликнула Хейли.

— Фто случилось, Хэй-ви? — спросил Саша с пола, с набитым ртом.

Эрика неловко заерзала на стуле. Она натянула свою влажную футболку, и холодный воздух поднялся между хлопком и ее кожей. Она изучала Сикрест, которая выделялась среди благополучных Ландри не только внешностью, но и энергией. Она была одета в облегающие шорты, топ на бретельках, и в ней было что-то злое, недоброе. Сикрест, должно быть, почувствовала ее пристальный взгляд, потому что повернулась и быстро посмотрела на нее, прежде чем выхватить стакан колы из рук Бекки.

Этот обмен взглядами разозлил Эрику. Как дежавю ужасных школьных лет. Быть оцененной. Быть осужденной. Но тот факт, что девушка намного моложе могла так на нее повлиять, заставлял Эрику чувствовать себя в основном пристыженной. Слабой и жалкой. Она напонила себе слова, которые ее мать обычно шептала себе после ссор с отцом: «никто не может заставить чувствовать тебя неполноценной без твоего согласия». С этими словами, как с щитом, она выпрямилась на стуле.

— Прекрати. Ничего страшного, — взмолилась Бекки.

— Автостоп — ничего страшного? — огрызнулась Хейли. Ее глаза выглядели странно, рассеянно. Она определенно была пьяна. Она немного поколебалась, затем оперлась о стол. — Разве ты не знаешь, что Тиффани пропала?

— Где Тиффани? — снова спросил Саша, на этот раз выглядя очень обеспокоенным.

— Сикрест делает это все время, — настаивала Бекки. Она указала на девушку. — И посмотри, никто не разрезал ее на крошечные кусочки.

Из уст Хейли вырвалась целая куча взволнованных слов, но разобрать удалось лишь несколько.

Бекки уставилась на нее, разинув рот.

— Боже мой, ты пьяна! Вот почему ты так странно себя ведешь!

— Что? — спросила Хейли, борясь за самообладание.

Эрика больше не хотела быть свидетелем ссоры. Если бы она хотела семейных разногласий, она могла бы получить их в своем собственном доме. Увидев возможность выскользнуть, она схватила свой рюкзак и направилась к входной двери. По дороге она услышала, как голос Бекки повысился еще больше, обвинения все еще были направлены на ее сестру.

— Ты так пьяна, что едва можешь говорить! И ты читаешь мне нотации? Что за чертова лицемерка.

Глава 22

Он проснулся в панике, его кожа была влажной от пота. Уже два часа ночи четверга. Прошло пять дней с момента убийства, а полиция все еще не появилась. Как и в те времена много лет назад, они понятия не имели, кого искать.

Он подумал о том кошмаре, который случился. О той ночи десять лет назад, когда он проснулся и обнаружил свою мать во дворе.

Его челюсть напряглась, и он откинулся на подушку.

Тогда он отбежал от кухонного окна и скользнул обратно в постель. Свернувшись

калачиком под колючим одеялом, он крепко зазмурился. «Я видел сон», - сказал он себе. Это был кошмар, и только. Его сердце колотилось только потому, что увиденное казалось слишком реальным. Его мать лежит пьяная в постели, где ей и полагалось быть — не под дождем, — а он здесь, в своей постели, в тепле... и в относительной безопасности до рассвета.

Ветка снаружи постучала в его окно, как будто это хрупкий палец, соперничающий за его внимание. Тук, тук. ТУК! Тук, тук. Он скользнул ниже в кровати и обхватил колени.

Дверь спальни распахнулась, ударившись о стену.

— Ты пытаешься игнорировать меня, дрянь? — рявкнула его мать, ее тон был опасным. — В следующий раз, если запрешь входную дверь, может получиться! — Она сорвала одеяло с его кровати и посмотрела на него сверху вниз, ее дыхание обжигало виски. — Вставай!

Прохладная вода стекала с ее тела на его бледное лицо и шею. Костлявыми пальцами она схватила его за запястье.

— Встань и помоги мне! — Мать выдернула его из постели.

На заднем дворе дождь лил как из ведра, пропитывая его голую кожу и нижнее белье. Он посмотрел вниз на полуобнаженного мужчину, который лежал на земле, его лицо было залито кровью.

Глаза мужчины были закрыты, челюсть приоткрыта под странным углом. На нем была только белая майка, нижняя часть его тела оказалась обнажена.

Он быстро осмотрел волосатый, раздутый живот, короткие ноги. Затем его взгляд вернулся к лицу мужчины.

Его мать прижала пальцы к шее мужчины, ее глаза наполнились чем-то злым. Через мгновение она дернула головой вверх.

— Сними это нижнее белье! — рявкнула она, ее каджунский акцент был таким же сильным, как липкая луизианская ночь.

Неохотно он выскользнул из мокрого нижнего белья.

— Теперь возьми его за запястье. Левое, — потребовала она.

Он наклонился и неохотно коснулся запястья мужчины.

— Он мертв?

— Я сказала, хватай его за запястье, мальчишка!

Следующие несколько минут они тащили мужчину ярдов сто или около того мимо дома, к пруду. Когда они потянули, что-то теплое взорвалось внутри его тела. Сначала оно сформировалось у него в середине, а затем разлилось по венам — смесь паники, страха и странного возбуждения, чувство, которое было не совсем плохим.

Небо над ними разверзлось, и мужчина закашлялся. Мальчик отпустил запястье и отступил назад.

— Он жив! — закричал он.

— Что ты делаешь? Возьми это чертово запястье и тяни!

Мужчина снова замер, и они вдвоем потащили его к краю пруда. Дождь прекратился, и луна начала проглядывать сквозь облака. Два водяных щитомордника скользнули по мутной воде и заскользили туда, где лежала старая пирога, брюхом вниз.

Сын избегал смотреть матери в глаза и сосредоточился на змеях. Он задавался вопросом, могли ли они почуять опасность, которая висела в воздухе, или надвигающуюся смерть незнакомца. Смерть была местом, о котором он сам мечтал, часто думая, что это место лучше, чем то, которое он знал все свои девять лет.

— Подожди здесь, — потребовала она. — Я сейчас вернусь. — И с этими словами его мать исчезла в ночи.

— Дария? — прошептал мужчина хриплым голосом. Его глаза наполовину открылись. — Что ты... — начал он, затем замолчал, его неглубокое бульканье почти заглушилось громким кваканьем далеких лягушек.

Мгновение спустя его запыхавшаяся мать вернулась с лопатой в руках. Она бросила ее на землю, затем схватила сына за плечи и глубоко вонзила свои длинные красные ногти в его кожу.

— Дария? — снова прошептал мужчина. — Что...?

Мать отпустила его и долго смотрела на мужчину. Внезапно она успокоилась. Когда заговорила в следующий раз, она медленно выговаривала слова.

— Я иду в дом, — она протянула ему лопату. — Когда вернусь, не хочу, чтобы он вообще дышал, слышишь?

В его голове зажегся странный свет. Он ярко вспыхнул, затем потускнел. Дождь ощущался на его голой спине, как лед, когда мужчина снова начал отвратительно булькать.

— Я не хочу, чтобы ты думал, что можешь отправиться в город и начать рассказывать истории. Не можешь, потому что будешь так же виновен, как и я. Ты слышишь, что я тебе говорю? Мы в этом замешаны вместе. — На ее лице появилась усмешка. — Если ты больше ничего не запомнишь, то помни это.

— Но...

— Но, заткнись! — прорычала она, забыв о спокойствии. С ее подбородка капала дождевая вода. — Я твоя мать, и ты делаешь то, что я говорю! — Она указала на лопату. — Просто делай то, что я тебе сказала, и после того, как соберу все, что нам нужно, я вернусь.

Она бросилась к дому, а он смотрел ей вслед, пока не перестал различать ее силуэт в темноте. Затем повернулся к мужчине, который все еще булькал, его глаза были маленькими и испуганными.

— Сынок, ты... должен мне помочь, — выдавил тот. — Ты должен спрятать меня от Дарии. Что-то... Что-то сломалось в голове этой глупой женщины.

Склонив голову набок, он изучал мужчину. Его сердце колотилось так сильно, что он думал, что сейчас упадет. Он не хотел этого делать. Он даже не знал, сможет ли. Но если он не убьет его, мать сделает его жизнь намного хуже, а он знал, что не вынесет ничего хуже.

Он начал задыхаться.

— Пожалуйста, мальчик, — взмолился мужчина. — Пожалуйста. Я не чувствую своих ног... И у нас не так много времени. Эта женщина выследит нас обоих. Она убьет нас обоих. Ты должен... ты должен спрятать меня.

Но он уже принял решение. Либо незнакомец, либо он, и это должен быть незнакомец. Делая короткие, неровные вдохи, он поднял лопату высоко над головой.

— Боже... Пожалуйста, прости меня, — взмолился он.

Крики его и этого мужчины пронзили ночь... когда он сделал то, что сказала ему мать.

По его щекам потекли слезы, он стряхнул воспоминания и вылез из кровати, чтобы взять стакан воды. На этот раз, когда он шел по коридору, он не остановился перед спальней своей матери. В этом не было необходимости.

Глава 23

Хейли моргнула в темноте и повернула голову, чтобы посмотреть время: три часа. Было уже утро четверга, и, скорее всего, Тиффани все еще отсутствовала.

Она вытерла капли пота со лба и высвободила ноги из-под верхней простыни. Из комнаты Бекки струился луч света, и она слышала, как Сикрест смеется.

Хейли встала и посмотрела сквозь изъеденный молью брезент, закрывавший места в недостроенной стене, отделявшей ее комнату от комнаты Бекки. Вскоре после несчастного случая с ее отцом Тиффани стояла перед огромным полотном, приклеенным скотчем.

— Думаю, что твой отец чертовски плохо справлялся с этой стеной.

Хейли знала, что Тиффани не хотела оскорблять ее отца, просто такая вот Тиффани. Она всегда говорила то, что было у нее на уме, без особых раздумий, грубость, которая, казалось, всегда сходила ей с рук из-за ее внешности.

Поскольку Хейли и Бекки становились старше и делить комнату в скромном доме с двумя спальнями становилось все неудобнее, их отец решил построить стену посередине большой комнаты, чтобы дать каждой из них уединение.

В субботу, когда произошел несчастный случай, он отправился магазин товаров для дома в Честере и вернулся с несколькими деревянными брусками, гипсокартоном и некоторыми новыми инструментами. Коллега помог ему перенести все внутрь и прибить дерево на место.

Когда Хейли уходила на ночь к Тиффани, двое мужчин стояли перед конструкцией новой стены, качая головами. Ее отец продолжал кусать губу и повторять «хम्म».

Сикрест лежала на животе поперек кровати Бекки в одних красных трусиках и маленькой футболке. Ее темные волосы частично скрывали лицо, когда она листала страницы журнала. Бекки сидела у изголовья кровати, тоже с журналом. Она постучала пальцем по губам, сосредоточившись на чем-то, что читала.

— Ни хрена себе, — пробормотала Сикрест, качая головой. Она хихикнула. — По моему все равно, как сильно хочется пописать, ты всегда включаешь свет в ванной, прежде чем сесть на унитаз.

— А? — рассеянно спросила Бекки, все еще увлеченная своим журналом.

— Эта цыпочка была в доме своей подруги и убежала в ванную, не включив свет. Она спустила штаны и пошла посидеть на унитазе, а в итоге села на колени к этому чуваку, — сказала Сикрест, снова качая головой. Она встала на колени и откинула назад свои длинные волосы. — И она была влюблена в этого парня. Она помочилась на него. Прямо у него на коленях. Насколько это глупо?

Бекки хихикнула.

Сикрест потянулась и обнажилась ее живот. Ее полные губы приоткрылись в зевке, и изумрудное кольцо в носу заблестело. Хейли с легкой завистью поняла, что даже когда девушка не пыталась выглядеть сногшибательно, у нее все равно это получалось.

Сикрест повернулась к Бекки.

— Ты говорила, что твоя сестра дружит с этой девушкой, верно? Та, которая исчезла?

Бекки положила журнал себе на грудь.

— Тиффани? Да, они лучшие подруги.

— Думаешь, она мертва?

— Нет!

— Тогда, как думаешь, что с ней случилось?

— Я не знаю, — медленно сказала Бекки. — Но такие вещи... они не случаются здесь.

— Держу пари, она мертва.

Бекки нахмурила брови.

— Не дай бог Хейли услышит, что ты это говоришь. Она расстроится.

Но Хейли услышала.

— Держу пари, что ее парень убил ее, — сказала Сикрест. — Это происходит все время.

Иногда они обнаруживают людей только спустя годы, когда начинают находить их кусочки в разных городах. Пальцы, ноги, руки. Иногда их головы. Они нашли голову в квартире этого чувака Дамера. Он был некрофилом.

Хейли забралась обратно в кровать, зарывшись головой в подушку. Она больше не хотела ничего слышать. Она пожалела, что Бекки встретила Сикрест. Она была тем, кого мама назвала бы сбродом, непослушной и своенравной. Отребье с другой стороны пути или, по крайней мере, с другой стороны города. Гран-Треспасс — это город без железнодорожных путей. Сквернослова и сомнительно одеваясь, она плохо влияла на ее младшую сестру Бекки, которая, как и все остальные подростки, все еще не совсем понимала, кто она такая.

И говорить так о Тиффани. Какое право она имела говорить, что ее подруга...

В гостиной скрипнула половица. Хейли приподнялась и увидела, что обе девочки все еще сидят в спальне Бекки, молчат и читают.

Она спустила ноги с кровати и встала, натягивая шорты. Хейли почувствовала под ногами песок. Мелкие кусочки от работы ее отца со стеной почти год назад. Иногда она даже чувствовала его на своих простынях. Это всегда заставляло ее думать, что отец где-то рядом.

Однажды, когда ей было девять лет, они посетили строящийся дом. Каждый раз, когда Хейли чувствовала запах пыли, она думала об этом большом доме. Большой дом, который они не могли себе позволить, потому что ее отец был профессором местного колледжа.

— Боюсь, педагоги прокляты на скромные средства, — однажды Хейли услышала, как ее мать сказала миссис Перрон, когда та спросила, когда они планируют заменить старый универсал. В отличие от Перронов, их семья не вкладывала деньги в «Волмарт» много лет назад. Инвестиции, которые принесли Перронам небольшое состояние.

Открыв дверь своей спальни, Хейли увидела свою мать у кухонной раковины. Ригли, одиннадцатилетняя борзая, которая редко отходила от матери, сонно смотрела на нее со своего места на полу.

— Мама? Могу я тебе что-нибудь принести? — спросила Хейли, подходя к ней.

Ее мать покачала головой.

— Нет, Опоссум, я просто хочу набрать немного воды для Ригли. — Опоссум. Ее мать не называла ее так с тех пор, как произошла авария.

Она положила руку на костлявое плечо матери.

— Ты уверена? Я приготовила гамбо. Могу разогреть немного очень быстро?

Волосы постаревшей матери были растрепаны и засалены, глаза превратились в щелочки. Если не считать кошмаров, это был первый раз, когда Хейли видела ее бодрствующей почти за пять дней.

— Я не голодна, дорогая, — ответила она, выключая воду. — Ригли просто нужно было выйти.

Хейли уловила запах, исходивший от матери. Кислый и нечистый. Она также заметила,

что та держит в руке две таблетки.

— Ты в порядке?

— Я в порядке, милая. Просто отлично. — Она положила таблетки на язык и запила их водой из чашки. — Это всего лишь снотворное, которое мне прописал доктор Бруссард. Они помогают мне... выжить.

Она прошла мимо Хейли с миской воды и направилась через гостиную обратно в свою комнату. Ее тело двигалось под безвкусным желтым халатом, но не так, как это было до аварии, а так, как будто мама несла на себе все тяжести мира. Страдающая артритом Ригли заворчала, когда она поднялась, чтобы последовать за ней.

— Тиффани пропала, — сказала Хейли.

Мать ослабила хватку на ручке двери спальни и посмотрела на дочь.

— Пропала? — Ее лицо исказилось от замешательства. — Как ужасно. Я должна позвонить Джулии, — сказала она, имея в виду мать Тиффани. — Когда это случилось?

— Никто не видел ее с субботы.

— Сегодня понедельник?

— Четверг.

— О. — Миска с водой задрожала в ее руке. — Она с мальчиком?

Хейли покачала головой.

— Нет. Она бы мне сказала.

— Да, я думаю, дорогая. Но уверена, что она появится. Я прочту молитву.

— Шериф Хиберт заходил, но ты спала. Он сказал, что не хотел тебя беспокоить. С ним еще ходит детектив. Он собирается поговорить со всеми в городе, так что я уверена, что он снова зайдет.

Ее мать кивнула.

— Как поживает твоя сестра?

— Хорошо.

— Хорошо. Это хорошо, — сказала она и слабо улыбнулась. Хейли заметила, что за последние несколько месяцев у нее пожелтели зубы. — А ты, Хейли?

— У меня тоже все хорошо.

— Как дела в колледже?

Обеспокоенная тем, что это только ее взволнует, Хейли не сказала матери, что не записалась на летние занятия. Ее первоначальный план состоял в том, чтобы взять их, чтобы немного наверстать упущенное в первом семестре.

— Нормально, — сказала она.

— Никаких проблем с поездкой в Лафайет и обратно?

Хейли покачала головой.

— Хорошо, хорошо. Сейчас мне нужно немного отдохнуть. Спокойной ночи, дорогая. — Они с Ригли вошли в комнату. Дверь за ними закрылась.

Хейли долго стояла у двери.

— *C'est l'heure du lit*, — прошептала она, вспомнив нежные слова Наны перед сном. — Спокойной ночи, мама.

C'est l'heure du lit с франц. — пора спать.

***

Хейли открыла глаза во второй раз за эту ночь. Она села и посмотрела на радиочасы. Было почти четыре часа утра. Что разбудило ее на этот раз?

Она услышала это снова. Кто-то кричал. Хейли вскочила с кровати и побежала в комнату Бекки. Верхний свет был включен, и Бекки сидела на корточках в углу за своей кроватью, засохший крем от прыщей запекся у нее на носу и подбородке.

— Кто-то за окном, — прошептал голос позади нее. Хейли обернулась и увидела Сикрест, стоящую на коленях у комода. Ее лицо тоже было покрыто кремом от прыщей, и она указывала на окно.

— Бекки, иди в мою комнату, — прошептала Хейли.

Бекки не пошевелилась.

Кто-то тихо постучал в стекло, и сердце Хейли забилось быстрее. Приглушенный голос раздавался с другой стороны. Потом в окне появилось лицо, но она не могла его разглядеть.

Затаив дыхание, Хейли сделала шаг вперед.

— Кто там? — крикнула она. — Тиффани? Это ты?

Снова раздался голос:

— Нет, это Чарльз.

Глава 24

Хейли включила свет на крыльце и вышла через парадную дверь. Чарльз сидел на качелях, над ним нависло облако отчаяния. Он был одет в мятую белую футболку, в свободные джинсы и сжимал в руке одну из листовок, которые миссис Перрон развесила. Одну из, казалось, сотен. Она развесила их на стволах деревьев, дорожных знаках, витринах магазинов, в общественных туалетах, по бокам почтовых ящиков ее друзей и на автомобилях. Невозможно было оказаться в городе, не увидев по крайней мере дюжины копий портрета Тиффани.

— Где ты был все это время? — спросила Хейли.

Чарльз, казалось, обдумывал свои слова, прежде чем их произнести. Когда он наконец нарушил тишину, его голос звучал низко и хрипло.

— Ты же знаешь, что я не причинил вреда Тиффани?

Меньше недели назад она бы ответила «да» на вопрос Чарльза. Она бы и за миллион лет не подумала, что он причинил боль Тиффани.

И обычно для Хейли было важно успокоить людей. Чтобы не заставлять их нервничать. Она ненавидела наблюдать, как люди чувствуют себя не в своей тарелке, неловко... неудобно. Она всегда очень старалась тщательно подбирать слова в напряженных ситуациях. В стрессовых ситуациях. Однако в данный момент это не казалось важным.

— Ты мне не ответил. Где ты был все это время? — резко спросила она.

— Дома... в основном.

— Я приходила к тебе, Чарльз. Много раз. Либо никто не отвечает, либо твоя мама говорит, что тебя нет дома. Ты избегал меня.

— Я знаю, — прошептал он. Он на мгновение заколебался. — Я не был готов никого видеть. И моя мама подумала, что будет лучше, если я не буду ни с кем разговаривать, пока Тиффани не объявится.

Он сосредоточился на листовке, аккуратно сложив ее пополам.

— Я знаю, как это выглядит, Хейли. Не дурак. Я думал, она появится, но ее до сих пор нет.

— Что случилось в субботу, Чарльз? Где она?

— Я не знаю. Понимаю, когда говорю, что не знаю, где она, это звучит...

Он снова опустил голову.

— Послушай, мы поспорили. Последние две недели мы только и делали, что спорили. А в субботу вечером она просто... исчезла.

— Исчезла?

— Черт! Ты видишь, что я имею в виду? — Он встал, и цепи на качелях запротестовали от напряжения. — Знал, что как только скажу тебе, что ничего не знаю, ты подумаешь, что я причинил ей боль. Это именно то, что думает шериф. И этот жалкий засранец — детектив, который все время ходит вокруг моего дома.

Он расхаживал взад и вперед по крыльцу, размахивая листовкой в руке.

— Тиффани снова с кем-то встречалась, Хейли. Она отрицала это, но я знал, что это так. Она вела себя по-другому. Точно так же, как с чуваком Андерсоном.

«Значит, Тиффани не только думала о том, чтобы быть с кем-то другим, она уже была? Или это просто подозрение?»

Он перестал расхаживать и сел на верхнюю ступеньку, продолжая громко стучать ногой по дереву, но Хейли попыталась не обращать на это внимания. Она знала, что девочки не спят. А ее мать... как будто она проснется.

Чарльз разочарованно покачал головой, прежде чем заговорить снова.

— Мы поссорились на парковке у «Провоста», и она просто ушла. Это был последний раз, когда я ее видел.

— Просто ушла? Куда она отправилась?

Левое веко Чарльза задергалось.

— В лес.

— Зачем ей было идти в лес? Она ненавидит лес, Чарльз. Он ее пугает.

Он пожал плечами.

— Она всегда срывается, когда мы спорим. Я думаю, она пошла в лесу, потому что он был рядом.

— Ну, ты последовал за ней?

— Не сразу. Видишь ли, я всегда гоняюсь за ней. Она привыкла ожидать внимания. Я больше не хотел играть в эту игру, поэтому ждал. Но когда она некоторое время не выходила, я пошел за ней.

Хейли вспомнила, как ей показалось, что той ночью она видела, как что-то двигалось в лесу. Может быть, это была Тиффани, или Чарльз, или...?

Броненосец рысцой пересек двор, затем, почувствовав их присутствие, замер. Хейли наблюдала, как он обдумывает, что ему следует делать, слушая Чарльза.

— Я окликнул ее. Потом просто подумал, что она где-то сидит, дуется и не отвечает мне. Так что примерно через десять минут или около того я вернулся в свой грузовик и уехал. Тиффани делает что-то только тогда, когда она готова, Хейли. Ты ни черта не можешь ей доказать. Ты же знаешь это. И ты, черт возьми, не можешь запретить ей ничего, что она хочет сделать. Если бы я только остался и подождал ее немного дольше, может быть, ничего этого не случилось бы. Поверь мне, я не смогу жить с собой, если с ней что-то случится... ты

знаешь... что-то плохое.

Хейли попыталась осмыслить его слова. Как только она это сделала, броненосец умчался прочь.

— Как думаешь, она могла с кем-нибудь сбежать? — спросил Чарльз.

Она покачала головой.

— Ты знаешь, с кем она встречалась?

— Нет.

— Но ты знала, что она с кем-то встречается?

— Я, честно говоря, не знаю, встречалась она или нет.

— Я не хочу давить на тебя, — сказал Чарльз. — Это просто тяжело, потому что знаю, как вы двое близки. Знаю, что она с тобой делится многим.

«Он сказал, близки в настоящем времени. Как вы двое близки. Не были. Это хороший знак».

— Чарльз, Тиффани сказала мне, что в последнее время ты ведешь себя странно. Одержимо.

— Одержимо, — фыркнул он. — Да, похоже на то, что она сказала бы. Брось, Хейли, ты знаешь ее лучше, чем кто-либо другой. Ты же знаешь, как она любит все преувеличивать. Если бы она едва оцарапала голову о кухонный шкаф, она, скорее всего, сказала бы, что он широко разрезал ее скальп. Если бы один парень случайно пофлиртовал с ней, пока она была в супермаркете, она бы сказала, что их было трое.

Он провел пальцами по своим жестким волосам и оглядел крыльцо.

— Я не знаю, что делать. Они продолжают задавать мне вопросы. Одни и те же вопросы снова и снова, чтобы посмотреть, не ошибусь ли я и не изменю ли свои ответы. Это похоже на действительно плохой эпизод «Закона и порядка» или что-то в этом роде. Я схожу с ума от всего этого дерьма.

Хейли подошла к качелям и села. Урчание в животе немного утихло, и теперь ее просто подташнивало.

— Шериф и этот ублюдок-детектив, которые ни хрена не смыслят в раскрытии дела о пропавших без вести, думают, что за всем этим стою я, и они выставляют меня каким-то уродом. И уж точно не помогает то, что я чернокожий мужчина в захолустном городе, где заправляют расисты. Они дважды обыскивали дом моей мамы. Мой грузовик. Я не знаю, сколько часов провел в этом участке на допросе. Думаю, они просто взбешены, потому что не могут ничего на меня повесить. — Он заломил руки. — Боже мой, я ничего ей не делал. Я бы никогда ей ничего не сделал. Она сводила меня с ума, но я все еще безумно люблю эту девушку.

Глава 25

В субботу Хейли вернулась на работу. Она принимала заказ у клиентки, когда Тайлер Джеффрис вошел в закусочную, держа за руку девушку, которая выглядела ровесницей Бекки.

Грудь Хейли сжалась, и блокнот из ее руки шлепнулся на черно-белую клетчатую плитку. Ей показалось, что она вот-вот упадет в обморок.

— Смотрите, кто явился! — воскликнула Ким, торопливо обходя стойку, чтобы обнять

свою двоюродную сестру. — Где вы были, мистер Тайлер? Я не видела тебя целую вечность!

Когда Хейли опустилась на колени, чтобы поднять блокнот, она уже не в первый раз представила, как, должно быть, выглядел Тайлер той ночью семь месяцев назад на Кунц-роуд. В ту ночь, когда он убил ее отца.

Должно быть, он вспотел, его глаза расширились, когда он понял, что натворил.

Руки Хейли дрожали, пока она раздумывала, что делать. Она сомневалась, что сможет заставить себя пройти через закусочную, к входной двери, не пока он стоит там. Но какой у нее выбор? Пот струился по ее шее сзади.

— Это трудное решение. Все выглядит так хорошо, но я думаю, что остановлюсь на мясном пироге, — говорила ее клиентка. Но Хейли ее не слышала. Она пристально смотрела на Тайлера. Он казался таким свежим и счастливым. Слишком счастливым. Он не заслуживал того, чтобы так выглядеть...

Хейли все еще смотрела на него, когда он оглянулся и увидел ее. Его лицо помрачнело, и он быстро отвел взгляд.

Зазвенели колокольчики, и вошел Мак. Он кивнул всем, здороваясь. Тайлер нерешительно посмотрел на Мака.

— Мисс? Мисс, с вами все в порядке? — спрашивала ее клиентка.

Хейли увидела, как Ким взглянула на нее, и понимание, наконец, отразилось на ее румянном лице. Она указала туда, где стояла Хейли, и Мак направился к ней, беспокойство наполнило его большие карие глаза.

— Ты в порядке? — прошептал Мак. Затем:

— Нет, конечно, это не так. Иди посиди в моем грузовике. — Он протянул ей ключи. — Я скажу Ким, что ты берешь отгул до конца дня.

***

Виниловые сиденья в грузовике Мака жгли ей ноги и руки сзади, но Хейли едва замечала это.

— Я понимаю, что это могло случиться с кем угодно, — сказала Хейли, ее волосы упали ей на глаза. Она немного приоткрыла окно. — В конце концов, папа шел по обочине дороги, было темно, лил дождь, и там был крутой поворот... Но он был моим отцом. И Тайлер его убил. Я не могу просто простить его, как будто ничего не случилось.

Мак положил руку на колено Хейли.

— Я знаю, детка. Я знаю.

Хейли смотрела, как проносятся мимо деревья, стараясь не думать о той ночи. Той, что преследовала ее в ночных кошмарах.

— Думаешь, ты сможешь остаться у нас на ночь?

Мак притормозил и свернул на дорогу к ее дому.

— Не знаю. Мне придется работать довольно поздно. Вот почему я зашел в закусочную... поздороваться.

— В последнее время ты так много работаешь допоздна, — сказала Хейли. Но она ту же почувствовала себя немного виноватой за то, что пожаловалась. В конце концов, это совсем не похоже на нее — нуждаться в его присутствии. Он всегда хотел проводить время с ней. И многое другое. Это она менялась, а не он.

Но сегодня ей отчаянно хотелось его компании, поэтому она решила разыграть карту нужды. Если Мак чего-то и желал, то только того, что было необходимо. А она

действительно нуждалась в нем. Ей нужна была дополнительная поддержка. За семь дней, прошедших с тех пор, как пропала Тиффани, они почти не говорили о ней.

— Пожалуйста? Ты мне нужен.

Лицо Мака медленно расплылось в улыбке.

— Я тебе действительно нужен? — сказал он, похлопывая Хейли по колену. Он припарковал грузовик перед ее домом. — Как насчет того, если я зайду около десяти? Мы заедем к Люку за твоей машиной, а потом вернемся сюда. Что скажешь?

Хейли кивнула, испытывая облегчение от того, что он согласился.

— Как думаешь, что случилось с Тиффани? — спросила она, слова просто вырывались наружу.

Он резко покачал головой.

— О, не беспокойся о ней. Уверен, что где бы она ни была, с ней все в порядке. У тебя и так достаточно поводов для беспокойства, Хейл. Ее мать просто параноик. Сейчас все подняли шум, но все утихнет, как только она кому-нибудь позвонит.

— Как ты можешь так говорить? Не может быть, чтобы она была просто в порядке. Если бы она пошла куда-нибудь по своей воле, она бы позвонила мне, Мак. Ты же знаешь это.

Мак вздохнул.

— Послушай, мне действительно нужно идти. Давай поговорим об этом позже, хорошо?

Именно тогда она потянулась, чтобы поднять свою сумочку с пола, и заметила что-то блестящее, выглядывающее из-под сиденья. Хейли подняла его. Это был экземпляр журнала «Хастлер». Ее сердце замерло от шока, когда она увидела его в грузовике Мака. Она долго изучала возбуждающую обложку, ее сердце бешено колотилось. Хотя она сама не была уверена, как относится к порнографии, Мак несколько раз поднимал эту тему, пока они были вместе, настаивая на том, что это вызывает у него отвращение. Что он отличался от многих других мужчин и его привлекали только приличные женщины.

Зачем бы он говорил эти вещи, если бы не имел их в виду?

Тот факт, что журнал был у него, еще и напугал Хейли. Единственной знакомой, постоянной и надежной вещью в ее жизни в эти дни был Мак. Это было слишком не в его характере.

Она бросила журнал ему на колени.

— Сколько раз ты говорил мне, что тебе не нравится порнография? Что тебе нравятся приличные женщины?

Мак с пылающими щеками отказывался встречаться с ней взглядом. Вместо этого он посмотрел вперед, на дом. Журнал покачнулся с того места, где упал ему на колени, и свалился на пол.

— Это была ложь?

Он не ответил ей.

Она выпрыгнула из грузовика.

— Ты можешь забыть о том, чтобы прийти сегодня вечером. Я предпочту быть одна, чем с кем-то, кто лжет мне.

Хейли захлопнула дверь и направилась к входной двери, задаваясь вопросом, что еще в ее жизни может пойти не так.

***

От Бекки пахло малиной. Лосьон с ароматом малины, который она, вероятно, купила их

с Сикрест поездку автостопом. Но Хейли не решалась читать сестре нотации. Она не хотела, чтобы Бекки начала проводить еще больше времени вдали от дома, как это было с Сэди в первые семь месяцев после смерти их отца. Если бы она это сделала, то Хейли понятия не имела бы, что делает ее сестра. И то, что она гуляла с Сикрест, беспокоило ее гораздо больше, чем, когда она была с ней дома.

Бекки теперь лежала рядом с Хейли на своей двуспальной кровати. Напольный вентилятор колебался перед ними, обдувая их лица теплым воздухом. Саша спал поверх спального мешка с «Телепузиками» на полу, его крошечная челюсть расслабилась, рот открылся в идеальном полумесяце. Хейли стало жаль маленького мальчика. Он проводил в их доме гораздо больше времени, чем в своем собственном. Его мать, Кики, была молодой стриптизершей и наркоманкой, употреблявшей метамфетамин. Она проводила гораздо больше времени в «Кошачьей лачуге» со своими клиентами-мужчинами, чем с ним. И хотя Бекки вела себя безответственно, с ней и Хейли он получал гораздо лучший уход в их доме, чем с Кики в трейлере в Садах.

Потирая виски, Хейли попыталась отодвинуть спор, который у нее только что случился с Маком, на задний план. Она не была готова смириться с этим.

— Я видела сегодня Тайлера Джеффриса, — сказала Хейли.

У Бекки отвисла челюсть.

— Видела? Где?

— В закускойной.

Бекки скривила лицо.

— Этот... — начала она, затем остановилась, казалось, не находя подходящего слова. — ...убийца-мудак, — сказала она наконец. Уголки ее рта были опущены, но она выглядела скорее задумчивой, чем расстроенной.

Сестры лежали тихо, прислушиваясь к ровному щелчку вентилятора, когда он вращался.

— Маме когда-нибудь станет лучше? — наконец спросила Бекки, уткнувшись лицом в подушку, коричневые веснушки, рассыпанные по краю носа, контрастировали с ее светлой кожей.

— С ней все будет в порядке, — ответила Хейли, испытывая облегчение и сильно удивленная тем, что ее сестра наконец-то упомянула их мать. Это был один из первых случаев после аварии.

— Когда? Когда ей станет лучше?

Хейли приподнялась на локте.

— Я точно не знаю.

— Прошла целая вечность и один день, — пожаловалась Бекки. — И она ведет себя так, будто больше нас не знает. Как она может так поступить с нами?

Она была зла. Наверное, так же злилась, как и Хейли.

— Она плохо соображает, Бек. Она очень, очень подавлена.

Бекки громко вздохнула, затем легла на живот и скрестила лодыжки. Коричневый завиток свисал с ее молочно-белого лба.

— Мы можем чем-нибудь помочь? Есть что-нибудь, что доктор Бруссард не может сделать?

— Знаешь, иногда ты можешь зайти и поговорить с ней, — сказала Хейли.

Бекки покачала головой, уставившись в пространство.

— Мне не нравится видеть ее такой. Мне не нравится входить в эту вонючую комнату и

видеть, что у нее такой больной вид. — Бекки взглянула на нее. — Она ведь не станет делать что-нибудь глупое? Например, не порежет вены?

— О боже, нет, — быстро сказала Хейли, затем вздрогнула. Она не хотела думать о такой возможности. Не сейчас. Ее разум отчаянно нуждался в тишине и покое.

— Как Сэди? — спросила она. — Я не видела ее в последнее время.

— Не знаю. Мы больше не подруги.

— Что?

— Мне больше нравится Сикрест, и, кроме того, она ненавидит Сэди.

— Но вы все равно можете оставаться подругами, Бек.

Бекки пожала плечами.

— Разве она не хорошенькая? Сикрест, я имею в виду?

Хейли задумалась над вопросом. Да, она была невероятно хорошенькой. Сногсшибательной, на самом деле. Но это просто казалось чертовски несправедливым, кому бог дал красоту.

— Я думаю, она симпатичная. Но только снаружи.

Бекки накрутила свои каштановые завитки на пухлый палец и задумалась.

— Ты думаешь, я красивая?

Хейли знала, что ни она, ни ее сестра никогда не украсят обложку журнала. У них не было той красоты, которой обладали Тиффани, Эрика или даже Сикрест. Но это не означало, что они не были привлекательными.

— Конечно, — ответила она. — Ты прекрасна внутри и снаружи.

— Но я ничто по сравнению с Сикрест. Даже ее имя безумно крутое. — Она поджала губы и на мгновение замолчала. — Есть один мальчик, Ричард. Он мне нравится, но думаю, что она понравится ему больше, чем я. Почему бы и нет? Она действительно хорошенькая, и у нее уже есть сиськи. Я бы тоже ее выбрала. — Она вздохнула. — Любой бы так поступил.

Хейли хотелось поцеловать сестру и прижать ее к себе. Так же, как и она, Хейли знала, что Бекки одинока и запуталась, и так же растеряна и напугана, как никогда раньше.

— Нет, я думаю, что Сикрест ничто по сравнению с тобой. Ричард был бы сумасшедшим, если бы выбрал ее вместо тебя. Ты умнее и круче. К тому же, я думаю, что ее имя довольно глупое.

Бекки посмотрела с сомнением.

— Ты же не говоришь это только потому, что ты моя сестра?

— Нет, клянусь всем сердцем.

Взгляд Бекки стал мягче.

— Ты все еще скучаешь по папе?

— Да, я всегда буду скучать по папе.

— Да, я тоже, — прошептала Бекки. — А по Тифф?

— Да, и по ней скучаю, — сказала Хейли.

— Думаешь, она мертва? Если бы это было не так, ты не думаешь, что она позвонила бы нам?

Хейли сглотнула, и слезы наполнили ее глаза. Она потянулась к подвеске на шее и погладила ее.

— Да, я знаю, Бек... Я думаю, что это так.

Глава 26

Семья Андерсонов сидела в гостиной: Келси в кресле, Рейчел на кушетке, Том на диване, а маленький Томми растянулся на полу.

— Но я уже видела это, — пожаловалась Келси. — Давайте посмотрим что-нибудь другое.

— Это не моя проблема, ты все видела! — крикнул в ответ Томми, держа в руках DVD.

— Перестаньте кричать, — Рейчел, старалась, чтобы ее голос звучал ровно, а не срывался. Она была напряжена. Тиффани все еще не появилась, и это заставило всех в колледже говорить о ней и Томе. Об их браке. То, что другим не следовало обсуждать.

Она начала подпиливать ногти, хотя накануне подстригла их слишком коротко. Сзади доносилась слабая музыка ветряных колокольчиков, металлические стержни постукивали друг о друга в душной темноте. Рейчел посмотрела в окно за телевизором, на ночь снаружи.

Том настоял, чтобы они не закрывали окно, которое простиралось от пола до двадцатифутового потолка, что в этом нет необходимости, так как оно выходило в уединение леса. Но пребывание ночью в гостиной с открытым окном заставляло ее чувствовать себя неловко, незащищенной, особенно сейчас, когда девушка пропала и потенциальный убийца на свободе.

— Она ведь не собирается снова добиваться своего? — спросил Томми, поворачиваясь, чтобы посмотреть на свою мать.

— Мы посмотри то, что никто не видел, — сказал Том-старший. — Вставь это, Томми. Раздраженно фыркнув, Томми схватил с кофейного столика синий футляр для DVD.

— Ха-ха, — злорадствовала Келси себе под нос.

— Келси, хватит! — рявкнула Рейчел, ее слова прозвучали резче, чем она намеревалась.

— Твой отец принял решение. Смирись.

— Ну и кто сейчас кричит? — саркастически спросила Келси.

Том уставился на нее.

— Келси, не разговаривай так со своей матерью.

— О, пожалуйста, — ответила Келси.

Рейчел прикусила язык. Это был семейный вечер. Стоит спустить это на тормозах, мудро выбирая свои битвы. Кроме того, было приятно, что Том вернулся из Сан-Франциско пораньше. Может быть, это что-то значило?

Они молча смотрели анонсы. Между анонсами и показом была реклама моделей, продающих косметику. Одна из молодых моделей напомнила ей Тиффани. У нее были рыжеватые волосы и яркие, молодые глаза. Рейчел подумала о своих собственных глазах и о том, какими усталыми они стали. Когда это случилось?

У модели было тонкое, гибкое тело, как у Тиффани, а ее кожа сияла молодостью. Другая модель казалась немного постарше и в бикини. Их так хорошо загримировали или у этих женщин не было ни грамма целлюлита? В конце рекламы три модели улыбнулись в камеру, их зубы были похожи на зубы пирании. Они выглядели такими желанными даже для нее.

Она помнила, когда ее желали. В те первые дни Том считал ее настоящей наградой. Заходя по утрам в ее общежитие с дымящимся кофе и теплыми глазированными пончиками, а затем провожая ее на занятия, Том всегда стремился быть рядом с ней. Он оставлял самые милые любовные записки в ее почтовом ящике и часами слушал, как она рассказывает о

своих мечтах, всегда проявляя любопытство. Он любил ее так глубоко и искренне, что не давал повода сомневаться в том, что всегда будет рядом с ней. Но это было так давно. Многого изменилось.

Пока они сидели, уставившись в телевизор, Келси внезапно встала.

— Мне нужно сделать домашнее задание.

— В субботу вечером? — спросила Рейчел, бросая пилочку для ногтей на край стола.

— Конечно, домашнее задание, — саркастически заметил Томми.

— Да, домашнее задание! — Келси зарычала, глядя на своего младшего брата сверху вниз.

— Келси, сядь, — сказала Рейчел. — Мы сейчас проводим время всей семьей. Если у тебя есть домашнее задание, ты можешь сделать его завтра.

— Зачем ты спорила о чертовом фильме, если собиралась провернуть это, идиотка? — прошипел Томми.

— Заткнись, черт возьми! — рявкнула Келси. Она повернулась к Рейчел. — Я ненавижу субботу! Семейный вечер — самая глупая вещь, о которой я когда-либо слышала! Папа, — захныкала она. — Я просто хочу пойти и сделать свою домашнюю работу. Я не хочу сидеть здесь два часа, беспокоясь о ней.

Том обхватил лоб левой рукой, как будто у него ужасно болела голова. Когда он заговорил, в его голосе звучала покорность судьбе.

— Хорошо. Иди делай свое домашнее задание.

Келси быстро вышла из комнаты.

Рейчел почувствовала, как ее щеки вспыхнули. Она пыталась удержать их всех, сделать неоспоримым тот факт, что семье нужно проводить несколько качественных часов вместе один вечер в неделю. И Том сказал Келси, что она может уйти?

— Том! — она задохнулась. — Почему...

— Она сказала, что у нее домашнее задание, — твердо сказал Том.

Но Рейчел знала лучше. Она знала, что у Келси что-то на уме, но домашнее задание явно не входило в это число.

— Но мы же договорились, что по субботам...

— Ты так решила, — парировал он. — Я бы хотел, чтобы ты просто расслабилась, Рейчел. Пусть малышка делает домашнее задание. Давайте все немного выдохнем.

Рейчел внезапно почувствовала себя измученной. Чувствуя на себе взгляд сына и вопиющее безразличие мужа, она встала и вышла из комнаты.

Глава 27

Он двигался по сырому лесу, внимательно прислушиваясь к любым звукам, которые ему не принадлежали. Не находя себе места, оттолкнул ветку в сторону. Отпустил ее на секунду раньше, чем следовало, и она отпрянула. Прохладная дождевая вода брызнула ему в лицо. Он остановился и вытер глаза локтем.

Ему нужно очистить свой разум, пробраться сквозь мрак в голове. Элли ушла пока. Она ушла в очередном приступе раздражения. Но не раньше, чем разразилась обычными оскорблениями.

Он протянул руку и сломал ветку, отправляя ее в полет, пока та не ударилась о кусты и

не упала на мокрые листья. Он подумал об Элли, прижимающейся к нему всем телом прошлой ночью. Лежащей там, где лежала девушка. Если бы она только знала.

Ее визит был непристойным и, на мерзкую миллисекунду, тревожно манящим. Ее теплая мягкость, ее кожа, как атлас. Стояла крошечная тьма, и он ничего не мог разглядеть, но мог сказать, что на ней черная ночная рубашка... та самая дрянная. Он был в этом уверен.

Его тело было неподвижным, когда лежал на боку, глаза открыты, он смотрел невидящим взглядом вперед. Ее дыхание, приправленное корицей, защекотало ему шею, прежде чем он оттолкнул ее, заставив рухнуть на пол.

Мгновение спустя из темноты донеслись громкие проклятия, пронизанные слезами. Ее кулаки врезались ему в плечи, когда она ударила его. Затем Элли выскочила из комнаты, дверь с грохотом захлопнулась за ней. После этого все стихло, за исключением стрекота сверчков за окном и слабого урчания Йена.

Теперь он вышел из леса и посмотрел на дом Андерсонов. Как всегда, ему была хорошо видна гостиная семьи в задней части дома. В комнате находились два человека. Отец сидел в кресле, а маленький сын на полу. Его тело вытянулось перед голубым туманом телевизора, лицо было поднято и бледно в прыгающих огнях какого-то телевизионного шоу, которое они смотрели.

Он пригнувшись прошел мимо качелей. На этих качелях он провел сотни часов. Сегодня вечером ему нужно оказаться ближе к дому.

В десяти футах от больших окон он лег на живот и стал наблюдать. Отец смеялся. Как и мальчик. Затем их лица стали пустыми, и они продолжили смотреть передачу.

Рейчел нигде не было видно. Рейчел, та самая, которая утешала его своей теплой улыбкой и тихим смехом. Он мог сказать, что она любила свою семью. Она, мать-наседка. Воспитатель.

Но в последнее время она казалась напряженной. Такой далекой от остальных. Очень красивая женщина, чтобы так переживать. Это разрывало его изнутри. Однажды он видел, как ее дочь кричала на нее. Она наклонилась вперед на носочках, крича Рейчел в лицо. Когда его ангел отвернулась, ее лицо было таким напряженным. Таким расстроенным. Ему потребовались все его силы, чтобы не вломиться кулаком в окно, не схватить девчонку за горло и не сказать ей, что то, что она имеет — редкий дар. Что ее мать ангел.

Если бы только она была его ангелом.

Он мечтал оказаться в доме. Не тогда, когда она там... еще нет... но, когда он пуст. Что он увидит? Как они живут вблизи? Ему страстно хотелось прикоснуться к вещам, к которым прикасалась она. Она была особенной, особенной женщиной. Одной из очень немногих.

В спальне, которая, как он знал, принадлежала ее дочери, горел свет. Он встал и подошел к ней. Хотя жалюзи были опущены, он знал, что она там. Он слышал ее надменный голос и обрывки одностороннего разговора. Она разговаривала по телефону. И голос у нее был сердитый.

Он медленно обошел здание. В западном конце дома свет проникал через маленькое прямоугольное окошко. Хозяйская ванна. Он мог видеть тень растения в горшке на подоконнике. Подсолнухи. Однажды он видел ее в маленькой оранжерее, ухаживающей за растениями, ее руки двигались медленно, неторопливо, с большей осторожностью, чем он видел в своей жизни. Ее руки совсем не походили на мозолистые руки его матери. Требовательные, жадные руки. Он прогнал воспоминания о ней из своей головы.

Подавшись вперед, он заглянул в окно. Сквозь жалюзи он мог видеть, как кто-то

двигался внутри. Текла вода. Набиралась ванна.

Улыбнувшись, он отвернулся. Прижался спиной к дому и замер. Он слушал, как она ходит взад и вперед. Благодаря легкому исключению, он знал, что это была она. Он стоял там, рядом с Рейчел. Всего в нескольких футах от нее.

В этот момент он принял решение. Он войдет внутрь. И скоро.

Но сейчас он закрыл глаза и расслабился.

Глава 28

Послеобеденное небо было мрачным из-за надвигающейся грозы. Эрика сидела в кабинке красного цвета и что-то писала в своем блокноте, который теперь был наполовину заполнен заметками. Наконец-то все сошлось воедино. Ее прозрение сдвинуло с мертвой точки написание романа и оставило Эрику в таком приподнятом настроении, что ей почти захотелось улыбнуться. Но она этого не сделала.

В закусочной было довольно пусто. Один посетитель задержался за столиком, ну и еще она, Крис, Ким и Остин. Все трое топтались у стойки, разговаривая. Время от времени она улавливала обрывки их разговора, но только когда они обсуждали что-то интересное. По большей части это было не так.

По небу пронеслась молния, за которой последовали раскаты оглушительного грома. Она выглянула в окно, наблюдая, как сахарный тростник рядом с закусочной изгибается от пронзительного ветра. Листовки о Тиффани дрожали у окон, где они были вывешены, пытаясь выиграть битву с враждебным и столь же цепким ветром.

Эрика открыла свой блокнот и нашла вырезку из списка бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». Она провела пальцем по имени женщины-автора детективных романов. Та, кто мог бы быть ее матерью — используя псевдоним. Она поискала в Интернете фотографию этой женщины, но не смогла найти. Имя этой женщины просто всплыло однажды как гром среди ясного неба, и Эрика бросилась за экземпляром ее книги.

Было что-то в том, как писала автор. Слова, которые она выбирала. Они просто казались Эрике слишком знакомыми. Они кричали о ее матери. Эрика нашла статьи, написанные об этой женщине, и узнала, что она не замужем и родом с Юга, но ни в одной из статей не говорилось точно, откуда именно. То, что вырезка была так близко, успокоило страх, который она отказывалась признавать.

Она закрыла блокнот и вздохнула. Ее мысли обратились к Хейли, единственному человеку ее возраста, который ей вообще нравился. Много раз за эти годы она представляла себе Хейли с нимбом над головой. Она была такой чистой. Такое доброе сердце. И не только для нескольких человек. Для всех. Как будто ее жизненная миссия состояла в том, чтобы заставлять других чувствовать себя хорошо.

Эрика вспомнила прикосновения девушки и то, как легко та пригласила ее в свой дом. Это было почти так, как если бы девушка считала ее своей подругой.

Но почему она? Они такие разные. Там, где Хейли всегда была вежливой и милой и, по крайней мере, до несчастного случая с ее отцом, казалась энтузиазмом, Эрика представляла себя окруженной черным облаком отчаяния.

Кроме того, дружбу Эрика никогда не делилась ни с кем, кроме своей матери. Она не была уверена, что знает, как быть другом кому-либо, кроме нее.

За месяцы, прошедшие с тех пор, как умер отец Хейли, Эрика наблюдала, как та

меняется. Некогда яркий ореол, казалось, потускнел, потерял часть своей формы. Глаза девушки медленно потухли и потеряли весь свой энтузиазм. Она стала почти немой. По крайней мере, на публике.

Эрика изучала ее, сидящую на кладбище и рассказывающую что-то своему отцу. Иногда Хейли вставала в муравейники на кладбище, пока маленькие черные пятнышки не покрывали ее ноги. Иногда она плакала. Это то, что привлекло Эрику к девушке. Она отождествляла себя со своей потерей. Ее потребность скрыть боль. Ее тайные причуды.

Но они двое все равно казались такими, такими разными.

Работа шла медленно, слишком вяло. Эрике не терпелось уйти пораньше с жалкими десятью долларами чаевых, которые она заработала за четыре часа, проведенные в закуской.

— Это их расследование идет довольно дерьмово, если вы спросите меня, — говорил Крис, макая печенье в миску с этофем. — Детектив все еще копается, но я говорю, что если они ничего не нашли к настоящему времени, то уже ничего не найдут. Похоже, спортсмен из него лучше, чем детектив.

— Я все еще говорю, что девушка просто сбежала, — вставила Ким, скрестив свои мускулистые руки. — Но, при этом, я на днях разговаривала с Мирной Адамс из колледжа, и у нее есть некоторые интересные подозрения относительно Тома Андерсона. Говорю вам, некоторые сотрудники колледжа с удовольствием бы пообщались с этим детективом.

Эрика снова повернулась к окну. Наконец, добившись успеха в своем начинании, ветер сорвал одну из листовок с окна и отправил ее парить через Главную улицу.

Ким вразвалку подошла к окну, хотя на самом деле она была недостаточно толстой, чтобы ковылять. Эрика решила, что она просто тренируется, потому что это только вопрос времени. Ким была грузной девушкой с квадратным торсом и похожими на сосиски руками и ногами. Поразительно неухоженная, даже по стандартам Гранд-Треспасса, и ее одежда, и ее личность всегда были чем-то испачканы. Обычно это оказывался кетчуп или какой-нибудь темный соус.

Глядя на плохую погоду снаружи, Ким прищелкнула языком, затем провела своими толстыми пальцами по пушистой челке и остальной части своей потрепанной прически.

— То, что мужчина изменяет своей жене, еще не означает, что он убийца, — сказал Остин от стойки, наливая чашку кофе.

Ким хмыкнула и вернулась к группе.

— Может быть, и нет, но это говорит о его характере. И это действительно все, по чему можно судить о мужчине. Верно, Крис?

Крис кивнул, глядя вдаль.

Характер? Что Ким знала о характере? Эрика задумалась, сомневаясь, что она вообще много знает о мужчинах, если вообще что-то знает. О чем она действительно знала, так это о распространении обидных сплетен и избиении девочек младше ее. Эрика обладала глубокими знаниями в качестве доказательств. Черт возьми, у Ким, вероятно, тоже был бы роман... если бы кто-нибудь ее захотел.

— Это напомнило мне, — продолжила Ким, плюхаясь обратно на свое место. — Вчера вечером я разговаривала со своей сестрой Агнес из Алабамы. Она спросила, была ли Тиффани из тех, кто улыбается. Сказал, что много лет назад кто-то околачивался возле супермаркета.

Думаю, что это был «Альбертсон» или «Уинн Дикси». Знаете, в Труро есть

«Альбертсон». В любом случае, Агнес сказала мне, что он убил кучу девушек в 80-х, и они так и не нашли этого ублюдка.

Меня беспокоило то, как он их заманивал. Он ждал прямо за дверями и наблюдал, как выходят женщины. Когда они выходили, он им улыбался. И он ждал, когда кто-нибудь из них улыбнется ему в ответ. Вот как он выбирал своих жертв. Он занимался этим почти год, и Агнес сказала, что он даже написал письма в местную газету и рассказал, что он делает. Но даже тогда они так и не поймали этого монстра. Он просто перестал убивать. Все еще остается где-то на свободе. Почему бы ему сейчас не начать делать тоже самое, но уже у нас?

Эрика снова открыла блокнот и притворилась, что пишет, не желая казаться заинтересованной в разговоре. Улыбаться незнакомым людям, размышляла она, ерзя на своем пластиковом сиденье. Она могла представить, как это происходит.

Она сама едва улыбнулась. Не хотела, чтобы ее заметили. Ещё нет. Не раньше, чем у нее появится что-нибудь блестящее, за что ее можно будет заметить.

— Джулия Перрон, бедняжка, я слышала, что она ходила к знахарке, — сказала Ким, вздыхая. — Она отчаянно хочет найти свою дочь. Если с девушкой действительно что-то случилось, знахарь ничего не сможет сделать теперь, кроме как, может быть, сказать ей, где разлагается тело. — Она взглянула на Эрику. — Твоя мама была знахаркой, не так ли, Эрика?

Лицо Эрики вспыхнуло, когда она посмотрела на чистую страницу перед собой. Тема ее матери была под запретом.

— Не то чтобы в этом было что-то плохое, — сказала Ким. — Я только слышала, что твоя мама время от времени практиковала колдовство. Скажи мне, она когда-нибудь кого-нибудь исцеляла?

Вдалеке прогрехотал гром. Было всего два часа, но небо затянуло дымкой, как поздним вечером.

— Вероятно, нет, — кратко объявила Ким, когда Эрика не ответила ей. Она снова сосредоточила свое внимание на Крисе и Остине. — В любом случае, сегодня утром я сказала обоим своим малышам, чтобы они никогда не улыбались незнакомым людям. Вы должны дружить только с теми, кого знаете, потому что в мире полно всяких чудаков. В Новом Орлеане их больше, чем нужно, и это не так уж далеко отсюда, если подумать.

Эрика сунула блокнот в рюкзак и встала.

— Сегодня почти никого нет, Крис. Не возражаешь, если я уйду пораньше?

— Конечно, милая. Я думаю, мы все скоро пойдем, — сказал он, одним глазом следя за ней, косым глазом поглядывая на приближающуюся бурю. — Еще один из тех пустых вечеров, я боюсь. Не то чтобы погода этому не способствовала.

Зазвенели колокольчики, и вошел детектив Гитро, одетый в брюки, синюю футболку и бейсболку. Он кивнул в сторону толпы.

— Гроза надвигается, — объявил он, снимая бейсболку и проводя пальцами по своим густым волосам.

Крис поставил перед ним свежую чашку кофе и указал на темное небо и дождь, который теперь хлестал из него.

— Думаю, гроза уже здесь.

Крис поднес свою чашку с кофе к губам и сделал глоток. Поставив чашку, он посмотрел на Гитро, который молча водружал бейсболку на голову.

— Чем мы можем вам помочь сегодня, детектив?

— Я хотел бы сказать несколько слов, если вы не возражаете. Давайте выйдем на задний двор.

Крис моргнул.

— Безусловно. Все, что вам нужно.

Эрика, внимательно наблюдавшая за всем обменом репликами, могла поклясться, что лицо Криса побледнело.

Глава 29

Открыв дверь в спальню матери, Хейли с ошеломлением увидела, что та проснулась, а по всей кровати и на полу валяются разбросанные фотографии. Старые, черно-белые, с загнутыми краями, и сотни новых цветных фотографий. Пустой альбом лежал на бюро, рядом с коробкой салфеток.

На мгновение Хейли задумалась, не слишком ли много она выпила и не разыгралось ли у нее воображение. Но потом она напонила себе, что позволила себе только один стакан джина с колой. Пока что.

С тех пор как она разделила вино с Эрикой и испытала восхитительное оцепенение, которое оно вызвало, Хейли выпивала по стаканчику или два каждый день. Чтобы расслабиться.

У ее отца был приличный запас в кладовке: джин, водка, бурбон, скотч. Она попробовала их все и обнаружила, что джин больше всего ей подходит.

Хейли поставила терракотовую миску на тумбочку.

— Это курица с клецками. Твоя любимая.

Ее мать улыбнулась. Не то расслабленное, по-настоящему счастливое выражение лица, с которым выросла Хейли, а отстраненное, обязательное, слегка пьяное, к которому она привыкла за последние несколько месяцев.

— Спасибо, любовь моя.

— Разбираешь фотографии? — с надеждой спросила Хейли, подходя к окну. Подоконник был покрыт мертвыми комарами и прядями шерсти Ригли. Гроза лишила воздух тепла и влажности, и комната остро нуждалась в свежести.

Ее мать покачала головой. Кончик ее носа покраснел, а на коленях валялись скомканные салфетки.

— Нет, просто смотрю на старые фотографии, дорогая. — Она потянулась через кровать. — Давненько их не видела.

На этот раз, всего на мгновение, ее улыбка стала одной из прежних, теплых.

Она взяла фотографию и протянула ее Хейли. Снимок был сделан на одном из соревнований Хейли по плаванию, когда ей было десять лет. Соревновались с учениками начальной школы Честера, самыми большими соперниками начальной школы Терезы.

В своем красном купальнике Хейли сидела на корточках, напряженная и сосредоточенная, ожидая начала своего 600-метрового заплыва. Хейли все еще чувствовала запах хлорки и прохладную воду в бассейне. Она подумала об Университете Луизианы и о том, как она могла бы плавать прямо сейчас, если бы начала занятия вовремя.

Ее мать отложила фотографию и взяла другую. На этом снимке ее отец стоял у гриля для барбекю с глупой ухмылкой на лице. Он держал кусок мяса и был одет в белый фартук с

надписью «Вегетарианец» — прекрасный пример его дрянного юмора.

— Ее сделали на вечеринке по случаю десятого дня рождения Бекки, — сказала ее мать.

Она указала на верхний левый угол. — Видишь воздушные шары?

Хейли кивнула.

Мать взглянула на Хейли.

— Я не знаю, почему этот снимок не положили в альбом. Похоже, многие из них валяются просто так. Я не понимаю, почему.

— Не знаю, мама.

Глаза матери, теперь затуманенные, опустились к ее шее.

— Красивое ожерелье. Это что-то новое? Мак подарил его тебе?

Ее мать прекрасно знала, что ожерелье не было новым. Именно она купила одно для нее и одно Тиффани на выпускной в средней школе.

Хейли потрогала его и подумала о Тиффани.

— Нет, не новое. Ты купила его для меня. И еще одно для Тиффани. Разве ты не помнишь?

Мать на мгновение пристально посмотрела на лицо Хейли, затем потянулась за пузырьком с таблетками на прикроватной тумбочке. Она открыла его, сунула две в рот.

Плечи Хейли поникли. Каждый раз, когда она думала, что ее матери становится немного лучше, она ошибалась. Она ничего так не хотела, как улучшения состояния матери, и чтобы Тиффани вернулась домой. Две ситуации, которые она не могла контролировать.

Что напомнило ей о Маке. Прошел целый день с тех пор, как она обнаружила порнографический журнал в его грузовике. И он не позвонил и не пришел. Она задумалась, не была ли она слишком строга к нему. Все-таки она слишком остро отреагировала. Хейли больше не злилась на него, просто была смущена тем, что он чувствовал необходимость лгать ей. Может быть, именно ей следует сделать первый звонок.

Она вспомнила, как громко кричали Бекки и Сикрест, когда Чарльз постучал в окно Бекки рано утром в четверг.

— Мама, почему ты не пришла проверить нас той ночью? Разве ты не слышала криков?

— Крики? Кто кричал? Все в порядке?

Хейли подумала о снотворном. Но это не оправдание. Мать не могла просто оставить ее и Бекки одних на произвол судьбы, как бы сильно ей ни было больно. Им тоже больно. Ей нужно перестать скорбеть и снова стать их матерью.

— Ты знала, что Бекки стала путешествовать автостопом? — спросила она, отчаянно пытаясь заставить женщину выразить какие-то соответствующие эмоции.

— Путешествует автостопом?

— Да, мама. Ты должна ей что-нибудь сказать.

— О боже! Я скажу. Это так небезопасно, — проговорила она. Затем ее глаза потускнели, и она, казалось, смотрела не на Хейли, а мимо нее, как будто фокусировалась на чем-то, что могла видеть только она. Она сделала несколько неглубоких, хриплых вдохов.

— Ты уже позвонила миссис Перрон?

Мать покачала головой, все еще сосредоточенная на том, на что смотрела.

— Ты правда должна ей позвонить. Тиффани до сих пор отсутствует.

— Боже мой, — пробормотала ее мать. Но Хейли не была уверена, что та вообще ее слышала.

— Мама?

— Да, дорогая.

— Ты в порядке?

— Да. Твоей маме просто нужно немного поспать, детка. Почему бы тебе не дать мне немного полежать с закрытыми глазами?

Глава 30

Позже той ночью он лежал в своей постели, стараясь не прислушиваться к звукам, доносившимся из спальни его сестры. Смех, как Элли, так и какого-то мальчика. Он нахмурился, глядя через всю комнату в маленькое окно.

Он хотел остановить их. Что они там делали? Он ненавидел, когда Элли приводила парней домой. Она делала это, чтобы унижить его.

Он чувствовал ее запах из спальни. У него всегда было острое обоняние. Независимо от того, ощущал ли он сладкий запах Элли, затхлость своей матери или медный запах крови, он мог делать это на расстоянии, на котором большинство не могло.

Элли была такой ароматной, совсем как цветок. Как олеандр, прекрасные розовые цветы которого скрывают смертельный яд. Как и цветок, она была ядом. Большинство женщин были такими. Большинство, за исключением его ангела, конечно... и очень немногих других.

Он подумал о Тиффани, своей матери и человеку, который гнил на дне пруда за домом.

Он привлекал Тиффани, когда она еще была жива. Она хотела его, хотела быть рядом с ним. Несколько недель она приставала к нему, но он игнорировал ее — что, казалось, заставляло ее хотеть его еще больше. Затем он все спланировал, и она оказалась в его доме.

Элли застонала громче. Он зажал ладонями уши. Сердце сердито забилося, а дыхание участилось. Его кожа стала теплее, влажнее.

Она снова простонала.

Не в силах больше этого выносить, он вскочил с кровати и распахнул дверь. Выскочил в коридор и обнаружил, что дверь ее спальни широко открыта, а внутри мерцает свет свечей.

Он шагнул в дверной проем.

Они были в ее постели. Элли была обнажена и сидела на коленях у парня. Она ритмично двигалась взад и вперед, сцепив руки над головой.

Через мгновение она повернулась и бросила на него злобный взгляд. Но не потрудилась прекратить то, что делала. Она продолжала раскачиваться и просто смотрела на него.

— Какого черта ты вытворяешь? — крикнул он с порога, не уверенный, с кем из них разговаривает. Он сделал шаг вперед и увидел, что мальчик вовсе не мальчик. Это был мужчина. Крепкий мужчина, намного старше его.

У него мелькнули воспоминания обо всех растрепанных мужчинах, которые оставались с его матерью на несколько часов ночью и в конце дня, когда он был младше. О молодой, симпатичной темноволосой женщине, которая все время приходила в тот год, только чтобы уединиться в спальне его матери на час или два.

У него начались проблемы с дыханием. Оно стало неглубоким и неровным, и он начал чувствовать слабость. Начало приступа паники.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — повторил он. — Она же ребенок, придурок!

Встревоженный мужчина толкнул Элли на пол и наклонился, чтобы поднять свои брюки.

Пытаясь сдержать ярость, он включил верхний свет и подошел к мужчине. Толкнул его, и мужчина, барахтаясь, рухнул обратно в кровать, его штаны обтягивали волосатые икры.

— Я не знал, — закричал он. — Она сказала, что ей восемнадцать!

— Восемнадцать? Господи, неужели она выглядит на восемнадцать?

— Оставь его в покое! — взвизгнула Элли, вскакивая с пола. — Он мой клиент!

Ему казалось, что под его плотью извиваются насекомые. Он царапал свои руки, пока не порвал кожу, затем шагнул вперед и ударил мужчину в бок. Тот вскрикнул что-то, чего он не смог разобрать, потому что Элли снова закричала.

Он заметил три мятые двадцатидолларовые купюры на ночном столике Элли. Теперь, еще больше выйдя из себя, он несколько раз пнул мужчину ногой. Каждый раз сильнее, чем в прошлый.

Элли теперь обхватила его руками за талию.

— Остановись! Пожалуйста, остановись!

— Для чего деньги, Элли? — крикнул он, слезы жгли его глаза.

Она была шлюхой. Злая, порочная шлюха.

Элли крепче прижалась к нему, ее обнаженная плоть обжигала его. Их глаза на мгновение встретились, и он понял, что ей это нравится.

Ее медленное убийство.

— Для чего эти деньги? — снова закричал он, задыхаясь. — Для чего они, а?

Он должен был убраться отсюда подальше. От этого дома, от нее, или они убьют его.

Дрожа, его глаза были не в фокусе и полны слез, он наблюдал, как мужчина встал и снова начал возиться со своими штанами. Он схватил с пола ковбойскую шляпу и связку ключей от машины и, пошатываясь, вышел из комнаты.

Через несколько секунд хлопнула входная дверь.

Глава 31

Час спустя, когда он сидел на узком сиденье качелей, изучая дом Андерсонов, подошел парень. Мальчишка на цыпочках прошел через двор, пока не добрался до окна спальни дочери. Затем, несколько секунд спустя, девочка высунула голову, и мальчик помог ей спуститься. Двое тихо рассмеялись, затем бросились через двор в ночь.

После того, как они исчезли, он изучил окно спальни девушки. Вдохнул прохладный, очищенный дождем воздух и попытался решить, не слишком ли это рискованно, не зайдет ли он слишком далеко, делая то, что хотел.

Он раздумывал несколько минут, полированный камень яростно вертелся в его ладони, затем решил, что риск того стоит. Он и раньше видел, как девушка ускользала, и она всегда исчезала на несколько часов. В остальной части дома было темно, так что семья крепко спала.

Да, он будет в безопасности, войдя внутрь.

Он приоткрыл окно шире и протиснулся в дом. Оказавшись внутри, его сердце бешено заколотилось, когда он медленно обошел комнату, осматривая тусклую обстановку. Там было бюро с керамической балериной и шкатулкой для драгоценностей, стоявшими на его поверхности. Комод, заваленный маленькими кисточками, косметикой и большой флаконом лака для волос. Он взял щетку, его рука задела пряди волос, застрявшие в щетине. Вытащил

несколько штук и потер их кончиками пальцев.

Пряди были грубыми. Вероятно, окрашенные, а не натуральные, неиспорченные волосы, как у ее матери. Но он оказался ближе чем когда-либо к своему ангелу, поэтому положил их в карман и вернул щетку обратно на комод.

Подошел к неубранной постели. В тусклом свете попытался угадать цвет одеяла. В ногах кровати лежала большая подушка. В форме сердца с вышитым именем «Келси».

— Келси, — одними губами произнес он и почувствовал, как слово слетело с языка. Имя, которое его ангел, вероятно, произносила несколько раз в день.

Он повторил его снова и наклонился, чтобы понюхать ее простыни. Они пахли по-девичьи, как у Элли. Сладкий запах.

Лег на кровать и вцепился в подушку. Здесь спала ее дочь. Это то, что она видит перед тем, как заснуть, то, что она слышит.

Он уставился в темноту, и его плечи напряглись. Кровь бурлила в жилах, и внезапно ему захотелось схватить девушку за плечи и встряхнуть ее. Тряси ее до тех пор, пока не останутся видны только тусклые белки глаз.

Разве она не знала, что ее мать будет беспокоиться, если узнает, что она ускользает из дома ночью? Эта девушка была никудышной, совсем как Элли. Совсем как те молодые девушки, которых он видел каждый день. Девушки, смотрели на него, перешептывались, а иногда доходили до того, что подмигивали, их глаза были злыми щелочками, а губы — кровавого оттенка.

Эти девушки были грязными, опасными. И он уверен, что они ничем не отличались за пределами Гранд-Треспасса. Он видел тех же самых девушек по телевизору. Они повсюду, гребаная пандемия.

Он провел пальцами по одеялу. Оно было мягким. Мягче, чем у Элли, полная противоположность шерстяному одеялу государственного образца, с которым он спал с детства. Он гадал, насколько мягким будет одеяло матери. Внезапно он понял, что ему придется это выяснить. Он должен узнать, иначе эта мысль затуманила бы его и без того переполненный разум. Он закрыл глаза и упивался этой мыслью. Затем позволил себе молча насладиться восхитительными воспоминаниями.

Тиффани была зла, когда он остановился, чтобы забрать ее с обочины дороги. Запрыгнув в грузовик, она попросила его увезти ее. Где угодно, только подальше отсюда, сказала она. Поэтому он включил передачу, и они поехали по Главной улице к дому его матери.

Вскоре ее рука оказалась на его плече, затем ее пальцы в его волосах. Длинные красные ногти с идеальными полумесяцами на кончиках.

— Мы расстались, — объявила она.

— Совсем?

— Да, на этот раз навсегда. Он думает, что владеет мной, и я ненавижу это.

— А он знает?

Она наблюдала за ним в темноте, перебирая пальцами свое ожерелье. Затем, казалось, решила, что он шутит.

— Он... э-э-э... нет, — проговорила она, и улыбка расплылась по ее маленькому лицу. Ее пальцы снова нашли его волосы.

Он ударил ботинком по педали.

Дома она перекинула свои стройные загорелые ноги через спинку кресла, пока он

наполнял водкой два стакана и откручивал крышки от их пива. Тиффани начала жаловаться на своего парня, Чарльза, когда выпила первые две рюмки. Он продолжал кивать, на самом деле не слыша ее, но думая о том, что он мог бы сделать. Когда-то он мечтал убить ее, но это была всего лишь мечта. Или нет?

Через некоторое время ее глаза начали слипаться, но она все еще бормотала. Тиффани соскользнула с кресла и, пошатываясь, подошла к тому месту, где он сидел, ее теплое дыхание щекотало ему ухо. Он старался сохранять спокойствие.

Чем ближе она подходила, тем больше мучений он испытывал. Его дыхание участилось, и он сжал кулаки. Он надеялся, что Элли не вернется домой. Он представил, как она входит в дверь, видит девушку в доме, а потом говорит что-то умное или глупое. Но он знал, что не сможет остановиться. Не сейчас.

Тиффани прижалась губами к его губам, и его тело наполнилось яростью. Ему хотелось схватить ее за горло и встряхнуть, но вместо этого он откинулся назад, подальше от нее.

— Что случилось? — прошептала она, алкоголь исходил из ее теплого рта.

Он встал и взял ее за руку, длинные ногти царапнули его ладонь. Она хихикнула и позволила ему вести себя.

— Крошечная комнатка, — прокомментировала она, когда они вошли в единственную спальню, которую он когда-либо знал. В этот момент он подумал о том, как хорошо жилось ее семье. И он возненавидел Тиффани еще больше. — Но уютно, — добавила она.

Нет, здесь не уютно. По-своему она была вежлива. Он толкнул ее на кровать, и, как он и подозревал, Тиффани это понравилось.

Она подняла на него мутные от выпитого глаза.

— Это так неправильно, — проговорила она, а затем хихикнула.

Он кивнул.

— Но мы никому не скажем. Это будет просто наш маленький секрет, верно?

Он кивнул. Секрет. Это определенно будет секретом.

Тиффани снова хихикнула. Все еще глядя на него снизу-вверх, она поднесла пальцы к рубашке и расстегнула ее, затем сбросила с узких плеч, позволив ей упасть кучей позади нее. На ней был черный кружевной лифчик, и он мог разглядеть ее соски сквозь прозрачную материю.

Жар пробежал по всему его телу. У нее были полные сиськи, не такие большие, как у моделей в журналах, но они были большими для ее маленького тела. Она засмеялась, снимая одну из лямок со своего плеча.

— Знаешь, как давно я хотела это сделать? — спросила она, ее глаза казались еще более осоловевшими, чем минуту назад.

— Нет.

Она снова рассмеялась.

— О-о-о-очень давно. — Она потянула другую бретельку вниз, затем потянулась назад и расстегнула лифчик. Полные, бледные груди с тугими розовыми сосками выскочили наружу. Жар становился все сильнее. Он становился твердым.

Она снова легла на кровать.

— Тебе нравится то, что ты видишь? — невнятно спросила она.

Он стоял на краю кровати и изучал ее.

— Прикоснись ко мне.

Он неохотно опустил на кровать.

Она протянула руку и поцеловала его в шею, затем направила его рот к своей груди.

Жар поглотил его, взрываясь между ног. Он прижался губами к соску, затем открыл рот и втянул его. Его член пульсировал, он подвинул колени вперед, потянулся к другой ее мягкой груди и провел языком по соску.

Она выгнула спину, ее длинные волосы каскадом рассыпались по спине. Тиффани хихикнула в миллионный раз.

— Ты какой-то неуклюжий, — прошептала она, едва шевеля губами.

В его голове зажегся свет, и он отпрянул, мгновенно смягчаясь вниз. Весь жар в его теле собрался и переместился в голову. Она дразнила его.

Тиффани села, не потрудившись прикрыть свои грешные сиськи.

— Что случилось? Я сказала что-то не так?

Кровь ударила ему в голову, и комната, казалось, изменилась.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она, широко раскрыв глаза. — Я ничего не имела в виду, честно. Просто... просто ты...

Он попятился, испытывая отвращение к своему возбуждению.

Она легла на спину.

— О боже, у меня та-а-а-к кружится голова... — простонала она, и уродливая улыбка вернулась на ее губы. Тиффани хихикнула, затем поманила его указательным пальцем. — Вернись ко мне.

Когда он этого не сделал, она наклонилась вперед и потянула его за петли ремня. Расстегнула пуговицу на его брюках, затем молнию.

Его трясло.

Тиффани протянула руку и осторожно вытащила член. Когда она поднесла его ко рту, комната начала двигаться быстрее. Он схватил ее за запястья и крепко сжал их.

— О-о-о-о, — промурлыкала она.

Ей это нравилось.

У него болела голова, но не от алкоголя, а от того, что она сказала. От того, что они делали. Он сжал сильнее.

Ее глаза расширились.

— Эй, мне становится по-настоящему больно, — пожаловалась она.

Но он не ослабил хватки.

Ее глаза метнулись между ним и тем местом, где были зажаты ее запястья.

— Тебе не нравится боль? — спросил он, пристально глядя на нее. В ее глазах появилось замешательство.

— Тогда зачем ты изменяешь своему парню? — спросил он. — Не думала, что ему будет больно?

— Что?

— Зачем тебе обманывать...

Она пристально посмотрела на него.

— Ага, кто бы говорил! Отпусти меня! Черт возьми, отпусти мои гребаные запястья!

Он сжал их крепче.

— Я не ложусь в постель со шлюхами, — рявкнул он. — Ты должна была это знать.

Когда она заговорила в следующий раз, ее голос звучал мягче.

— Мне жаль, — сказала она, и слезы навернулись у нее из-под век. — Прости... я... я думала, что нравлюсь тебе. Я имею в виду, ты вел себя именно так. Послушай, отпусти меня,

и я просто уйду. Мы все равно не должны этого делать.

Он отпустил ее запястья, и она наклонилась вперед, прикрывая грудь. Жирные, жалкие слезы потекли по ее лицу, размазывая тушь.

Он поднял подушку.

Тиффани следила за его движениями, пока изо всех сил пыталась застегнуть рубашку, забыв о лифчике, который теперь валялся на полу.

Йен поскребся в окно.

Он повернулся, чтобы посмотреть на него, и почувствовал, как кровать сдвинулась. Одна ее нога была на полу, другая быстро опускалась.

Он рванулся вперед и поднес подушку к ее лицу. Тиффани брыкалась и визжала в подушку, но он прижал ее ноги своими. Она ударила его в грудь и вцепилась когтями в кожу. Попыталась повернуть голову, но он держал крепко. Он не чувствовал боли, только жар.

Он ощущал себя фантастически, лучше, чем за последние десять лет. Его ярость вытекла из него, как будто наконец открылся выход. Сильное возбуждение наполнило его, чувство гораздо более эротичное, чем то, которое он испытывал раньше, когда пробовал ее грешную плоть. Каждая частичка его теперь казалась живой.

— Бояться — это нормально, — прошептал он.

Она царапала его шею и грудь, но он ничего не чувствовал. В конце концов ее протесты ослабли, и он сдвинул подушку так, чтобы видеть ее глаза. Сначала они были широкими, большими зелеными кристаллами боли. Но потом поникли, и Тиффани замерла.

Йен, стоявший у окна, закричал.

Он повернулся и уставился на кота. Тот смотрел на него, его черты были неясны с того места, где он стоял на коленях, но он был уверен, что кот выглядел сердитым. Он бы избавился и от него тоже. Глубоко вдохнул воздух в легкие, выпустил его, и наконец-то смог свободно дышать.

Он уставился на безжизненное тело Тиффани, которое теперь лежало скрюченное и неподвижное. Он лишил ее достоинства, ее силы. Осознание этого стало освобождающим.

Сетчатая дверь в передней части дома захлопнулась. Элли пришла домой.

Его глаза были закрыты всего несколько мгновений, когда раздался громкий треск. Он подскочил на кровати и долгое время не мог понять, где находится. В комнате пахло чем-то чужим, окно было не там, где обычно.

Как только он сориентировался, оранжевый свет озарил коридор и залил дюйм пространства между дверью и ковром.

Потом он вспомнил, что вообще не в своем доме. Нет, он был у Рейчел, лежал в постели ее дочери.

Шаги приближались. Он выскользнул из кровати и, пока пытался забраться под нее, дверь распахнулась.

Глава 32

Вторая неделя июля выдалась жаркой. Трава выгорела, растения завяли, а люди вели себя необычно тихо. Когда они разговаривали, то были раздражительны. Водители грузовиков вваливались в закусочную «Люка» просто в майках, с желтыми пятнами от пота. Рабочие спешили внутрь, заказывали высокие стаканы сладкого чая, затем просили налить

еще. Шериф и несколько его людей занялись сообщениями о домашнем насилии, оставив детектива Гитро самого выяснять, что случилось с Тиффани Перрон.

Во второй половине дня сюда стекались старшекласники со всего района, девочки в коротких юбках или шортах, едва заметных майках, с волосами, стянутыми в высокие хвосты. Мальчики одевались в спортивные рубашки и шорты цвета хаки, их ноги были втиснуты в черные резиновые сандалии или забрызганные грязью кроссовки.

В зимние месяцы дети, ходившие в католические школы в близлежащих городах, как правило, общались только друг с другом, так же, как и дети, ходившие в государственные школы. Но в жестоко жаркие летние месяцы подростки покидали свои группы и собирались там, где было прохладнее, в результате чего чуть более дюжины регулярно встречались в закусочной.

Хейли нравилось слушать разговоры детей об их жизни, их любовных интересах и о том, что они хотели бы сделать со своим будущим. Они все еще были полны надежды, чего ей ужасно не хватало.

Прошло девять дней с тех пор, как исчезла Тиффани, и не появилось ни единой зацепки, по крайней мере, ни одной, которой детектив или шериф поделились бы с общественностью.

Черный «Форд-мустанг» Тиффани был возвращен ее семье и теперь стоял в гараже под охраной. Всех, кто ее знал, допрашивали по меньшей мере дважды. Некоторых, как Чарльза и Хейли, несколько раз, детектив задавал в основном одни и те же вопросы снова и снова.

Хейли не верила ни в детектива, ни в его способности. И она потеряла всякую надежду когда-либо снова увидеть свою подругу. Она пролиwała слезы, пока их не осталось совсем, и судьба Тиффани казалась такой ограниченной, такой темной, что Хейли отказывалась думать об этом.

Она дважды навещала миссис Перрон с тех пор, как исчезла Тиффани. Женщина не пользовалась косметикой с первого воскресенья после исчезновения Тиффани. И, как и ее мать, миссис Перрон, казалось, постарела за одну ночь. Во время визитов они сидели и молча пили чай. Хейли тихо сидела, пока миссис Перрон в халате рассказывала о том, какая хорошая девочка Тиффани.

Хейли просто кивала. Нет, Тиффани не... не была... хорошей девочкой, не совсем. Но это не означало, что она не скучала по ней, потому что она скучала.

Кондиционер в комнате Бекки все-таки умер. Все началось со странного шума, металл о металл, каждые несколько минут, как визжит маленькое животное, чья плоть попала в вентилятор. Хейли лежала в постели в оцепенении, уставившись на стены, когда по дому разнесся леденящий кровь шум, и вентилятор перестал вращаться навсегда.

Бекки и Сикрест теперь валялись в гостиной, где сохранялась прохлада от жужжания большого настенного кондиционера позади них. Старые экземпляры подросткового «Cosmo», «People» и «Glamour», переместились на кофейный столик. По телевизору ревел MTV.

***

Когда в понедельник смена Хейли закончилась, она вышла из двери закусочной и обнаружила Мака, прислонившегося к универсалу.

Ее сердце ускорилося. Это была их первая встреча за два дня. Она решила не звонить ему. И он не потрудился позвонить ей.

Он прикрыл глаза от послеполуденного солнца и неловко улыбнулся. Но Хейли не могла заставить себя улыбнуться в ответ.

Он схватил что-то с капота машины. Розы, заключенные в прозрачную обертку.

— Это для тебя, — сказал он, когда они оказались лицом к лицу. Мак протянул ей розы, выглядя более неловко, чем она когда-либо его видела. Обычно он казался таким уверенным, но сейчас ему было крайне неудобно.

— Спасибо, — пробормотала она и приняла их.

Он вынул сигарету из пачки и посмотрел на нее.

— Послушай, мне очень жаль. Знаю, что это неправильно с моей стороны лгать тебе. Я обычно... обычно не смотрю такие журналы, но иногда мне хочется, понимаешь?

— Нет, не понимаю.

Мак сглотнул и уставился на незажженную сигарету.

— Я парень, Хейл. Нравятся ли мне порядочные женщины? Абсолютно, блин, да. Смотрю ли я время от времени порнографию? Ну, да, смотрю. Я не знаю, хорошо это или плохо, или, может быть, ни то, ни другое, но знаю, что мне не следовало лгать об этом. Наверное, я сказал то, что сказал, потому что думал, что ты захочешь это услышать. Я знаю, что девушкам это не очень нравится. — Он оттолкнул ботинком немного грязи, затем его глаза встретились с ее глазами, и в них блеснуло солнце. Они были спокойны и казались искренними. — Но хочу быть откровенным с тобой обо всем с этого момента и сказать, что это то, на что мне нравится смотреть время от времени.

Он протянул руку и коснулся ее рукой.

— Послушай, я не хочу потерять тебя, Хейл. На свете не так много таких женщин, как ты. Я очень счастливый мужчина, и знаю это. Я больше не подведу тебя, солгав. Клянусь всем сердцем.

***

Хейли снова приснился кошмар. Тот же сон, который преследовал ее последние несколько месяцев. Она думала, что это прошло, но нет.

Много раз она хотела спросить свою мать, насколько ее кошмар соответствовал правде. Сон, который разыгрывался как фильм, созданный ее подсознанием среди обрывков деталей, которые она подслушала о смерти своего отца. Если не точно, то на удивление подробно, начиная с выражений их лиц и заканчивая одеждой, в которой были ее родители в ту ночь.

Ее мать и отец ехали в машине по Куиц-роуд, ветреной дороге на краю Гранд-Треспасса. Ночь была темной, маслянистой.

Раздался резкий стук. Они только что во что-то врезались машиной.

Ее мать поднесла руку ко рту.

«О боже, это был олень?»

Отец спокойно потянулся через переднее сиденье, проверяя, в порядке ли ее мать.

«Ты нормально, Мэри?»

«Да. А ты?»

Он кивнул и открыл дверцу машины.

«Это был олень?» — повторила она.

«Нет... думаю, большая собака».

Она снова прикрыла рот рукой.

«О нет».

Он вышел из машины и позволил дверце закрыться. Она смотрела, как он идет за машиной к глыбе, неподвижно лежащей на дороге. Затем она увидела, как животное

пошевелилось.

«Оно все еще живо», — прошептала она.

Отец опустился на колени рядом с животным, затем встал и снял пальто. И снова опустился на колени.

Она заметила свет из-за деревьев, когда он поднял животное. Выйдя из машины, она окликнула его.

«Кто-то едет!»

Он кивнул и двинулся к обочине дороги. Его плечи подались вперед, баюкая раненое животное на руках.

Мать прикрыла глаза рукой и наблюдала.

Фары быстро свернули из-за поворота.

«Мэри! — позвал он. — Посмотри, есть ли полотенце или что-нибудь в...»

Грузовик прижимался к обочине.

Ее рот широко открылся.

«Шевелись, папочка! Двигайся!!! — кричала Хейли во сне. — Убирайся с дороги!» — Но, конечно, он ее не слышал. Это был просто кошмар.

Грузовик выскочил из-за угла, затем раздался тошнотворный визг тормозов. Но было уже слишком поздно. Грузовик врезался в ее отца, а затем в дерево позади него.

Ее мать закричала, стоя всего в паре ярдов. Она подбежала к мужу. Но он был прижат к платану, мертвый.

Тайлер, светловолосый местный житель, которого семья Ландри знала с рождения и в которого Хейли когда-то была влюблена, открыл свою дверь и вывалился из грузовика. Он сделал несколько неуверенных шагов к дереву, согнутый и несчастный.

— Ты в порядке, Хейл? — прошептал кто-то. Мак.

Она медленно открыла глаза. Слой пота образовался на ее коже и скопился в расщелине между грудей. Была ночь, и она в своей постели с Маком.

— Да, я в порядке, — прошептала она, хотя это было не так. — Спи.

Она придвинулась ближе к нему и прижалась всем телом, пока ее сердце не успокоилось. Его кожа всегда была теплой и мягкой, стабильной и надежной. И от него сильно пахло мылом и пивом. Она всегда находила это сочетание сексуальным и успокаивающим.

Хотя Хейли сказала ему, что простила за ложь, сегодня вечером она не чувствовала себя особенно спокойной. Или в безопасности, если уж на то пошло. Как будто эта ложь стала для нее более значимой, чем должна быть. Как будто это каким-то образом изменило динамику их отношений.

Она смотрела на его обнаженную спину, пока он не захрапел.

Пару минут спустя она встала. Она собиралась разбудить свою мать. Им двоим нужно поговорить.

***

Но Хейли не пришлось будить мать. Потому что она не спала. И она не просто валялась в своей старой ночной рубашке, как постоянно делала после аварии.

Когда Хейли вошла, глаза ее матери сияли, и она была очень бодра. Помимо всего прочего она курила сигарету.

На ней были джинсы, мягкая футболка, и она сидела на кровати в индийском стиле с

пепельницей и фотографиями, разбросанными вокруг нее. Под запахом сигаретного дыма чувствовался аромат духов. Она даже накрасила глаза и губы.

Хейли моргнула, гадая, не снится ли ей это.

— Мама? — спросила она недоверчиво.

Ее мать отвернулась от фотографий и посмотрела на Хейли.

— Привет, детка. — Мышцы на ее лице дрогнули. Затем она похлопала по кровати. — Иди посиди здесь со мной. Твоей маме нужно кое-что тебе сказать.

Глава 33

Хейли сидела на краю кровати и смотрела, как ее мать делает длинные затяжки, куря сигарету. Через мгновение женщина положила ее в пепельницу и выдохнула.

— Никогда раньше не видела, чтобы ты курила.

Мама улыбнулась, и Хейли заметила, что она наконец почистила зубы.

— *C'est la vie*, детка, — сказала она. Такова жизнь. — Ты не живешь вечно, понимаешь, Хейл?

Ригли спрыгнула с кровати и подошла к миске с водой. Полакала немного, затем, вздохнув, легла на пол рядом с дверью, уставившись на Хейли.

Хейли снова обратила свое внимание на мать.

— Ты одета.

— Да, детка. Думаешь, я хорошо выгляжу?

Хейли кивнула и улыбнулась.

— Теперь ты в порядке?

— Да, детка. С твоей мамой все в порядке, как давно не было, поэтому мне нужно тебе кое-что сказать, дорогая. Что-то прекрасное.

Хейли ждала, с ее плеч свалился огромный груз. Она улыбалась как внутри, так и снаружи. Это был первый раз, когда она могла вспомнить, чтобы чувствовала себя так спокойно после несчастного случая.

— Помнишь, когда умерла Нана? Каким умиротворенным было ее лицо, когда мы нашли ее на кухонном полу? — спросила ее мать. — Как будто она была готова уйти? Помнишь это Хейли? Ты ведь видела лицо Наны?

Хейли кивнула. Смерть с нетерпением ждала бабушку, но это была правда. Она выглядела умиротворенной, когда ушла.

— Но твой папа, дорогая, да благословит Господь его душу. Нет, он совсем не выглядел умиротворенным. Он был измучен, детка, прижат к тому большому дереву... — Ее слова затихли. Взяв руки Хейли в свои, она изучающе посмотрела на нее. — Можно мне поговорить об этом с тобой? Я не хочу тебя расстраивать.

— Все в порядке, — пробормотала Хейли, улыбка исчезла. С кем еще могла поговорить ее мать?

Женщина зажмурилась и отпустила руки Хейли. Она взяла сигарету и затянулась. Выдохнув дым, она посмотрела на нее.

— Хейл, детка, я не могу выбросить из головы его лицо, каким оно было в ночь смерти. Каждый час, когда я бодрствую, я вижу лицо твоего папы. И всю ту ужасную боль, которую он испытал.

Сердце Хейли забилося так сильно, что ей показалось, что оно может остановиться, когда она снова представила своего отца в этот момент.

Глаза женщины заблестели, она протянула руку и снова взяла ее за руки. Крепко сжала их.

— Но он в порядке, Хейл. Он сейчас с нами, и с ним все в порядке. — В ее карих глазах плясали искорки, как у ребенка. — Я видела твоего папу, детка. Он сидел прямо там, — сказала она, похлопывая по одеялу рядом с тем местом, где сидела Хейли. — Примерно там, где ты сидишь. Он вернулся, чтобы сообщить нам, что у него все хорошо. Ему больше не больно.

Глава 34

В среду вечером он поставил коробку с крекерами и буханку хлеба в шкафчик над плитой, затем открыл холодильник и наполнил его мясными деликатесами, фруктами и приправами. Распаковывая остальные продукты, он попытался вспомнить маленькое личико Тиффани, но расплывчатое воспоминание сейчас мало что ему дало.

Но он сохранил кое-что, что напоминало о ней и успокаивало его, когда злился на Элли и весь остальной мир. Он спрятал его рядом с пакетом для сэндвичей, набитым волосами, которые он взял из комнаты Келси Андерсон в ту ночь, когда чуть не попался, когда прекрасная Рейчел Андерсон открыла дверь слишком быстро.

У него не было времени ни на что, кроме как забраться под кровать, и ему очень повезло в этом. Она стояла в дверях, казалось, целую вечность, прежде чем шагнуть вперед, а затем улеглась в кровать девушки. Она плакала некоторое время, тихие всхлипы разрывали ему сердце. Но затем послышались звуки ее спокойного дыхания. Рейчел заснула, ожидая свою непослушную дочь.

Он подумал обо всех спорах, которые подслушал на следующее утро, когда Келси снова залезла в окно. Все те обидные слова, которые Келси Андерсон выкрикивала. Угрозы, которые прекрасная мать обещала в ответ девочке.

Ему пришлось пролежать под этой кроватью несколько часов, пока не захлопнулась последняя дверь и все не ушли. И даже тогда, он боялся, что его увидят убегающим из дома.

Теперь он положил пакет на стойку для Элли. Немного никотиновой жвачки. Небольшое предложение мира за то, что накричал на нее в прошлые выходные. Он ненавидел кричать на нее. Она тоже ничего не могла поделать с тем, кем была.

Разорвав пакет с кошачьим кормом, насыпал немного в миску, а затем вышел на переднее крыльцо и поставил его на гниющее дерево.

— Вот, киса-киса, — проворковал он. — Кис-кис? — Мгновение спустя на краю крыльца сверкнула желтым пара глаз. Облезлое животное медленно пробралось к ступенькам крыльца, затем остановилось, не зная, доверять ему или нет.

Он посмотрел в глаза бездомному коту, зная, что тот тоже сирота. Почувствовав укол сочувствия к нему, он вернулся внутрь и смотрел, как кот спешит к миске.

В ту ночь он спал почти спокойно, свернув шерстяное одеяло в сарае, укрывшись одной из тонких простыней девочки Андерсон, а золотое ожерелье Тиффани лежало у него на ладони.

Глава 35

Доктор Бруссард, семейный врач Ландри, сидел в кресле в гостиной с выцветшей рыбацкой шляпой в пятнистых от солнца руках.

— Она клянется всем и вся, что это твой папа, дорогая. И сейчас она безусловно выглядит лучше, чем за последний год. — Он провел рукой по серой щетине на щеках и подбородке. — Я не думаю, что вам, девочки, есть о чем беспокоиться.

— Но ее снотворное может вызывать галлюцинации, — настаивала Хейли. — Она даже не верит в привидения.

Пожилой мужчина приподнял бровь.

— Может быть, она никогда не видела мертвых до твоего папочки, дорогая. Знаешь, в этих краях не редкость, когда люди видят мертвых.

Хейли подумала о Нане и ее многочисленных рассказах о ранних каджунах, фермерах и охотниках, которые жили за счет земли в Новой Шотландии. Она часто рассказывала об этнических чистках, которым они подверглись со стороны британцев, о том, как у них отняли землю, как их разлучили с семьями.

Нана верила, что каджуны начали видеть много призраков после того, как жили и умерли во время великого помешательства, и что их призраки следовали за ними, когда они нашли свой путь в Луизиану. Нана даже утверждала, что видела мертвых, когда сидела в кресле-качалке на заднем крыльце дома Ландри, лицом к темной протоке. Но мать Хейли никогда в это не верила. Она всегда говорила, что Нана рассказывала эти истории только потому, что старела.

— Как вы думаете, она не захочет покончить с собой?

— Дорогая, твоя мама переживает трудные времена. Неужели, она уйдет и оставит своих детей одних? — Он покачал головой. — Нет. Нет, я так не думаю. На самом деле, мне кажется, ей становится намного лучше.

— Поможет ли антидепрессант? — спросила Хейли, задаваясь вопросом, действительно ли таблетка может погрузить разум в спокойное отрицание и, возможно, помочь ее матери.

Мужчина покачал головой.

— Твоя мама не хочет связываться ни с какими чертовыми антидепрессантами. Она будет горевать о своей утрате, как и должна. Для ума не всегда плохо чувствовать некоторую боль. И в случае с твоей мамой это совершенно нормально. Ты же знаешь, она потеряла любовь всей своей жизни.

Бруссард встал и нахлобучил на голову свою рыбацкую шляпу.

— Я вернусь завтра после рабочего дня, чтобы проведать ее. И знаешь я рекомендую тебе провести некоторое время за пределами этих стен, дорогая. Смерть — печальная часть жизни, но она все еще имеет свое место. Постарайся не позволить смерти твоего папочки так сильно поглотить тебя. Пусть твоя мама поправится сама по себе. Ее траур закончится, когда она будет готова.

Наблюдая за отъездом доктора Бруссарда, Хейли гадала, прав ли он. В конце концов, ее мать, казалось, делала успехи, хотя и медленно. Ну и что с того, что она думала, что видит призрак своего мужа. Если это то, что ей потребовалось, чтобы поправиться, то это не так уж плохо... или нет?

Глава 36

«Одна ложь обязательно порождает другую. Правда?» — Вот о чем спрашивала себя Хейли, садясь в грузовик Мака. Этот вопрос она задавала себе уже несколько дней. Ради всего святого, это был Мак. Мак. Он никогда намеренно не сделал бы ничего, что причинило бы ей боль. Никто не был идеален. Черт возьми, она сама была далека от этого.

Мак всегда хорошо относился к ней, и их отношения были непохожи на большинство других. Это было на самом деле хорошо, бескорыстно и полезно для здоровья. Конечно, не такие страстные, как у ее родителей, но все же они с Маком занимались сексом. Почти сказочные отношения, о которых она мечтала сама, когда была маленькой девочкой. Но кое-что, она теперь понимала, было далеко от реальности.

Ее родители были женаты почти двадцать лет, но никогда не переставали вести себя как молодожены. Вы могли видеть степень их любви в том, как они смотрели друг на друга, как они относились друг к другу, как они прикасались. У них был такой тип связи, который вы могли почувствовать, находясь с ними в одной комнате. И хотя Мак не смотрел на нее так, как ее отец всегда смотрел на ее мать, он был очень добр к ней. И им было комфортно вместе.

Хотя она часто грезилась об Остине, это было всего лишь виноватое удовольствие. Мак был ее мужчиной. Он был единственным, кто любил и хотел ее.

Когда Мак дал задний ход грузовику, ей удалось слабо улыбнуться.

— Ты улыбаешься, — удивленно сказал Мак.

Хейли устроилась на своем месте и протянула руку, чтобы коснуться его шеи.

— Что плохого в том, чтобы улыбаться?

Он посмотрел на нее.

— Я не знаю, — сказал он, медленно выговаривая каждое слово, как будто что-то подозревал. — Думаю, просто давно не видел, как ты улыбаешься. Но это мило. Это действительно мило.

Он включил передачу, и они направились к Главной улице, к киоску с мороженым. Мак взял выходной на работе, чтобы провести с ней время, чего он никогда не делал, и у них был целый день, чтобы побыть вместе. Они так давно этого по-настоящему не делали.

— После мороженого, куда ты хочешь пойти? Выбирай. Мы можем съездить в Лафайет и сходить в кино. Или мы можем отправиться на рыбалку? Все, что захочешь. Сегодня возможно все.

— М-м-м-м. Давай посмотрим фильм. Мы не делали этого целую вечность.

— Тогда в кино, — сказал Мак, глядя на дорогу перед ними.

Хейли потянулась за своей сумочкой. Она расстегнула ее и выудила свои водительские права. Они понадобятся, чтобы попасть на фильм с рейтингом 18+. Она случайно повернула сумочку под углом, и из нее вывалилась какая-то мелочь, исчезнув в тесном пространстве между пассажирским сиденьем и переключателем передач.

— Черт, — пробормотала она.

Грузовик замедлил ход, и Мак выключил зажигание.

— Оставайся здесь, — сказал он и выскочил из машины. Хейли просунула руку в пространство, чтобы забрать мелочь, и ее пальцы коснулись чего-то гладкого. Она схватила это как раз в тот момент, когда Мак открыл для нее пассажирскую дверь.

У нее перехватило дыхание. Это была жестянка из-под конфет.

— Позвольте, мисс Ландри? — проговорил Мак. Он пытался помочь ей выбраться из грузовика.

Хейли изучала маленькую розовую коробочку, в которой Тиффани хранила мятные леденцы. Чаще, конечно, марихуану. Она перевернула ее и увидела знакомую монограмму ТП. Тиффани Перрон.

Она попыталась вспомнить, бывала ли Тиффани когда-нибудь в грузовике Мака, и не смогла.

— Что у тебя там? — спросил Мак.

Она посмотрела на него снизу-вверх.

— Это принадлежит Тиффани. Я нашла ее между сиденьями.

На мгновение Мак выглядел таким же растерянным, как и чувствовала себя Хейли.

— Ой. Должно быть, она ее уронила.

— Когда она была в твоём грузовике?

Мак потер щетину на подбородке.

— Несколько недель назад. Я подвозил ее. Она шла по Главной улице. Сказала что-то о том, что Чарльз высадил ее у Люка, и у нее нет машины, чтобы добраться домой.

Мысли проносились у Хейли в голове. Некоторые устанавливали связи, которые имели смысл. Некоторые нет. Но они висели в густом тумане, и она не могла разобрать ни одной из них.

Мак прищурился.

— Ты в порядке, детка?

— Да, — солгала она.

Он ухмыльнулся.

— Тогда давай купим нам несколько порции мороженого.

Глава 37

Было одиннадцать часов вечера пятницы, а Том все еще не вернулся домой. Дети лежали в кроватках. По крайней мере, она так думала. «Как можно быть уверенной в эти дни, — подумала Рейчел, — особенно с Келси».

Она отбросила книгу, которую пыталась прочитать, накинула халат и пошла по коридору в комнату дочери. Открыла дверь спальни и подождала, пока глаза привыкнут. Когда они это сделали, Рейчел увидела, что Келси там нет. Гнев закипел в ней, и она вспомнила прошлое воскресенье, когда еноты опрокинули мусорную корзину на заднем дворе, создав тот ужасный шум.

Она проснулась в панике и бросилась в комнату Келси. В животе у нее была тяжесть, Рейчел чувствовала что-то ужасное, ужасно неправильное. Добравшись до спальни, она обнаружила, что Келси выскользнула из окна.

Это была первая ночь, когда она вошла в комнату Келси и не обнаружила ее там, ее кровать оказалась пуста, одеяло едва сдвинуто.

На следующее утро они выясняли отношения, обе орали во всю глотку. Келси сказала, что ненавидит ее.

Ненавидит.

И что она ужасная мать.

Ужасная.

Слова дочери мучили ее.

Как и в ту ночь, Рейчел забралась в постель дочери и стала ждать ее возвращения. Лежа на мягком постельном белье, она вспоминала то время, когда они с Келси были лучшими подругами.

Случилось ли с ними что-нибудь, кроме ее полового созревания? Или она своими действиями как-то оттолкнула ее? Она хотела быть ближе к своей дочери. Она хотела, чтобы Келси доверяла ей, любила ее, нуждалась в ней, но Рейчел понимала, что частично сама виновата в новом отношении Келси. Она должна была быть в первую очередь матерью, а во вторую — женой, но уже несколько месяцев она резко поменяла свои приоритеты.

В комнате потемнело. Рейчел приподнялась на кровати, осознав, что кто-то стоит перед окном, загораживая лунный свет. Это Келси. Она вернулась домой.

Ее мысли металась, пока она пыталась понять, как лучше всего справиться с этим. Должна ли она снова разозлиться? Или она могла бы быть спокойной со своей дочерью и просто еще раз объяснить, как опасно ускользать ночью?

Рейчел села прямо на краю кровати и разгладила ладонями шелковую ночную рубашку. Затем сделала несколько долгих, глубоких вдохов. Было ли сейчас подходящее время сказать ей, что она сожалеет о том, что не была эмоционально доступна? Да, именно это она и сделает. Она будет спокойна. Келси была бы признательна за это, и они двое начали бы возрождать свои отношения.

В комнате снова стало светлее.

Куда направлялась Келси? Неужели она почувствовала, что мать находится в комнате, внутри, и сбежала?

Рейчел поспешила к окну, оказавшись там как раз вовремя, чтобы увидеть фигуру, ускользающую в лес. Фигура слишком большая и высокая, чтобы принадлежать ее дочери.

Глава 38

Вентилятор громко гудел в окне гостиной, но почти не охлаждал маленький дом Ландри. Гостиная была самой прохладной комнатой на сегодняшний день, и в ней собирались все, нравились они друг другу или нет — и, насколько Эрика могла судить, скорее нет.

Было восемь часов вечера, и термометр все еще показывал больше двадцати семи градусов тепла, хотя по ощущениям казалось, что все тридцать семь. Хейли готовила на кухне этоуфф из раков, ее каштановые волосы до плеч были собраны в хвост, а поверх сарафана был надет фартук. Саша, только что проснувшийся после позднего сна, сидел за стойкой, покрасневшийся, одна из его ноздрей была покрыта коркой соплей.

Бекки и Сикрест расположились по соседству в гостиной. Сикрест лежала на большом диване, а Бекки устроилась на диване поменьше. Они смотрели сериал «Обратный отсчет» по кабельному.

Эрика неподвижно сидела в кресле и писала. Это был третий раз, когда Хейли пригласила ее, и только во второй раз Эрика действительно пришла. С тех пор как приехала

час назад, она в основном держалась особняком. Но было что-то довольное хорошее в том, чтобы просто находиться у Ландри. Хоть сейчас они и проживали непростые времена, но все равно можно было ощутить, каково это — быть частью семьи. Настоящей семьи.

Она делала пометки, краем глаза наблюдая за двумя младшими девочками. В основном за Сикрест, той, кто была ближе всех. Девушка лежала, накручивая свои длинные темные волосы на палец, ее полные губы были сжаты, как будто она готова что-то сказать. Время от времени она ерзала на диване, двигая плечом взад-вперед, и вздыхала. На другом диване, ссутулившись, сидела Бекки, вздернув подбородок и сжав губы, бесстрастно уставившись в телевизор.

Когда она только приехала, Эрика подслушала их разговор на крыльце. Сикрест рассказывала Бекки о парне, которому она сделала минет, и восхищение Бекки подружкой казалось более чем очевидным.

Хейли намочила салфетку в кухонной раковине, затем протянула руку, чтобы вытереть грязный нос Саши. Маленький мальчик застонал и покачал головой из стороны в сторону, сопротивляясь. Карандаш, которым он рисовал, выпал из его руки, и он закричал, заливаясь слезами.

Эрика сделала большой глоток коктейля «Джек Дэниелс» с колой, который ей приготовила Хейли, затем снова сосредоточилась на своих заметках. Она была рада оказаться подальше от своего дома, подальше от Памелы и ее бессмысленной чепухи. Эта женщина стала постоянным, нежеланным элементом, всегда приставала к ней с вопросами и трогательно пыталась стать ее подружкой.

Снаружи на небольшой протоке ухали совы, ожидая своей ночной охоты. Отец Эрики однажды сказал, что многие из старших каджунов верили, что совы — это старые души, и что суеверные люди думали, что, когда вы слышите их ночью, следует встать с постели и перевернуть левый ботинок вверх дном, чтобы предотвратить несчастье. Ее отец был родом из Луизианы. Конечно, он поверил бы в такой невежественный фольклор. Эрика, как и ее мать, никогда в жизни не переворачивала обувь вверх дном. И она никогда этого не сделает.

Дверь спальни миссис Ландри открылась, и она вышла, шаркая ногами, неся серебряную собачью миску. Ее одежда была небрежно подобрана, и на ней была только одна сандалия. С затуманенными глазами женщина рассматривала их всех по очереди. Бекки, Сикрест, Сашу, Хейли, а затем Эрику. Саша в шоке сидел за стойкой, как будто в комнату только что вошел мертвец, с широко открытым ртом.

— Привет, маленькое сокровище, — проговорила она.

Саша молчал, карандаш, из-за которого он плакал, был забыт. Миссис Ландри пересекла гостиную и направилась на кухню, проходя мимо и поглаживая маленького мальчика по голове. Она наполнила миску водой и медленно направилась обратно в гостиную.

Старая, немощная собака вышла из ее спальни, громко постукивая когтями по деревянному полу. Она вытянула свое длинное тело, и несколько ее суставов хрустнули. Она посмотрела на Эрику почти мертвыми глазами.

— Привет, миссис Ландри. Вы все еще болеете? — спросил Саша, наконец обретя дар речи. Его глаза за толстыми стеклами очков походили на жучков.

Миссис Ландри улыбнулась мальчику, но ничего не сказала.

— Мама, это Эрика, — произнесла Хейли, входя в гостиную и указывая туда, где сидела Эрика.

— Привет, — сказала женщина, даже не глядя ей в глаза. Затем она направилась к

сетчатой двери и поставила миску с водой на крыльцо.

— Хочешь что-нибудь поесть, мама? Я делаю этоуффи. — сказала Хейли. — Я собиралась отнести немного для тебя, когда все будет готово.

Женщина покачала головой.

— Нет, спасибо, детка.

Миссис Ландри открыла дверь шире и вышла. Старая собака последовала за ней. Затем хлопнула сетчатая дверь, и миссис Ландри ушла.

Эрика встала и подошла к кухонной стойке.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросила она.

Лицо Хейли было осунувшимся, в глазах стояли слезы.

— Я... не совсем уверена.

***

Позже, тем же вечером после того, как девочки закончили ужин, Хейли позвонили с розыгрышем.

Эрика сидела за кухонной стойкой рядом с ней, разливая напитки. Это был уже третий стакан, для каждой из них в тот вечер. Она стащила бутылку виски из личного тайника своего отца в задней части кухонной кладовки и отдала ее Хейли, когда пришла в гости.

С тех пор как познакомился с Памелой, ее отец превратился в любителя вина, поэтому Эрика знала, что он не заметит, что бутылка исчезла, пока Памела не пропадет надолго, что, к сожалению, вряд ли произойдет в ближайшее время.

— Алло? Вы меня слышите? — спросила Хейли. — Кто это?

— Еще один телефонный розыгрыш? — Бекки спросила со своего места на диване, как только Хейли повесила трубку. — Это уже третий за сегодняшний день!

— На вашем месте я бы наложила в штаны, — проговорила Сикрест.

Хейли повесила телефон.

— Просто кто-то дышит в трубку, — тихо сказала она, ее глаза остекленели. Эрика еще раньше заметила, что Хейли требовалось выпить совсем немного, чтобы опьянеть. Но, несмотря на это, она всегда продолжала пить дальше. Эрика знала, что именно она познакомила Хейли с алкоголем, и теперь задавалась вопросом, хорошо она поступила или плохо. Размышляя об этом наблюдении, она нацарапала что-то в своем блокноте.

Бекки выпрямилась на диване.

— Это меня пугает. Знаешь, это может быть тот парень, который похитил Тиффани. И он продолжает звонить нам.

— Да, это может быть убийца, — заявила Сикрест, садясь напротив Бекки. — Он может преследовать вас. Святое дерьмо, он может наблюдать за домом прямо сейчас!

— Убийца? — Саша ахнул, и синий карандаш вывалился из его руки на пол.

— Она просто шутит, детка, — пробормотала Хейли и бросила на Сикрест злобный взгляд.

Лицо Хейли слегка позеленело.

Саша слез со стула у стойки, пробежал в гостиную и встал перед Бекки. Он скривил свое круглое лицо.

— На что ты смотришь? — спросила Бекки.

— Угадай! — взвизгнул он.

— Нет, Саша. Я не собираюсь угадывать.

Саша придвинулся немного ближе.

— Отойди подальше от моего лица, черт возьми, — огрызнулась Бекки. — Почему ты так на меня смотришь!

— Почему у тебя такое лицо, в полоску? — потребовал Саша.

Эрика посмотрела через комнату на Бекки. Прищурившись, она смогла разглядеть оранжевые полосы на щеках и шее ссутулившейся девушки, даже на ее руках.

— Иди раскрашивай свою дурацкую книгу, Саша, — выплюнула Бекки.

Сикрест хихикнула со своего места на диване.

— Это лосьон для загара, вышедший из-под контроля. Она нанесла его совсем недавно. И вообще, зачем ты намазала себя этим дешевым лосьоном для загара, идиотка? Я же говорила тебе не делать этого.

Бекки схватила пакет чипсов с кофейного столика. И сунула одну картофелину в рот.

— У тебя красивая кожа, Бекки, — сказала Хейли, запинаясь на словах. — Ты не должна... с этим связываться.

— Мне нравится твое лицо в полоску, — сказал Саша, его лицо было серьезным. Он сделал шаг ближе к Бекки и вытянул указательный палец. — Это чтобы играть в охотников?

Бекки проигнорировала его.

— Как ты можешь говорить, что оно красиво? Оно такое бледное, — захныкала она.

— Бледное лицо может быть красивым, — сказала Эрика. — У моей матери бледная кожа, и она самый красивый человек, которого я когда-либо видела.

Бекки посмотрела на нее, не зная, что сказать.

— Я думаю, ей не помешает больше цвета, — проговорила Сикрест. — Не оранжевого конечно. Но что-нибудь потемнее. Может быть, воспользоваться косметикой. Вроде тонального крема. Чтобы скрыть все ее веснушки.

— Ничего плохого в том... Бекки бледная, — невнятно пробормотала Хейли. — И я не хочу больше никогда слышать, как ты называешь мою сестру идиоткой. Ясно?

Сикрест пожала плечами.

— Сейчас ее кожа не выглядит здоровой. И я только пошутила, когда назвал ее идиоткой. Ты ведь это знаешь, верно, Бекки?

Бекки кивнула, но выглядела неуверенной.

Эрика изучала Сикрест. В глазах девушки было что-то такое, что ее беспокоило. Не только ее грубость, или тот факт, что она казалась хулиганкой, или то, как надменно она себя вела, или даже гнев, который, как Эрика могла сказать, девушка держала внутри. Было что-то еще.

— Я серьезно, Сикрест, — повторила Хейли. — Шутишь ты или нет. Не обзывай ее.

— Не обзывайся! — подхватил Саша, теперь его палец был направлен на Сикрест. Он хихикнул, подумав, что слова Хейли были веселыми.

Сикрест приподняла бровь.

— Как скажешь.

Она полезла в сумочку, вытащила пачку сигарет и зажигалку, затем встала и потянулась. Ее серо-розовые шорты с низкой посадкой, на которых жирными красными буквами было написано «Ангел», низко опускались на бедрах, обнажая длинный оливковый торс и серебряное кольцо на животе. Девушка подошла к двери и шагнула в липкий вечерний воздух.

— Ты ненавидишь ее? — спросила Бекки сестру, когда Сикрест ушла.

— Да, — сказала Хейли. — И я не понимаю, почему ты терпишь... — Она громко икнула. — Миришься с ней. Она злая.

— Да, — тихо согласилась Бекки. — Иногда она мне тоже не нравится. Сначала она казалась действительно классной, но я думаю, что она много врет.

— Тогда зачем ты тратишь на нее свое время? — спросила Хейли.

Бекки пожалала плечами.

— У меня нет других друзей.

***

Эрика вышла на улицу и обнаружила Сикрест, сидящей, скрестив ноги, в одном из двух кресел-качалок на маленьком крыльце. Она затянулась сигаретой, и огонь на кончике засветился в темноте.

Сел в кресло рядом с ней, Эрика молча закурила. Она медленно раскачивалась взад и вперед, пока затягивалась, теплый ветерок обдувал ее обнаженные плечи. Она подумала о том, как ее мать обычно сидела на их собственном крыльце и качалась лицом к воде. В те ночи, когда она заставляла ее безудержно рыдающей.

Эрика посмотрела на протоку и подумала о грязи на дне, о том грязном месиве, которое, как ей иногда снилось, съедало ее.

Цапля взлетела с орехового дерева над домом, ее крылья громко хлопали над протокой. Она быстро исчезла в тени поросших мхом кипарисов.

Что за девушка эта Сикрест?

«Если бы я была настоящей писательницей, — сказала она себе, — я бы выяснила».

Эрика решила расспросить Сикрест. Нет места для застенчивости или дискомфорта, когда ваше счастье полностью зависело от вашего успеха как писателя. Ей придется смириться с этим и поговорить с людьми, даже если некоторые из них были паразитами.

Положив сигарету поверх пустой банки из-под пепси, она зажала стакан с виски в руках.

— Ну и, где ты живешь?

Девушка долго молчала.

— Уэстон, — ответила она наконец.

Эрика кивнула.

— Сикрест — не настоящее имя. Какое-то странное.

— Разве? Ну, если бы ты знала меня, наверное, сказала бы, что оно уместно.

Эрика продолжала раскачиваться, размышляя, о чем еще спросить. Саша плакал внутри дома, возмущаясь, что ему не разрешают выходить на улицу. Бекки кричала ему, чтобы он замолчал.

— Твоя мать привезла тебя сюда?

Сикрест покачала головой.

— Я обычно беру свой велосипед. Иногда ловлю попутку.

— Твоя мама не возражает, что ты путешествуешь автостопом?

— Она не знает. Она всегда работает.

— Ну и зачем ты проделала весь этот путь сюда?

— В Уэстоне никого нет, — сказала Сикрест, стряхивая пепел в банку. — Это место — город-призрак.

Эрика много раз проходила через Уэстон, но она никогда не останавливалась. У нее не

имелось для этого никаких причин. Это был город, мало чем отличающийся от Гранд-Треспасса. Ты моргаешь на секунду дольше, чем нужно, и все отличия исчезают.

Несколько месяцев назад ее отец встречался с женщиной, которая жила в Уэстоне. Перл. Эрика съежилась при одной мысли о ней. Ее пышные волосы, слишком яркий макияж, вонючие духи из магазина «все по доллару», которыми она пользовалась. Однажды она услышала, как Перл говорила ее отцу, что Уэстон — это просто тупик, никуда не годное болото, и она хотела из него сбежать. Чего Перл не понимала, так это того, что Гранд-Треспасс ничем не отличался. Кого волновало, что он был на милю ближе к цивилизации? Миля — это ничто. Казалось, все хотели выбраться, но вряд ли у кого-то получится. Эрика планировала стать исключением.

— Чем занимается твоя мать? — спросила Эрика.

— Продает косметику Эйвон.

Эйвон. Значит, она была одной из тех женщин. Громких, напористых, всегда пытающихся продать тебе то, в чем ты не нуждался.

— Твой отец?

— Продавец.

— У тебя есть братья или сестры?

Сикрест покачала головой.

— Они счастливы вместе?

— Кто? — спросила Сикрест и затушила сигарету.

— Твои родители.

Глаза Сикрест сияли в ночи.

— Почему ты задаешь мне все эти вопросы? Разве не видишь, что я пытаюсь расслабиться?

Сикрест чем-то напоминала Эрике ее саму. Гнев. Сарказм. Нежелание быть стэпфордским эквивалентом всех остальных.

— Тебе ведь трудно быть милой с людьми? — сказала Эрика.

— Нет.

— Думаешь, было приятно заставить Бекки чувствовать себя плохо сегодня вечером? Смущать ее? Сказать ей и Хейли, что кто-то может следить за их домом?

Сикрест посмотрела на Эрику, ее глаза превратились в щелочки.

— Я говорила Бекки правду. Я не говорю то, что, от меня, хотят услышать другие люди. Мне кажется, она бледна. Так какого хрена? И если мне покажется, что она бледна, я ей скажу.

Она сбросила сандалии и встала.

— И какой-то псих продолжает звонить в этот дом и вешать трубку. Я думаю, что это может быть убийца. Бекки тоже так думает, просто она слишком боится это сказать. Эта девчонка, черт возьми, слишком всего боится.

Она неторопливо спустилась по бетонным ступеням на пирс.

Эрика встала так, чтобы видеть Сикрест поверх высоких кустов. Когда девушка добралась до гниющего дерева пирса, она остановилась и сняла футболку и шорты. Затем, не боясь аллигаторов и щитомордников, которые заполонили темную воду, она нырнула.

Глава 39

Была полночь, и Мак только что появился.

— Господи. Ты попадаешь в ловушку, Хейл, — сказал он, когда понял, что она пьяна. —

В ту же чертову ловушку угодил почти каждый в этом городе. Ты слишком умна для этого. Становясь слишком зависимой от этого дерьма, очень сложно вернуться назад.

— Вернуться к чему? — саркастически спросила она. Хейли всплеснула руками в воздухе. — Ох, ты имеешь в виду это? Моя о, такая счастливая реальность? Мой отец мертв, мой лучшая подруга... гм, вероятно, мертва... моя мать сходит с ума... и я только что узнала, что мой надежный парень, моя опора, на которого, как чувствовала, я всегда могла положиться и который никогда бы мне не солгал... — Она остановилась, чтобы перевести дыхание. Когда она снова заговорила, ее голос был едва слышным шепотом. — В любом случае, я не знаю, слишком ли меня сейчас волнует жизнь в реальности.

Хейли слышала слова, которые она сказала, но она не собиралась произносить их все. Мак уже извинился, и она приняла извинения. Но незнакомый гнев нарастал в ней, как снежный ком. Гнев был настолько сильным, что вытеснил боль и печаль, и ей захотелось его выплеснуть.

Мак уставился на нее.

— Пара стаканов приносят мне немного покоя, — тихо проговорила Хейли. — Иногда я просто не могу больше чувствовать боль.

— Ты чувствуешь ее, несмотря ни на что. Черт возьми, ты должна ее чувствовать, чтобы пережить. Кроме того, это не ты сейчас говоришь, Хейл. Я не знаю, кто это.

Ранее вечером она вспомнила свой разговор с Тиффани в «Провосте» перед тем, как та исчезла. Ее подруга сказала, что она в кого-то влюблена.

Хейли знала пристрастия Тиффани. Недоступный мужчина. И она знала, как флиртует ее подруга. Она также знала, что Тиффани нравится, когда кого-то трудно заполучить. Пока она думала об этом, ее поразила мысль... болезненная.

Могла ли Тиффани в какой-то момент сделать аванс Маку? Могло ли в их отношениях быть что-то большее, о чем она знала? Не поэтому ли ему было так неловко говорить о ней с тех пор, как она исчезла?

Может быть, то, что она говорила в «Провосте», было ее способом поговорить о Маке, на самом деле, не говоря о нем. Тиффани никогда не умела хранить секреты. Она всегда рассказывала Хейли все, даже то, что ей хотелось бы никогда не слышать. Может быть, она почувствовала желание поделиться и просто собиралась оставить тот факт, что это был Мак, вне уравнения? Конечно, все это звучало надуманно и нелепо, но одна ложь Мака открыла ящик Пандоры. И кроме того, Хейли была пьяна и знала это.

— Ты когда-нибудь флиртовал с ней?

— Что? Флиртовал с кем?

— С Тиффани.

— Ради всего святого, почему ты спрашиваешь меня об этом?

— А почему нет? Она великолепна. Любого парня она бы привлекла. Она моя лучшая подруга, и я люблю ее, но знаю, кто она и на что способна.

Мак уставился на нее.

— Я никогда не флиртовал с ней, потому что ты моя девушка. Кроме того, от нее одни неприятности. Это видно за милю. Послушай, я же сказал тебе, что только ее подвез. Мне не нравится, к чему все идет, Хейли. Ты говоришь так, словно не доверяешь мне.

Ей вспомнилась обложка порнографического журнала, и она рассмеялась. Но это вышло злее, чем она предполагала.

На шее Мака запульсировала вена. Он был зол.

Но в своем пьяном состоянии ей было все равно. Хейли подумала, что это справедливо заставить его почувствовать ту же боль, что и она.

— Итак, ты говоришь мне, что я должна доверять тебе? — вырвавшиеся слова прозвучали насмешливо.

На его лице было странное выражение, с которым она не была знакома.

— Ты хочешь, чтобы я ушел? Потому что, если это так, просто скажи.

У нее болела голова. Она потеряла виски.

— Я... не знаю, чего я хочу. Я ничего не знаю в эти дни.

— Что это значит? Ты говоришь, что не уверена, что хочешь быть со мной?

— Я не знаю.

— Господи, ты не знаешь?

В комнате на некоторое время воцарилась тишина. Хейли была уверена, что Мак ждал, что она скажет что-нибудь противоположное. Чтобы все вернуть назад. Но она этого не сделала. Часть ее хотела этого, потому что знала, что находится не в лучшем состоянии духа, но другая часть — та, которая победила... не могла.

Когда он нарушил молчание, в его глазах сверкала ярость.

— Хорошо, я не собираюсь умолять тебя быть моей девушкой, если ты этого не хочешь. Просто дай мне знать, если и когда передумаешь.

И прежде чем она смогла полностью осознать все, что только что произошло, он ушел.

Глава 40

Рейчел устала от неожиданных визитов детектива Гитро и его бесконечной череды вопросов. Прошло три недели с момента исчезновения Тиффани, а он все еще интересовался ею. Почему? Что говорили ему люди в городе?

Когда он ответил на ее звонок поздно вечером в пятницу, она объяснила, что видела за окном Келси, но ей не понравилась его реакция. Он только изучал ее, словно пытаясь оценить, верит он ей или нет. Как будто ее звонок был какой-то частью плана, чтобы заставить его думать, что кто-то, кроме Тома или ее, ответственен за исчезновение Тиффани.

Он вышел на задний двор и направил свой фонарик на линию деревьев не более чем на две минуты, затем ушел.

Немного детективной работы.

Прежде чем уйти, он сказал:

— Меня беспокоит, что вы позволяете своей дочери бегать по улицам ночью. Разве вы забыли, что пропала девушка?

«Позволяю?»

Она ничего не позволяла Келси. Чего он ожидал от нее? Что она прикует дочь цепью к кровати? Разве он не знал, что у подростков есть собственное мнение, и что она делает все, что может?

«Все?»

А Том — это совсем другая история. Он, казалось, не беспокоился о том, что Келси

сбегала. Он велел ей разобраться с этим. Рейчел понимала, что он больше не заботится о ней, но разве он перестал заботиться о своих детях?

Тома, казалось, даже не беспокоили бесчисленные визиты детектива. Он просто протягивал Гитро пиво, приглашал его в свой кабинет и закрывал дверь.

Секреты.

Какие секреты он рассказывал детективу, чтобы она не подслушала?

Рейчел мрачно осознала, что жизнь всегда может измениться. Она просто никогда не представляла, что Том так поступит... Не таким образом.

После занятий в понедельник днем она прибиралась в доме. Она была полна решимости иметь безупречный порядок каждый раз, когда детектив приходил без предупреждения, чтобы он видел в ней хорошо воспитанную семейную женщину, а не презираемую жену и подозреваемую в убийстве, которой ее заставляли чувствовать себя другие.

Рейчел подняла с пола шорты Тома цвета хаки, нижнее белье и рубашку для гольфа, которые он носил накануне. Она проверила карманы шорт, затем пошла в ванную и провела тряпкой по небольшой горке засохшей зубной пасты, которую он оставил на раковине. Затем использовала тряпку, чтобы собрать кучу коротких волос с его электробритвы.

После хозяйской спальни и ванны она решила проверить детские комнаты. В комнатах Келси царил настоящий кавардак. Рейчел стояла посреди него и оглядывалась по сторонам. Керамическая балерина лежала опрокинутая на туалетном столике. Флакон с лаком для волос валялся на боку на ее кровати, а кучи одежды были разбросаны по всему ковру. В комнате пахло плесенью. Задаваясь вопросом, есть ли в шкафу Келси мокрое полотенце, Рейчел пересекла комнату и открыла дверь.

— Что ты здесь делаешь? — требовательно спросил чей-то голос.

Рейчел подскочила. Она не слышала, чтобы кто-то входил в дом.

— Черт возьми, Келси. Ты напугала меня!

— Ты шпионила! — огрызнулась дочь, стоя в дверях. Ее голубые глаза сияли за черной подводкой, которой она слишком часто пользовалась.

Несмотря на июльскую жару, она была одета во все черное. Черная футболка, длинные черные мешковатые шорты. Ее голые ноги казались необычно бледными на фоне всего темного материала.

— Я не шпионила! — воскликнула Рейчел, потом поняла, как оборонительно это прозвучало. «Успокойся», — сказала она себе.

— Я видела!

— Келси, не повышай на меня голос, — произнесла Рейчел так спокойно, как только могла.

— Не шныряй в моей комнате!

— Ты знаешь, что наказана и не должна никуда ходить, кроме библиотеки, пока не начнутся занятия в школе, юная леди. Где ты была?

Ее дочь сжала губы.

— В библиотеке, — саркастически сказала она.

«Черта с два», — подумала Рейчел. Дочь бунтовала. Рейчел вспомнила, как в ее возрасте тоже бунтовала. Черт возьми, сейчас ей тоже хотелось взбунтоваться.

Может она так и сделает.

— Келси, мы говорили о твоём наказании за то, что ты сбежала ночью. Я серьезно говорила о...

Но прежде чем Рейчел успела закончить фразу, Келси развернулась на каблуках и бросилась вниз по длинному коридору. Через несколько секунд входная дверь захлопнулась.

Рейчел поспешила к окну и посмотрела, как ее дочь бежит по лужайке. Она смотрела, пока та не скрылась за соседним домом.

Она вздохнула. Рейчел всегда представляла себе совершенно иную жизнь для себя. В эти дни ее жизнь ничем не отличалась от тюрьмы — для нее и ее детей. Она не могла удержать их, и не могла сдерживать себя.

Она мельком увидела себя в зеркале туалетного столика дочери. Ее светлые волосы выглядели как неухоженная солома. У нее появились тонкие морщинки на лбу и круги под глазами.

Рейчел устало прошла по длинному коридору на кухню и схватила последнюю бутылку вина с полки. Откупоривая ее, она выглянула в окно.

Мак, молодой человек, который много лет подстригал их газон, шел к сараю. Он вырос в довольно красивого мужчину. И такой вежливый. Она надеялась, что маленький Томми был так же вежлив с людьми, как и Мак. Мак всегда обладал определенной харизмой, даже когда едва был подростком. Она подумала о милой маленькой девочке, с которой он встречался, Хейли Ландри. Той, что из закуской. Рейчел готова поспорить, что Мак сделал Хейли очень счастливой. Он не казался человеком, способным сбиться с пути истинного. Нет, не все мужчины были похожи на Тома.

Рейчел осушила бокал вина и смотрела на Мака, пока он не скрылся из виду. Она налила еще один, прежде чем вернуться к кухонному столу. Она долго сидела, размышляя, потягивая и подливая себе еще.

***

Глаза Рейчел были на мокром месте, когда позже в тот же день раздался стук в заднюю дверь. Келси все еще не вернулась. Она раздумывала, не следует ли ей выследить свою дочь, но поняла, что выпила слишком много вина.

Она была ужасной матерью.

Раздался еще один стук.

Она выпрямилась на своем стуле за кухонным столом, осознав, что погрузилась в грезы наяву.

— Войдите! — крикнула она, вытирая глаза.

Дверь открылась, но никто не вошел. Она встала и увидела, что это Мак. Он держал кепку в руках, а его футболка промокла от пота.

— Извините за беспокойство, миссис Андерсон. Но я уже почти закончил. Просто нужно кое-что сделать, — сказал он. — Я забыл сообщить вам, что здесь. Не хотел вас тревожить...

Рейчел вдруг поняла, что ей отчаянно нужна компания. Еще минута в одиночестве, и она, наверное, сорвется.

— Ты выглядишь измученным. Хочешь сладкого чая? — спросила она.

— Нет, мэм, но спасибо за предложение. — Его короткая челка промокла от пота. Волосы торчали в комичном, но очень милом виде.

Ей нужно, чтобы он остался. Всего на несколько минут. Это было все, что требовалось, чтобы восстановить некоторый контроль.

— Сделай перерыв. Давай, выпей со мной стакан чая.

Мак посмотрел на нее.

— Нет, спасибо, мэм, — сказал он, — я действительно должен...

— Я настаиваю.

Он стоял в дверях, выглядя сильно смущенным. Затем его лицо расплылось в легкой усмешке.

— Ну, тогда ладно. Конечно.

У Рейчел закружилась голова, когда она, пошатываясь, подошла к холодильнику. Достав кувшин, она осторожно наполнила стакан.

— Не стой просто так в дверях. Проходи, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал непринужденно. И трезво.

Мак сделал шаг внутрь.

— Тебе нравится холодный чай? — спросила она, стараясь не заплетаться в словах. Много лет назад она прекрасно умела притворяться трезвой. В эти дни она совсем расклеилась.

— Да, мэм.

Мак все еще стоял в дверях, сжимая кепку в руках, когда Рейчел вернулась к столу, осторожно, чтобы чай не выплеснулся из стакана.

— Присаживайся, — сказала она.

— Я изрядно вспотел, миссис Андерсон.

Она поставила чай перед стулом. Немного выплеснулось на стол.

— Рейчел, пожалуйста, зови меня Рейчел. И не беспокойся об этом. Присаживайся. Устраивайся поудобнее.

Рейчел села и улыбнулась. Ну и, о чем бы они могли поговорить? Что у них общего, если вообще было что-то?

— Как долго ты подстригаешь для нас траву, Мак? Четыре, пять лет?

— Да, пять, я думаю. Это была моя первая работа. Я всегда это ценил.

Куда делось все это время, гадала Рейчел. Она налила еще один бокал вина.

— Ты понимаешь, что за пять долгих лет мы ни разу по-настоящему не разговаривали, взрослый со взрослым? Не нашли время выпить вместе чаю.

Мак поставил стакан и вежливо посмотрел на нее.

— Нет, мэм. Думаю, мы этого не делали.

— Тогда сегодня самое время? Как поживает твоя подружка? Хейли, верно? У вас двоих есть планы пожениться?

Мак изучал свой стакан.

— Нет, не совсем.

— О, понимаю. Ну, я надеюсь, все в порядке?

Мак помолчал, прежде чем заговорить.

— Честно говоря, у нас возникли некоторые проблемы. Похоже, сейчас дела у нас идут не слишком хорошо.

Глава 41

Ближе к вечеру вторника Эрика сидела в затененной части своего гаража и усердно писала. Время от времени она в глубокой задумчивости поднимала глаза и невидящим взглядом смотрела на заросшие участки травы, многочисленные выгоревшие пятна во дворе,

старую зеленую рыбацкую лодку без мотора, перевернутую вверх дном, покрытые грязью цветочные горшки, которые оставались пустыми с тех пор, как ушла ее мать.

Но она не обращала внимание ни на что. Вместо этого Эрика сосредоточилась на своем мысленном взоре. В эти дни ей не нужно было так часто использовать ритуалы своей матери. Писательство, казалось, стало для нее естественным в одночасье. Она писала быстро, опасаясь, что писательский блок вернется. Кто знает, какие опасности могут ее подстергать.

Написание книги значительно продвинулось вперед. Ее блокнот полон превосходных заметок, и у нее было написано сорок страниц, слова приходили быстрее, чем она могла их написать.

Она делала заметки во время своих смен в закусочной, когда ходила на пирс, сидела в классе, на кладбище, везде.

Она с нетерпением ждала, когда детектив снова придет. Он уже дважды заходил, чтобы задать вопросы. Оба раза он раздражал ее, но сейчас другое дело. Теперь ей предстояло слишком многому научиться. Она даже подумывала о том, чтобы спросить детектива, не может ли она помочь ему в расследовании каким-нибудь образом. Это позволило бы ей собрать больше информации.

Позади нее послышались шаги.

— О, привет, дорогуша.

Эрика напряглась. Это была Памела.

Памела стояла рядом с проржавевшей коробкой отцовских снастей и ведром старых промасленных тряпок, держа в руках выцветшее пляжное полотенце. На ней было только бикини в черно-белый горошек. Ее костлявые плечи были загорелыми, а солнечные очки казались слишком велики для ее маленького лица. Эрика оглядела ее и впервые заметила, что большая грудь Памелы не выглядела естественной, а ее тонкие бедра покрыты целлюлитом.

— Почему ты сидишь в тени? Тебе следует погреться на солнышке, милая.

Эрика крепче сжала ручку.

— Солнце вредно для здоровья.

— Как и сигареты, и практика вуду. Но, по крайней мере, солнце делает тебя красивее, — сказала Памела и подмигнула.

Эрика отвела взгляд в сторону протоки. На противоположной стороне появились два подростка в одинаковых плавках и с надувным плотом в руках.

Памела плюхнулась рядом с ней. Расположилась поудобнее.

— Кажется, твоя книга идет лучше. Ты пишешь все чаще.

— Откуда тебе знать? Ты снова шпионишь за мной?

Памела тихонько рассмеялась.

— Нет, вовсе нет. Наверное, просто кое-что замечаю. Моя мама всегда говорила, что я самый наблюдательный ребенок в семье. Не то чтобы я научилась использовать это с какой-то пользой. — Она вздохнула. — Ну, по крайней мере, пока нет.

Эрика оттолкнулась от какой-то грязи босым носком ноги.

— Рада за тебя. Ты кажешься гораздо спокойнее, когда хорошо пишешь. — Памела вытащила пачку сигарет. Она держала ее перед собой. — Хочешь одну?

Эрика колебалась. Она глубоко вдохнула, и запахи моторного масла и мяты хлынули ей в нос. Сигареты были привлекательны. Чаевые у Люка были более скудными, чем обычно, и

она вынуждена ограничивать свои собственные сигареты, большую часть дней куря окурки везде, где могла их найти. Каждый лишний цент и десятицентовик шли в ее нью-йоркский фонд.

Она взяла сигарету, и они несколько минут сидели вдвоем, молча покуривая.

— Твой папа сказал мне, что ты дружила с пропавшей девочкой.

— Нет.

— Ты ее не знала?

— Знала, но мы не были подругами.

— Ты хорошо с знакома?

— Нет. Мы только вместе работали в «Люка».

— В «Люка»?

— Закусочная на Главной улице.

— Ох, да. Твой папа говорил мне, что ты там работаешь. Что ж, если ты работала с ней, то должна знать ее довольно хорошо. Какой она была?

— Стервозная. Богатая. Шило в заднице.

— Ну, теперь история о ней звучит не слишком хорошо? — спросила Памела. Она затаилась сигаретой. Положив ее в старую банку из-под кока-колы, она задумалась. — Однажды я знала девушку, которая пропала без вести. Оказывается, она просто сбежала.

— Тиффани не убежала.

— Откуда ты знаешь, дорогуша?

— В этом нет никакого смысла. Она бы поступила по-другому, если бы сбежала.

— Твой отец, похоже, не думает, что Чарльз, ее парень, имеет к этому какое-то отношение.

Эрика и не подозревала, что ее отец что-то знал о том, что произошло. Но, конечно, знал, верно? Весь город в курсе. Но Эрике все равно показалось странным, что он ничего не сказал ей об этом.

— И как он мог узнать?

— Большие новости распространяются в таких маленьких городках, как этот, — ответила Памела.

Памела, вероятно, думала, что она девушка из большого города, потому что когда-то жила в Далласе, подумала Эрика. Пару ночей назад она подслушала разговор Памелы и ее отца. Памела хвасталась тем, что провела год в Далласе, как будто это было так же экзотично, как и Европа.

— Я делаю отличный педикюр, если тебе когда-нибудь будет интересно, — произнесла Памела, указывая на мозолистые ступни Эрики и грязные ногти на ногах.

Эрика украдкой взглянула на ноги Памелы. Французский педикюр. Достойный.

— И я даже ничего не попрошу взамен, — заметила Памела, затушив сигарету и вставая. — Я сделаю это, потому что действительно хотела бы быть твоим другом. — Она отряхнула зад и взяла свою сумку. — Пойду в душ и приготовлю джамбалаю для твоего папочки. Хочешь немного?

Эрика покачала головой.

— Тогда ладно. Но я оставлю немного в холодильнике на случай, если ты передумаешь, — сказала она и еще раз раздражающе подмигнула ей.

После того как Памела ушла, Эрика посмотрела на протоку. Друзья? С чего бы ей хотеть дружить с такой женщиной, как Памела? «Никогда», — подумала она. Все сигареты или

педикюр в мире не могли помочь ей переварить эту женщину.

Она снова зарылась пальцами ног в грязь и смотрела, как мальчики на другом берегу протоки пытаются удержаться на плоту. Она смотрела до заката и даже после того, как мать позвала их обратно в дом.

Эрика смотрела, пока свет фар нового серебристого «Форда F-350» ее отца не отразился от подъездной дорожки, затем собрала свои вещи и направилась на кладбище.

Глава 42

Он обрызгал конвейерную ленту моющим средством для окон и тщательно вытер ее горстью бумажных полотенец. У ребенка только что случился припадок, и он швырнул открытую бутылку сока, которую пил, на конвейер. Сок разлился по всем таблоидам, телегидам и буклетам, в которых содержались никогда ранее не печатавшиеся секреты быстрого похудения. Одни и те же буклеты женщины часто покупали вместе с коробками кексов «Хозяйка» и семейными упаковками «Сникерсов».

Мать мальчика извинялась, но кровь стучала у него в ушах, и он отказался поднять на нее глаза. Хотя на самом деле проблема была не в ней. Как и не в ее ребенке. Просто в последнее время он плохо себя чувствовал. Он жаждал спокойствия, которое ощутил... после Тиффани.

Он снова начал нервничать, и его мучило осознание того, что только одна вещь могла успокоить его в эти дни. То, чего он не должен делать снова. Он подумал о кокаине и о том, что наркотик делает между дозами с теми, кто его употребляет. Убийство... вызывало такое же привыкание.

— Приберитесь в десятом проходе, — раздался голос. Он поднял глаза и увидел Генри, менеджера магазина и худшего краснолицего алкоголика, которого он когда-либо встречал, через запачканное стекло окна офиса, говорящего в микрофон. Он подумал о своем отце, которого не видел с тех пор, как ему исполнилось четыре года. Он тоже был краснолицым. Он был смирным любителем выпить, который когда-то влюбился в грязную, опасную женщину, которая являлась его матерью.

Мать проклинала фамилию его отца многие годы, хотя она была указана в свидетельствах о рождении как его, так и Элли, она никогда не признала бы этого. Она пользовалась своей девичьей фамилией и настояла, чтобы Элли представлялась ей. Но она никогда не настаивала на том, чтобы он это делал. Сколько он себя помнил, его мать ненавидела в нем все. Ей было все равно, жив он или умер... носит ли он приличное или, как она считала, презренное имя.

В последнее время все, казалось, вызывало в нем раздражение больше, чем обычно. Телевизор, все изображения женщин. Ужасные, дрянные женщины. Женщины, которых он ненавидел. Он не хотел никому причинять боль. Он действительно не хотел. Но он сделал это. Да... О да, он это сделал.

Его разум представлял собой мешанину сдерживаемой энергии, путаных, опасных мыслей, неопикуемых побуждений.

В то утро он вырвал последние страницы из грязных журналов. Он разорвал большинство из них в клочья, страницы, переплет и все остальное. Может быть, стоит сжечь их после смены. Да, это могло бы заставить его чувствовать себя лучше. Если этого не

произойдет, может быть, он отправится обратно к Андерсонам.

Кто-то бросил товары на ленту. Он взглянул на них. Коробка презервативов, пачка спагетти, сигареты и бульварный журнал. Он поднял глаза и чуть не закричал.

— Ну, здравствуй, красавчик.

Это была Элли.

— Никотиновая жвачка, которую ты оставил, работает не слишком хорошо, — сказала она, теперь стоя перед сканером кредитных карт. Она сунула руку в карман и сунула в рот белый квадратик жвачки. — Но мысль была приятной. Мой старший брат покупает мне подарки. Мой спаситель снова появился в виде сумасшедшего ублюдка.

Она одарила его дерзкой улыбкой, и ему захотелось перелететь через ленту конвейера и задушить сестру. Сейчас не время насмеяться над ним. Не перед другими людьми. Она переходила черту. Его жизнь с ней должна быть отдельной. Могла быть только отдельной. Что она здесь забыла?

Ребенок в тележке, в виде красно-желтой пластиковой коляски, завыл. Он пристально посмотрел на ребенка, затем быстро переключил свое внимание на сестру. На ней было слишком много косметики. Темно-красные губы выделялись на ее лице в свете флуоресцентных ламп магазина.

Пожилая женщина подошла сзади Элли и поставила коробку с наполнителем для кошачьего туалета на конвейер, затем взяла одну из забрызганных соком бульварных газет.

— Ты бы ведь не стал пытаться залезть ко мне в трусики, не так ли, старший брат? Даришь продуманные подарки, чтобы приставать ко мне? — сказала Элли достаточно громко, чтобы женщина услышала.

— Заткнись, — рявкнул он.

У женщины отвисла челюсть. Она взяла кошачий туалет и подошла к следующей открытой кассе.

Его кровь закипела, он отсканировал вещи сестры и засунул все в пакет. Вспышки сканеров в магазине сводили его с ума. Он хотел пробить кулаком запачканную прямоугольную стеклянную панель.

— Одиннадцать долларов шестьдесят шесть центов.

Элли ухмыльнулась.

— Кажется, я забыла свой бумажник. Ты можешь, ну, знаешь, позаботиться обо мне?

Он нахмурился. Сунув ей пакет, он наклонился и прошипел:

— Убирайся отсюда к чертовой матери.

***

После смены он сел в свой грузовик и поехал домой. Вечер был спокоен, но не он.

На Кунц-роуд он встретил девушку, которая выглядела ровесницей Элли, путешествовавшую автостопом. На ней почти ничего не было надето, она подняла большой палец вверх. Легкая добыча для таких хищников, как он.

Не раздумывая, он нажал ногой на тормоз, и грузовик резко остановился, оставив за собой облако пыли. Увидев его задние фары, девушка подбежала к пассажирской двери, ее грудь почти выпрыгивала из топа. Он наполовину опустил пассажирское стекло.

— Куда ты направляешься? — спросил он.

— Гранд-Треспасс.

Его разум создал сценарий, мало чем отличающийся от сценария с Тиффани: погасить

жизнь в этой полумертвой девушке. Возможность убрать из мира еще одно зло и утихомирить ярость.

Он оторвал взгляд от девушки и уставился на высохшую, расплюснутую лягушку на дороге перед ним. Как посмела его сестра появиться в продуктовом магазине. Как она посмела унижить его, когда он был вне дома. Она знала правила. Сделать ей подарок было неразумно, и он даже не был уверен какова действительная причина его поступка.

Да, он был ответственен за нее. И да, каким-то странным образом он догадывался, что, возможно, даже любит ее. Но это не означало, что он должен был быть милым. Она просто воспримет это как слабость и использует против него. Она всегда так делала.

Он усвоил этот урок.

Автостопщица подняла ручку на двери. Обнаружив, что дверь заперта, она посмотрела на него и нахмурилась.

— Ты меня подвезешь или как?

Глава 43

Распахнув глаза, он обнаружил, что его обнаженный торс скользкий от пота. Сев на маленькой кровати, он с трудом глотнул воздуха. Было пять часов утра. Стресс вызвал кошмар о последних мгновениях его матери. Пот охлаждал лицо, и он всхлипнул, прежде чем снова лечь.

Выглянул в маленькое окошко, прислушиваясь к слабому напеву Боба Дилана. Накануне вечером он включил компакт-диск, и теперь «Ложь, леди, ложь» Дилана тихо играла на полу рядом с его кроватью. Небо снаружи было окрашено в оттенки серого и розового — начало рассвета. Йен скреб в окно, громко мяукая. Злобно.

В приснившемся кошмаре ее лицо было таким живым. Один в один как той ночью, вплоть до размазанного макияжа глаз и родинки над губами. Ее слова, такие же резкие, как и при жизни, все еще эхом отдавались в его голове.

Она смотрела на него глазами, в которых читалось, что мать знает, что он станет таким же извращенным, как и она.

На ней был один из ее многочисленных париков, и говорила она голосом, которого он раньше не слышал. Он знал, что ночь будет плохой. Даже хуже, чем другие.

Дверь на лестницу в подвал была открыта, и она балансировала на стертых каблуках в дверном проеме в поисках бутылки ликера. Ее красная ночная рубашка была слишком прозрачной, слишком короткой.

«Сегодня вечером мы приятно проведем время, мальчик», — сказала она.

Он был в ловушке, стоял рядом с креслом, пытаясь найти путь обратно в свою комнату. Взглянул на ковер. Элли приклеивала листья к розовой плотной бумаге. Бутылка с клеем лежала на боку рядом с его ногами. Клей высох на ковре.

Войдя на кухню, его мать потянулась к шкафу, достала две рюмки и наполнила их виски. Сжимая бутылку в пространстве между подмышкой и боком, она вошла в гостиную, неся рюмки.

Следующие полчаса они пили в тишине. Он знал, что лучше не говорить «нет». Он просто молился, чтобы пересидеть ее, и чтобы мать потеряла сознание на диване, прежде чем сможет причинить большой вред.

Пока они пили, она смотрела мимо него.

«Я никогда не хотела мальчика, — призналась она. — Мужчины — манипуляторы. Ничего хорошего». — Ухмылка. — «Посмотри на себя, — сказала она с ядом в голосе. — Ты жалок. Ты всегда будешь жалким. Миром правят женщины».

Неровное сердцебиение, ветер снаружи, кашель матери от сигарет, алкоголь, стекающий в живот, все это звучало в его голове. Его кулаки сжались. Ярость уже слилась с ним воедино, и он был бессилён против нее.

Элли появилась в гостиной, протирая свои маленькие глазки.

«Почему вы не спите?»

Выражение лица его матери смягчилось.

«Мы с твоим братом болтаем, красавица, — сказала она. — Иди обратно в постель».

Элли зевнула. Затем замерла, не двигаясь.

«Можно мне тоже не ложиться?»

«Нет. Отдохни немного».

«Но, мама?»

Тон матери стал жестче.

«Элли», — предупредила она.

Элли нахмурилась, затем вернулась в свою комнату.

Когда она ушла, его мать наклонилась вперед и провела грубой рукой по его лицу.

«Итак, что мы будем делать сегодня вечером?» — спросила она.

Он сглотнул.

«Ты думаешь, твоя мама красиво выглядит в этой маленькой ночнушке?»

Он изучал ковер, зная, что если бы посмотрел в упор на ночную рубашку, то смог бы увидеть зло под ней.

«Я так и думала, что тебе понравится. — Она сделала большой глоток своего напитка и с силой поставила стакан. — Ты знаешь, что лучше не подводить меня, не так ли, мальчик?»

Да, он знал. И боялся сделать это снова... дать себе шанс. Но еще больше он устал от страха. Она и не подозревала, что он наконец-то научился превращать свой ужас в гнев.

Не прошло и пятнадцати минут, как он столкнул свою мать с лестницы в подвал, а когда бросился вниз, неся веревку, которую месяцами прятал под кроватью, убедился, что она больше не встанет.

Глава 44

Позже тем вечером, идя через лес, чтобы навестить семью Андерсонов, он думал о девушке, путешествующей автостопом, которую почти подобрал несколько дней назад. Это стало почти катастрофой, ведь он так близко подошел к тому, чтобы пригласить ее в грузовик, возможно, сделав тоже, что сделал с Тиффани.

Он нажал на педаль газа, когда она попыталась открыть дверь. Забавно было наблюдать за ней сквозь пыль, поднятую грузовиком. Она показала ему средний палец, ее рука, без сомнения, болела от внезапного крена грузовика.

Теперь он стоял на опушке леса, но окна Андерсонов были темными, и ни одной припаркованной машины на подъездной дорожке. Холодные пальцы разочарования сжали

его сердце, угрожая задушить. Знакомое волнение отчаяния закралось внутрь.

Но потом у него появилась идея. Та, которая одновременно и возбуждала, и пугала его.

Несколько минут спустя он почувствовал себя таким живым, пробираясь на цыпочках через полумрак комнаты Келси с фонариком, направленным на покрытый ковром пол. Повсюду была разбросана одежда — топы, джинсы, туфли, грязная обеденная тарелка и научно-фантастический роман в мягкой обложке. Он посмотрел на ее кровать, но у него не возникло никакого желания снова лечь на нее.

Он вышел в коридор, держа фонарик направленным на пол, и побрел в другую спальню. Ее сына. Стены были увешаны плакатами рок-групп. Школьные учебники, портативный компьютер. Стойка для компакт-дисков, скрученные простыни. Он задавался вопросом, были ли они чем-то похожи, но сомневался в этом. Мальчик бывал в разных местах, а он не был уверен, что ему когда-нибудь доведется увидеть хотя бы Неваду по-настоящему.

Войдя в комнату своего ангела, он вдохнул успокаивающий аромат лаванды и осветил фонариком ее огромную кровать. Лихорадочно соображая, он вошел в хозяйскую ванную. Косметика и лосьоны были аккуратно расставлены на полке над унитазом. Он взял несколько шпук, представляя, как она их держит. Брызнув духами на тыльную сторону руки, он чихнул так тихо, как только смог.

Ее большая гардеробная была тщательно организована, семнадцать пар обуви выстроились в идеальный ряд. Он коснулся ее одежды и после долгих раздумий осторожно снял с вешалки шелковое платье.

Подошел к комоду и открыл первый ящик. Ее ящик для трусиков. Нижнее белье лежало хаотично, множество белых, синих, черных и розовых цветов. Быстро взглянул на них, прежде чем закрыть ящик. Затем увидел кое-что, что его действительно заинтересовало. Золотой браслет. Он засунул его в джинсы.

Пребывание в ее комнате одновременно возбуждало его и успокаивало нервы так, как действовало только кое-что другое. Он набрал в легкие воздуха и позволил себе несколько мгновений полного экстаза.

«Каким бы человеком я стал с такой матерью, как она», — подумал он.

Вышел из главной спальни и прошел через переднюю часть дома, где находились гостиная и кухня. Было так много теней, но все было тихо, спокойно.

Войдя в гостиную, он остановился у огромных окон. А потом это случилось. Неизбежное. Из одной из спален донесся громкий шум.

Рок-н-рольная музыка.

Он выключил фонарик и присел на корточки. Затем инстинктивно попятился в угол. Раздался еще один громкий звук, что-то совсем рядом с ним. Он выронил фонарик и платье и дрожащими руками нащупал их на полу. На ковре было что-то мокрое. И там лежал... стакан. Он опрокинул стакан. Это был тот самый шум. Музыка все еще гремела в задней части дома. Он напряженно прислушивался к движению, так напряженно, что у него заболела голова.

Затем фары отразились от стены, и он услышал, как к дому подъехала машина. Двигатель заглох, и дверь с грохотом захлопнулась. Потом еще одна.

Он поспешил через комнату к задней двери. Менее чем за пять секунд он благополучно вернулся в лес.

Запыхавшись, он обернулся, надеясь взглянуть на своего ангела. Но ночь была слишком темной.

Листья захрустели в нескольких футах от него. Его сердце ускорило, и он укрылся за дубом. Быстро посмотрел туда, откуда доносился звук.

Вот тогда-то он и увидел ее. Сначала очертания, затем несколько черт. Но он точно знал, кто она такая.

Дочь его ангела, Келси.

Она застыла на корточках, уставившись на него.

Но прежде чем он успел решить, что делать или даже как реагировать, она выскочила из кустов и бросилась в безопасность своего дома.

Глава 45

Молочный, ранний утренний свет струился в окно, освещая стопку эссе, над которыми Рейчел корпела с рассвета.

С чашкой горячего чая в руке она перечитала эссе Эрики в третий раз, на этот раз даже медленнее, чем во второй. Она не была уверена, что делать с заикленностью Эрики на своей матери. Рейчел знала о Норе, матери Эрики. Но она не помнила Нору в том свете, в каком ее помнила Эрика.

Каждое задание: рассказ, эссе, стихотворение... посвящалось Норе. Девушка была сообразительной и обладала исключительной решимостью, но ее одержимость матерью заставляла Рейчел чувствовать себя неловко. Из того, что она поняла, женщина бросила ее. И Эрика в ответ сделала из своей матери героиню. Уровень поклонения ей казался просто нездоровым.

Рейчел бросила эссе на стол и впервые за это утро вошла в гостиную. Она изучала мебель.

Они с Томом заменили мебель в гостиной всего два года назад, когда унаследовали деньги от его ныне покойных родителей. Они также отремонтировали кухню и купили два внедорожника. Она гордилась переменами, тем, как стильно стало выглядеть это место. Но теперь все казалось холодным.

Рейчел подошла к высоким окнам. На полпути она остановилась. Одно из ее платьев валялось на полу. Она подняла его и попыталась вспомнить, когда в последний раз надевала. Год назад? Последняя встреча выпускников в колледже? Может быть... Но почему оно оказалось на полу в гостиной?

С платьем под мышкой она прошла через комнату, захватив наполовину наполненный стакан молока, пустую банку содовой, еще один частично наполненный стакан молока. Томми оставил свою домашнюю работу на столике. Она подошла, чтобы поднять ее, и заметила стакан, лежащий на полу, затем почувствовала что-то холодное и влажное под своей босой ногой. Она вздохнула.

Убрав пролитую содовую, подошла к гравюре Ван Гога, висевшей рядом с лестницей, и поправила ее, что делала несколько раз в неделю, когда в доме хлопала дверь.

Рейчел вспомнила фигуру, которую видела во дворе. Первым вопросом Тома было: «Ты пила?» Воспоминание о его словах привело ее в ярость. Но еще они заставляли ее сомневаться в себе.

В задней части дома зазвонил будильник, наполнив воздух грохотом рок-музыки. Он принадлежал Томми. Прошлой ночью, когда они вошли в дом после поездки в «Волмарт»,

он тоже трезвонил.

Открылась дверь, и она услышала шаги. Рейчел взглянула на часы. Было уже семь часов. Том и дети уже встали. У Тома случилось несколько выходных, и он собирался отвезти детей на пару дней к своей сестре. В последнее время он взял за правило проводить с ними время. Хотя она и рада, что он наконец-то сделал над собой усилие, Рейчел не могла не заметить, что муж планировал эти прогулки, не учитывая ее календарь. Или просто не приглашая ее. «Но, наверное, так лучше всего», — подумала она. Им нужно время побыть вдалеке друг от друга. Пришла пора остыть и понять, к чему ведут эти отношения. То, что дети проводят с ним все это время, по крайней мере, приносило ей немного покоя.

Глубоко вздохнув, она пригладила волосы и отнесла платье в прачечную. Она направилась обратно на кухню, чтобы приготовить всем завтрак.

***

После того, как ее дневные занятия закончились, Рейчел уклонилась от Мирны и других учителей, которые обычно оставались после занятий на послеобеденный кофе. Ей хотелось сразу же отправиться домой и провести время в одиночестве, чтобы наконец-то просмотреть рукопись. Ей отчаянно нужно было сосредоточиться на чем-то, кроме Тома. И ей нужно выпить. Может быть, не один бокал. Два, определенно, два.

Свернув на подъездную дорожку, она увидела, как Мак вытаскивает из сарая газонокосилку. Услышав шум двигателя машины, он помахал рукой. Удивленная опьяняющим толчком, который она почувствовала в груди, Рейчел вылезла из машины и пошла по маленькой дорожке, которая окаймляла дом. Она улыбнулась молодому человеку.

— Мне очень хочется выпить бокал вина. Не против присоединиться ко мне?

Мак, одетый в футболку далласского ковбоя и шорты-карго, стоял рядом с косилкой, прикрывая глаза от солнца.

— Мэм?

— Давай выпьем по бокалу вина.

— Миссис Андерсон, трава. Мне действительно следовало бы...

— Рейчел, зови меня Рейчел. И не беспокойся о траве. Она никуда не денется. Если только у тебя нет другого места, где тебе нужно быть?

Мак покачал головой.

— Нет, нигде, кроме как здесь.

— Отлично, проходи тогда.

Глава 46

Один бокал вина плавно перетек во второй и в третий.

После первого бокала они вдвоем перешли от кухонного стола к дивану. Рейчел спросила Мака о его отношениях с Хейли, и он рассказал, как странно она вела себя с тех пор, как исчезла Тиффани, и как оттолкнула его.

— Это ужасно, — сказала Рейчел, ее пальцы потянулись к запястью, затем она вспомнила, что оно было обнажено. Где мог быть ее браслет? — Отношения достаточно сложны и без всего того стресса, через который она проходит. Может быть, Хейли почувствует себя по-другому, как только Тиффани будет найдена.

Он пожал плечами.

— Если она найдется.

Рейчел захотелось поговорить с ним о Томе. Спросить Мака, слышал ли он что-нибудь об этом романе. Слышал ли, как их имена упоминались в связи с исчезновением Тиффани. Но, конечно, она этого не сделала. Это было бы неуместно. Даже больше, чем выпить пару стаканчиков наедине с молодым человеком.

Несколько мгновений спустя Мак поднял свой полупустой бокал с вином перед своим лицом.

— Я не думаю, что когда-либо пил столько вина раньше, — усмехнулся он, его слова прозвучали слегка невнятно. — Я любитель пива.

— Ударило в голову?

Он кивнул.

Она с облегчением увидела, что он наконец расслабился рядом с ней. Сначала он казался нерешительным, почти осторожным в ее присутствии, что Рейчел списала на их разницу в возрасте. Но, наконец, он, вроде, успокоился. Даже казалось, что он наслаждается происходящим.

Они проговорили до двух часов ночи, пока не допили кофе и Мак не почувствовал себя достаточно бодрым, чтобы добраться до дома. Трава осталась не подстриженной, но это такая маленькая цена за те часы, когда Рейчел смогла забыть о своих проблемах. Она хорошо провела время.

На самом деле, это был лучший разговор, который она могла вспомнить с кем-либо за почти год. Она уже и забыла, каково это — вести приличный взрослый разговор.

Глава 47

В субботу вечером Рейчел и Мак сидели на диване, допивая бутылку Мерло. Том и дети должны были вернуться только на следующий день, и когда Мак снова пришел подстричь газон, она настояла, чтобы они снова посидели и поговорили.

Мак, казалось, слегка колебался, когда Рейчел снова пригласила его войти, но его нерешительность быстро рассеялась, и между четырьмя и шестью часами им нашлось, о чем поболтать.

После того, как была вылита последняя капля вина, Рейчел уже не вспоминала о своих проблемах или страхах... или ноющем чувстве, которое говорило ей, что эта новая дружба с Маком совсем неуместна. В конце концов, Мак был совершеннолетним, чтобы делать все, что ему заблагорассудится. И он не ее студент.

Она просто сосредоточилась на том, как Мак смотрел на нее и какой он красивый. Она всегда считала его несомненно привлекательным, но только в последнее время заметила, каким мужчиной стал этот мальчик. Она подумала, что странно, как проблемы в отношениях могут так повлиять на женщин. Заставить их замечать такие вещи.

Рейчел поставила пустую бутылку из-под вина.

— Мне открыть еще одну? — спросила она, хватаясь за свой браслет, затем снова вспомнив, что его там нет.

— Вы знаете, мне, вероятно, не следует этого делать, миссис... э-э, Рейчел.

— Почему? Мы не делаем ничего плохого. Мы просто...

— Нет, — перебил он. — Дело не в этом. Это потому, что я прочитал Хейли лекцию с вреде алкоголя. У нее сейчас действительно трудные времена, и она слишком много пьет.

Даже несмотря на то, что технически мы сейчас не вместе, я все еще очень беспокоюсь о ней, и это заставляет меня чувствовать себя лицемером, понимаешь?

Рейчел не знала, что сказать.

— Кроме того, мне действительно нужно принять душ, — сказал он. — Я мог бы вернуться после...

— Не говори глупостей, — воскликнула Рейчел, похлопав по воздуху. — Ты не можешь вести машину в таком состоянии. Просто прими душ здесь. Ты можешь переодеться во что-нибудь из вещей Тома.

Еще немного поспорив, Мак принял душ. Затем, после второй бутылки вина, они начали целоваться. В своем пьяном состоянии Рейчел не была уверена, кто кого поцеловал первым. Все, что она знала — это лучшее, что случилось с ней за долгое время.

Первые поцелуи были неуклюжими и влажными, но в то же время теплыми и возбуждающими. Рейчел чувствовала вкус вина и привкус мятной жевательной резинки на языке Мака. Затем она обнаружила, что ведет его в заднюю часть дома, в свою спальню.

Там она откинула фиолетовое одеяло, расстегнула шорты, которые Мак одолжил у Тома, и потянула молнию вниз. Она начала расстегивать свою блузку и наблюдала, как Мак пристально смотрит на нее. Он, казалось, очень нервничал. Думая, что это очень мило, она мягко толкнула его вниз и прижалась к нему всем телом.

Они долго целовались, их губы были горячими и мягкими. Температура внутри ее груди и между ног поднялась, когда она поцеловала его в шею и провела руками по его коротким густым волосам.

Она погладила его.

И его дыхание стало громче.

Стянув футболку Тома со спины Мака, она посмотрела на его широкие загорелые плечи и мускулистый живот. Провела пальцем по его соску и увидела, как он напрягся.

В эти дни Том занимался сексом слишком быстро, слишком отстранено. Как будто это рутинная работа, или если бы это был только его собственный опыт. Как будто ее там нет или, по крайней мере, не должно быть.

Она подумала о бывшей девушке Мака и задалась вопросом, думал ли он тоже о ней. Насколько ее тело отличалось от тела девятнадцатилетней Хейли? Настолько старше она казалась обнаженной?

Мак поднялся над ней и запустил пальцы в ее волосы.

— Ты уверена, что хочешь это сделать? — прошептал он.

— Уверена, — прошептала Рейчел в ответ. И она была. Почему нет? Том изменил ей. Почему она не могла? Мечь, думала она, поможет исцелить ее сердце.

Прикосновение Мака успокаивало. Почему Хейли бросила кого-то такого милого, такого заботливого? Мак был очень мужественный, но все равно оставался теплым, нежным. Таким, что Том никогда больше не станет, да и не был с самого начала.

Руки Мака были повсюду. И ее приятно удивило каким твердым он был. Она погладила его сильнее, быстрее. Задаваясь вопросом, принимала ли его девушка во внимание потребностям Мака, она опустила, ее лицо оказалось параллельно его груди, затем его животу.. его бедрам. Затем, наконец добравшись до места назначения, она заставила его застонать еще громче.

***

Второй раз оказался другим, менее нежным. Рейчел могла сказать, что он гораздо

меньше нервничал, и задумалась, не сдерживался ли он в первый раз. Может быть, он думал о ней как о тридцатилетней, новом опыте, и теперь понял, что возраст — это именно то, что и есть, неумолимое число.

Он был лучше, чем когда-либо был Том. Мак двигался дольше и с гораздо большей интенсивностью.

Теперь Рейчел лежала, вытянув шею. Мак закинул ее руки за голову. Он поцеловал ее в шею, ключицу, затем спустился к груди. Он оставался там некоторое время, его язык щекотал ее ложбинку. Соски. Жар и желание были сильными. Такие же интенсивные, если не больше, чем в их первый раз.

Он поднялся, чтобы снова поцеловать ее, и она обняла его за спину. Его кожа ощущалась более гладкой, чем у Тома, даже когда Тому было столько же лет. Более плотная, более эластичная, более загорелая. Его тяжелое дыхание раздавалось теперь рядом с ее ухом. Оно снова пахло жвачкой, всегда пахло жвачкой. Когда он ее жевал? Почему она не видела, как он засунул ее в рот? Он начал опускаться ниже, и Рейчел рассмеялась.

Его губы внезапно снова оказались у ее уха.

— Ты в порядке? — прошептал он.

— Да, более чем, — сказала она, понятия не имея, почему рассмеялась. Она не хотела этого делать. Смех был как-то связан с облаком, образовавшимся в ее голове от вина. Облако, которое смягчало ее мысли, притупляло их острые, как бритва, когти.

Мак наклонился, поцеловал ее в живот и медленно спустился ниже. Используя длинные, твердые движения языка, он тщательно исследовал ее своим ртом. Когда она начала извиваться, не в силах больше терпеть, он прижался бедрами и вошел в нее.

Потом они спали на боку, их ноги переплелись, большая рука Мака обнимала ее. Они спали долго и крепко. На этот раз сон Рейчел был спокойным и непрерывным. Ее сны были о дождевых облаках. Нежные, очищающие, большие волнистые белые облака. И она ничего так не хотела, как чтобы они просто поглотили ее.

Рейчел проснулась от солнечного луча, танцующего на ее веках. Мак тихо похрапывал, повернувшись к ней гладкой спиной. Она села и повернулась лицом к окну... и вздрогнула.

Кто-то заглядывал внутрь.

Это был Том.

Глава 48

К тому времени, как Рейчел надела халат и вышла из спальни, Том был уже на кухне, открывая шкаф. Он небрежно вытащил стакан и не торопясь наполнил его водой.

— Думаю, мы квиты, — пробормотал он.

Глаза Рейчел сузились.

— У меня такое чувство, что мы далеки от равенства, Том.

Они вдвоем молча стояли на кухне, Том пил воду, которую только что налил, а она не находила слов. Она ждала чувства вины... раскаяние... что он ударит ее. Но ничего подобного. Во всяком случае, Рейчел чувствовала себя лучше, чем когда-либо за долгое время. Переспав с Маком, она каким-то странным образом раскрыла глаза. Он был добр к ней, нежен, заботлив. Она снова почувствовала себя желанной и женственной и поняла, что отсутствие желания в их браке не было ее виной.

Но в чем ее вина, так это в том, что все ее внимание сосредоточилось на Томе, и где-то

на этом пути она перестала любить себя.

— Ты, должно быть, удивляешься, почему я вернулся так рано? И без детей? — сказал Том.

Да, она была удивлена.

— Почему?

— Потому что хотел поговорить с тобой.

— О чем? — спросила Рейчел, накидывая халат на бедра и садясь за стол

— Ну, похоже, я пришел домой и обнаружил, что ты спишь с восемнадцатилетним...

— Двадцать один, — перебила она. — На два года старше той маленькой шлюшки, с которой ты трахался.

Том ухмыльнулся.

— Вполне справедливо. В любом случае, я пришел домой, чтобы мы могли поговорить. Разговор давно назрел. Но теперь, — сказал он, снова наполняя свой стакан, — я просто позволю своему адвокату вести переговоры. Достаточно справедливо?

Рейчел никак не отреагировала. Без эмоций она сказала:

— Ты просто сделай это, Том. И скажи ему, чтобы он все ускорил. Я и так потратила слишком много времени впустую.

И она не шутила.

***

Семь часов спустя Рейчел опустилась на четвереньки на керамическую плитку. Она уронила бокал, и теперь он лежал зазубренными осколками перед раковиной. Она поспешно собрала кусочки, бросив их в мусорное ведро. Дети только что вернулись домой, и она не хотела, чтобы они видели, что она пила.

Рейчел знала, что секрет пьянства в том, чтобы знать, когда остановиться, но она не могла овладеть этим трюком всю свою жизнь. Единственный способ, который позволял ей не пить слишком много, — это когда она не пила вовсе. Она даже не уверена, почему выпила сегодня. Она чувствовала себя такой сильной после разговора с Томом.

Выпивка. Это проблема, с которой она скоро разберется. Но по одной вещи за раз.

Она вытряхивала коврик, когда вошла Келси и устала на нее.

— Что? — спросила Рейчел, защищаясь.

Келси вела себя странно. Более странно, чем обычно. Она болталась в гостиной со своим братом, когда обычно убегала в свою комнату, если только ее не заставляли проводить время в местах общего пользования.

Рассказывал ли ей Том что-нибудь о том, что он видел? Он был свиньей, но, конечно, он бы этого не сделал.

Келси придвинулась ближе. Она посмотрела на открытый мусорный бак и осколки стекла, которые лежали сверху.

Рейчел приготовилась возражать, если Келси снова заметит, что она пьет. В последнее время это был главный аргумент ее дочери.

— Я видела мужчину на заднем дворе, мама, — наконец сказала Келси.

— Когда? — Рейчел уронила коврик.

— Той ночью. — Келси села на барный стул. — И это было действительно странно. Он смотрел на наш дом. Он, вроде как, смотрел на него очень долго.

— Где ты была?

Ее дочь на мгновение заколебалась.

— В лесу. Я возвращалась домой и увидела его во дворе.

— Почему ты была в... — Рейчел остановилась. Келси разговаривала с ней впервые за несколько недель. Она не могла заставить ее обороняться. Ей нужно все выяснить об этом человеке. — Ты узнала его?

— Нет. Было слишком темно. Все, что я могу сказать, это то, что он высокий, — сказала ее дочь, потирая тыльную сторону одной из рук. — Мам, этот парень жуткий. Он действительно напугал меня.

Рейчел потянулась к телефону на стене. Она была в ярости. Она снова звонила шерифу. Она подаст в суд на департамент за то, что они не сделали ничего после ее первого обращения.

— Мама?

— Что, дорогая?

— Я, э-э... — проговорила она, затем остановилась. Келси посмотрела в глаза Рейчел, взгляд ее глаз был почти мягким.

Почти.

— Есть кое-что еще.

Рейчел отметила, что обычный гнев в глазах Келси исчез. На его месте появилось то, что казалось замешательством.

Рейчел положила трубку. Это из-за Мака? Итак, Том сказал ей. Вот дерьмо! Внезапно ей стало стыдно.

— Что, детка? Давай, ты можешь мне рассказать, — сказала она, готовясь.

Голос Келси звучал мягче, чем за весь год, когда она заговорила.

— Почему ты остаешься с папой?

Рейчел моргнула.

— Что?

— Я знаю, что он сделал. Все знают, мама. И он обращается с тобой, как с крысиным дерьмом. Он не приходит домой. Он даже не пытается с тобой прилично разговаривать. Так почему же ты остаешься с ним?

Рейчел не находила слов.

Келси засунула руки в передние карманы джинсов и уставилась в пол, чтобы не встречаться взглядом с матерью.

— Раньше ты была такой сильной, мама. Что с тобой случилось?

***

Рейчел смотрела, как кровь стекает в канализацию. Ее было очень много. Слишком.

Она порезала внутреннюю сторону руки, подбирая пропущенный осколок от разбитого бокала с вином. Теперь она поливала руку прохладной водой. Шериф направлялся сюда, чтобы получить показания от нее и Келси. Все окна в доме были проверены, и она проинструктировала детей держать двери закрытыми. Но Рейчел все равно чувствовала, что в доме им небезопасно.

Ей было стыдно. Слова Келси задели ее сильнее, чем когда-либо задел... даже Том. Ее дочь права. Рейчел потеряла себя и больше не была такой сильной, как когда-то.

Неудивительно, что семья так сильно отделилась друг от друга.

А теперь появился этот странный человек. Он не был плодом ее воображения. Она должна защитить своих детей. Ей приходилось делать так много вещей по-другому.

Она быстро перевязала руку, затем взяла трубку. Ее рука дрожала, когда она набирала

номер телефона, который давно не вспоминала. Через несколько мгновений кто-то снял трубку на другом конце.

— Мама? Это Рейчел, — сказала она, смахивая слезы. — Дети и я... мы собираемся приехать в Феникс на некоторое время, если ты не против.

Глава 49

На следующий день после обеда Эрика сидела на тротуаре у закусочной с бутербродом с сыром и холодной кока-колой. Она прижимала холодную банку ко лбу и шее.

Красные муравьи копошились в трещинах тротуара и в гравии, взясь с крошкой от бутерброда. Она наблюдала за ними некоторое время, пока белое сияние тротуара не стало таким ярким, что она почувствовала, как оно обжигает ее глаза сквозь дешевые солнцезащитные очки. Она вытянула перед собой стройные ноги и крепко зажмурилась.

Эрика была сбита с толку тем, что увидела двумя вечерами ранее. Когда она остановилась у миссис Андерсон, надеясь задать ей вопрос, грузовик Мака был припаркован перед ее домом. Ей было слегка любопытно, когда она увидела грузовик, но по мере того, как она ждала, это становилось все более странным, что он был там. Тем более что Том Андерсон, похоже, отсутствовал.

Пока она ждала, она нашла качели на заднем дворе. Они стояли достаточно далеко, чтобы быть погруженными в темноту, и Эрика была уверена, что ее не увидят. Она сидела на качелях и смотрела на дом еще долго после того, как погас свет.

У этих двоих был роман? Нет, этого не может быть. Это просто не имело смысла. Она подумала о Хейли.

Грохот восемнадцатиколесного грузовика стал ближе, и она открыла глаза. Буровая машина въехала на гравийную стоянку, и после некоторого хриплого грохота двигатель заглох. Водитель вышел в пыль, поднятую грузовиком. Он улыбнулся ей.

Сквозь темные очки она посмотрела на него в ответ.

Почему мужчины ведут себя так по-детски? Особенно дальнбойщики, которые готовы флиртовать со всем, что движется. Неужели они всегда так стремятся рисоваться перед женщинами? «Что было первым, — подумала она, — желание пофлиртовать или водить большие грузовики?»

— Привет, — сказал мужчина, подходя к зданию. Он приподнял грязную бейсболку и улыбнулся.

Она не сводила с него глаз, пока он не прошел мимо, ее легкие наполнились дизельным выхлопом и пылью. Эрика снова закрыла глаза и пожелала оказаться в городе, где была ее мать. Воздух, наполненный ароматами экзотической еды, смешивается с выхлопными газами пробок и остановок. Ни грамма пыли с проселочной дороги в поле зрения.

Она хотела услышать звуки города. Машины сигналият, люди зовут такси, музыканты на углу играют на гитарах или, может быть, на скрипках, мелочь со звоном падает в корзины с деньгами, разложенные перед ними. Уличные фокусники, окруженные толпами людей с открытыми ртами, охающими и благоговеющими перед поразительной магией, свидетелем которой они стали. Видеть проституток, расхаживающих по улицам, их сутенеров, затаившихся, курящих сигары и пересчитывающих свои деньги в тени гигантских зданий.

Каждый отличается своей индивидуальностью. Они даже горды быть особенными. И Эрика поняла бы, что наконец-то на своем месте.

Глава 50

Хейли схватила тростниковый шест с его места в заросшей, кишасей осами траве и осторожно ступила на небольшой прямоугольный пирс позади дома Эрики.

Большинство семей в Гранд-Треспассе жили на участках, примыкавших к протоке. У большинства имелись только небольшие пирсы, расколотые и искореженные десятилетиями солнца Луизианы, дерево выступало в странных местах от гнили. Обстановка у Эрики ничем не отличалась. Она жила в маленьком белом дощатом домике с черными ставнями и черной дверью, бетонным пяточком для машины и длинной подъездной дорожкой, посыпанной гравием.

Стройные ящерицы сновали вверх и вниз по сайдингу, некоторые довольствовались солнцем, другие проскальзывали в щели ставен, чтобы вздремнуть в тени.

За двором плохо ухаживали. Ряд мертвых кустов, выгоревших на летнем солнце, тянулся вдоль фасада дома. Заплесневелая ореховая шелуха валялась повсюду в высокой траве, и Хейли насчитала четыре осиних гнезда за те несколько минут, что пробыла там.

— Твой отец когда-нибудь подстригал эту траву? — спросила она, вытирая пот со лба. Было уже больше шести часов вечера, а воздух все еще казался тяжелым от жары и влажности. Она села, и жар от сухого дерева обжег ее голые ноги сзади.

Эрика сидела в шезлонге, склонившись над блокнотом. На ней был выцветший желтый топ и обрезанные спортивные шорты. Капли пота блестели на ее крошечных медных плечиках.

— Иногда. Зависит от того, есть ли у него в этот момент шлюха или нет. Когда есть, трава становится довольно высокой.

Хейли посмотрела на Эрику, разглядывая ее миниатюрную фигурку, длинные густые ресницы и слегка угловатое лицо... и пожалела, что не похожа на нее.

Ей нравилось, как девушка склоняется над своей работой, иногда морщит лоб, глубоко задумавшись. То, как она беззвучно шевелила губами, размышляя над тем, что написала. Она находила ее силу и простоту ошеломляющими.

Тиффани была великолепна, но она была женственной и нарядной: тщательно уложенные волосы, умело нанесенный макияж. Но для Хейли естественная девушка рядом с ней, с ее острым как бритва умом, сосредоточенным хмурым взглядом и блестящим потом, казалась такой же красивой. Но, возможно, самое привлекательное в ней то, что она знала, кто она такая. Как будто действительно знала. Хейли завидовала ей в этом.

— Я не знаю, почему мы никогда не тусовались раньше. Мы всегда жили так близко, — сказала она.

— Тиффани, — решительно заявила Эрика. — Из-за нее.

Хейли ничего не сказала, зная, что Эрика права. Сунув руку в пластиковый стаканчик, она загнала в угол пухлого сверчка и вытащила его. Положила его на спину и воткнула крюк в жесткую броню его груди, наблюдая, как белая слизь сочится на ее ободранный ноготь большого пальца. Глядя на его извивающееся тело, его антенны, изогнутые в том, что могло быть только страхом, она почувствовала волну вины. Она быстро опустила леску в воду, отправив сверчка под мутную поверхность.

С глаз долой, из сердца вон.

Она провела ногтем большого пальца по краю пирса, освобождая слизь, и посмотрела,

как красно-белый поплавок плавает на мутной поверхности воды и мягко подпрыгивает на теплом ветру. Через некоторое время Хейли передвинула леску ближе к дамбе.

— Мы с Маком расстались, — пробормотала она.

Эрика оторвала взгляд от блокнота и наклонила голову, как сделала бы любопытная собака. Но она не выглядела удивленной.

Хейли поставила свою удочку на пирс и повернулась лицом к девушке.

— Неделю назад я впервые поймала его на лжи. Это было глупо, правда, но все равно ложь. И знание того, что он солгал об одном, заставляет меня задуматься, лжет ли он о других вещах, понимаешь? — Она вздохнула. — Затем я на днях нашла кое-что принадлежащее Тиффани в его грузовике и вышла из себя. Он сказал, что подвез ее за неделю до того, как она исчезла, и что она, должно быть, уронила. Ты могла бы подумать, что с таким объяснением я почувствую себя хорошо, но это не так.

Хейли снова задумалась над сценарием. Мак и Тиффани вместе, одни, и съезжилась. Она покачала головой.

— Я не знаю, могу ли ему дальше доверять.

— Она ведь ему не нравилась?

— Нет, он ее ненавидел. Ну, по крайней мере, он так говорил. Я так растеряна. Все просто так безумно. Сначала, мой отец. Потом моя мама и Бекки. Потом Тиффани. Телефонные звонки с розыгрышами. Теперь Мак. Я чувствую, что могу сойти с ума в любую секунду. Просто сорвусь и сойду с ума.

Эрика скрестила свои стройные ноги и опустила их на пирс. Она наклонилась вперед.

— Так, о чем он солгал?

— Порножурналы.

— Фу. У моего отца тоже есть такие, — сказала Эрика.

— Но Мак всегда говорил мне, что ему нравятся порядочные женщины и что он ненавидит порнографию. И все же я нашла один в его грузовике. По-настоящему грязный. Это просто заставляет меня задумываться о самых разных вещах. Может быть, я просто параноик, но мне интересно, могло ли что-то произойти между ним и Тиффани за моей спиной. Я имею в виду, у меня никогда не было причин не доверять ему или думать, что он изменит мне, но сейчас... я не знаю. Не могу выкинуть эту идею из головы.

Мимо проплыла стая уток. Опасаясь двоих, сидящих на пирсе, утка-мать пронзительно крикнула своей группе утят, предупреждая их держаться поближе.

Хейли взглянула на Эрику и увидела странное выражение на ее лице.

— Что? — спросила Хейли.

Эрика с минуту помолчала, наблюдая за утками.

— Думаю, что должна тебе кое-что рассказать. Что-то, что тебе не понравится, — сказала она. — Это насчет Мака.

***

Было два тридцать, и, как всегда, Хейли не могла заснуть. С дымящейся чашкой чая в руке она выключила свет на кухне и вышла на крыльцо.

Во дворе висела тонкая пелена тумана. Бледный лунный свет заливал центр протоки. Она свернулась калачиком в кресле-качалке и попыталась во всем разобраться.

Тревога, от которой она проснулась, была парализующей и настойчивой. Эрика сказала, что видела Мака у Рейчел Андерсон. Поздно вечером, а ее мужа не было дома. У этих двоих роман? Если да, то, когда это началось? Несколько недель назад? Месяцев? Хейли начинало

казаться, что она никогда по-настоящему его не знала.

Она также только что обнаружила, что ни ее матери, ни Бекки нет дома, и она понятия не имела, где они обе.

Сипуха крикнула, и она посмотрела туда, откуда донесся звук. Она напряглась, увидев, как что-то движется в темноте гаража. Кто-то... шел к ней.

Не в силах пошевелиться, Хейли затаила дыхание, когда он подошел ближе... теперь всего в нескольких футах от того места, где она сидела. Непрошенный образ лица Тиффани промелькнул перед ее мысленным взором.

От ужаса ее чашка с чаем выпала из руки и разбилась о бетон. Грохот разрушил окружающие ночные звуки, и все стихло. Она втянула в себя воздух.

***

Несколько минут спустя Хейли уставилась на Чарльза. Он сидел на качелях, его плечи поникли, руки были сцеплены вместе. Но вместо того, чтобы казаться чрезмерно встревоженным, как в последний раз, когда она видела его, он просто выглядел измученным. Сдавшимся. Темные круги обрамляли его глаза, а лицо казалось опухшим. Несмотря на это, он выглядел намного хуже, чем во время своего последнего визита.

— Как ты держишься? — спросил он, и электрический уничтожитель насекомых позади него испепелил несчастного комара.

Хейли рассмеялась, удивив даже саму себя.

— Похоже, что хорошо?

Она уставилась на него, не зная, что ответить.

— Ты выглядишь не очень, — сказал он.

— Ну, не я одна.

Последовало долгое молчание.

— Знаешь, я все еще ищу ее, — признался он. — Я не могу спать, не зная. Хиберт и говнюк Гитро ни черта не делают. Все их расследование кажется куском дерьма.

Она подумала о том, что сказала Ким в закусочной пару дней назад. Чарльз навещал шерифа через день с тех пор, как исчезла Тиффани. Так часто, что шериф приказал ему остановиться. Пусть закон делает свою работу. Ким сказала, что Чарльз не очень хорошо отреагировал на слова пожилого шерифа, и что произошла ссора.

— Она была моей жизнью, Хейли. Моей гребаной жизнью. — Он рассмеялся, но на его лице отразилась боль. — Я думаю, что остался в дураках, да?

Хейли устала и больше ничего не хотела, кроме как забраться в постель и вырубиться. Но даже в этом случае она знала, что не сможет этого сделать.

— Это действительно сказывается на моей маме, — сказал он. — Она переживает что меня обвиняют в исчезновении Тиффани, да еще и в колледже с ней стали дерьмово обращаться. Шепотки за ее спиной, пристальные взгляды... — Мать Чарльза входила в штат охранников в Кавелье-де-ла-Саль. — Люди останавливаются перед домом и кричат гадости, — продолжил он. — Черт возьми, кто-то даже бросил кирпич в окно нашей гостиной прошлой ночью. Моего младшего брата ударило каким-то стеклом. Это становится уже слишком. Слишком чересчур.

Он откинулся на спинку кресла и вздохнул.

— Она замечательная женщина, Хейли. Ты знаешь, она оставила все в Новом Орлеане, чтобы перевезти нас сюда. Ее друзья детства, ее сестра, хорошая работа. Просто чтобы убедиться, что со мной и моим братом будет все в порядке. И должно же было это случиться,

— сказал он, его левый глаз подергивался. — Иногда я думаю, что для нее все стало бы намного лучше, если бы меня не было рядом.

Три вспышки молний пронзили небо, как беззвучные крики. Все в этой ночи стихло. Даже сверчки.

— Я не знаю, сколько Тиффани тебе рассказала, но я вляпался в кучу неприятностей в Новом Орлеане. Пошел по неверному пути. Связался не с той компанией. Создавая много хаоса в ее сердце. Мама всегда любила меня. Знаешь, настоящая любовь. И я всегда был таким огромным разочарованием.

— Забавно, что я был чист уже больше года, а теперь меня подозревают в том, что я совершил что-то гораздо худшее, чем я когда-либо даже думал делать. Это просто бред какой-то.

— Мне жаль это слышать, — сказала Хейли, понимая, что ее слова звучат безнадежно пусто, но не зная, что еще сказать. Она смотрела перед собой, ничего не видя.

Они долго сидели вместе в тишине. Внутри дома ледогенератор на кухне выпустил кубики льда, и Хейли услышала, как они со звоном упали на пластиковый поднос.

Ее веки начали опускаться.

Чарльз наклонился вперед, и цепи, поддерживавшие качели, запротестовали.

— Хочешь знать, зачем я пришел сюда сегодня вечером?

Хейли повернулась к нему, ее глаза остекленели.

— Потому что, даже если никто другой в мире этого не сделает, мне нужно, чтобы ты мне поверила. Поверила, что я никогда, никогда не причинил бы вреда Тиффани. Ты была ее лучшей подругой, Хейли. Мне необходимо, чтобы ты поверила.

Глава 51

Позже тем же вечером у него разболелась голова. В ней было слишком много мыслей, и все они боролись за его внимание. Они бились в мягкие, хрупкие стены его разума, колотились так сильно, что казалось, будто череп меняет форму. Его мать продолжала кричать на него. С каждым днем мыслей становилось все больше и больше, и он был близок к тому, чтобы развалиться на части.

Он купил новые журналы и не мог достаточно быстро разорвать страницы. Схватив как можно больше глянцевого страниц, он вырвал их из переплета: картинки, реклама, карикатуры, фотография одеколона. Он рвал до тех пор, пока переплет не стал полностью голым.

Схватил другой журнал и начал его кромсать. Изображения красногубых, с глазами лани, грязных женщин усеивали его пол, их лица и тела были разорваны на куски. Они смотрели на него тупыми взглядами. У них были глаза мертвецов. Когда его руки начало сводить судорогой, он остановился и лег у стены напротив своей кровати. Он попытался вспомнить, как был внутри дома Андерсонов и как хорошо это было. Но не мог. Его мать кричала слишком громко.

Над его головой кто-то скребся. В окно. Йен. Он крепко зажмурился. Желание убивать стало таким навязчивым. Он чувствовал себя таким спокойным после Тиффани, таким спокойным после своей матери. После их смерти его головные боли и кошмары утихли... на некоторое время. Он чувствовал себя почти нормально.

Но он не был нормальным. Он никогда не будет нормальным.

Он начал терять самообладание, его маска медленно сползала. Дочь этой женщины видела его в лесу. Между ними стоял дуб, и он видел половину ее лица. Было темно, и он надеялся, что она не разглядела его хорошенько, прежде чем убежать. Но вполне возможно, что ей это удалось.

Тиффани тоже начала кричать. Каждую ночь с пруда доносились ее крики, такие громкие, что он мог слышать их из своей спальни. Они пытались втянуть его в неприятности. И они это сделают. В конце концов, пройдет не так уж много времени, прежде чем они точно выяснят, кто он такой. У них, вероятно, уже была хорошая идея.

В маленькой комнате было тесно, и его душила затхлость. Не обращая внимания на Йена, он пошел на кухню и достал пиво из холодильника. Затем перешел в гостиную. Надеясь, что пиво успокоит, он залпом выпил его.

В стенах зазвенели трубы. Элли дома. Ему придется уйти. Он потянулся за ключами от грузовика, но было слишком поздно. За его спиной послышались шаги Элли, и комнату наполнил резкий запах. Она распылила духи. Он попытался подавить чихание, но оно все равно вырвалось.

— Будь здоров, — сладко проговорила она. Сестра обошла диван и теперь стояла перед ним, загоразживая телевизор. Синее полотенце, испещренное пятнами, было свободно обернуто вокруг нее. С ее волос капало, и она накрасила губы ярко-красной помадой.

Элли поджала губы.

— Ну, — поддразнила она, — думаешь, у твоей маленькой подружки тело лучше, чем у меня?

Он не смотрел на нее. Йен последовал за ним к передней части дома и теперь сидел у окна гостиной, скребя блохастой лапой по запачканному стеклу.

Ее тон стал холодным.

— Я задала тебе вопрос.

— Прекрати это.

— А что, если я не захочу?

Он молчал.

— Я всего лишь делаю тебе одолжение, ты же знаешь. Это потому, что мне тебя жаль. Мама была права. Ты жалок.

Он бросил на нее быстрый взгляд и увидел, что она снова ухмыляется. На мгновение он вспомнил старые времена. Маленькая девочка с грязным лицом, похожая на сорванца с косичками и в маленьком полосатом бикини, плавает с маской в канаве на переднем дворе, ловит раков и головастика.

Она часто ходила за ним к пруду и в лес. Она была его маленькой поклонницей. Но это было так давно. Та Элли умерла и исчезла.

— Послушай, это для тебя. Все это. — Полотенце упало прежде, чем смог отвести взгляд, и он увидел ее обнаженное тело. Ее голую грудь, полную и упругую. Ее тонкую талию и плоский, гладкий живот. — Ты можешь взять это, ты ведь знаешь, — соблазнила она. — Это лучшее, что у тебя когда-либо будет.

На долгое мгновение его глаза были прикованы к ней, и он не мог дышать.

Она была... прекрасна.

Пиво быстро скисло у него в животе.

— Господи! — заорал он, швыряя свое пиво через всю комнату. Бутылка разбилась об окно гостиной, и стекло разлетелось вдребезги.

Она скривила лицо.

— Я знаю, что ты хочешь меня! — крикнула она. — Все хотят меня, разве ты не в курсе?

Борясь с желанием трясти ее обнаженное тело до тех пор, пока она не перестанет дышать, он вскочил с кресла и выскочил за входную дверь. Он должен уйти. Далеко-далеко отсюда... все.

***

Ветви хрустели, когда он пробирался по сырому лесу. Над ним пронзительно кричали совы. Он проклинал сов и голоса с пруда.

— Как я могу слышать вас отсюда? — он кричал в ночь. — Оставьте меня в покое, вы, гребаные суки!

Они так много кричали, слишком много. Его мать злилась еще больше, чем когда-либо. Она хотела, чтобы ее нашли. Она хотела отомстить. Тиффани испугалась. Она продолжала визжать, спрашивая, где она. Она плакала, что ей нужно домой.

Иногда, в редкие моменты, он мог улыбнуться их боли. Боль, то, чего они никогда раньше не знали. Но сейчас он не улыбался. Он поднял сосновую шишку и подбросил ее в воздух в тщетной попытке заглушить крики сов.

Что-то зашуршало у него за спиной. Он повернулся и присел, готовый свернуть Йену шею, если бы тот последовал за ним. Но он ушел без фонарика, а кустарник был таким густым, и ночь была слишком темной, чтобы он мог разглядеть даже свои собственные руки.

Он долго ждал и ничего не услышал, поэтому снова двинулся вперед, стиснув зубы.

Если бы только Элли знала, на что он способен. Если бы только она знала, как близок он был к тому, чтобы сделать с ней что-то невыразимое. То, за что он никогда себя не простит.

Пятнадцать минут спустя он был на поляне. Его сердце трепетало под всем этим шумом в голове. Дом Андерсонов был освещен, и кто-то был в гостиной. Именно на это он и надеялся.

Ему не нравилось, когда они рано ложились спать. И когда они были далеко от дома. Он нуждался в них, разве они не знали об этом? Ему нужно, чтобы они находились рядом.

Он боком прошел мимо качелей. Отец был в гостиной и с кем-то разговаривал. Они стояли лицом друг к другу.

Он опустился на землю, ночная земля холодила его футболку. Он увидел, как они обнялись, а потом...

Его тело напряглось. Ярость пронзила череп, и мысли вернулись, все закрутилось у него в голове. Он вскочил.

Его мать закричала: «Я же говорила тебе, что они не такие уж, бл*ть, идеальные!»

— Нет! — крикнул он, и его вопль отразился от деревьев. Он стоял в темноте, пытаясь набрать в легкие воздуха.

Теперь из высокого прямоугольного окна выглядывали два лица: муж Рейчел, Том, и девушка, которая до прошлого года присматривал за сыном Рейчел в качестве няни.

Ночь залило светом, и Том вышел через заднюю дверь.

— Эй? — сказал он. — Здесь кто-то есть?

Он попятился ближе к лесу, укрываясь в неизвестности ночи.

Том неуверенно шагнул вперед. Один шаг, два шага.

— Я вижу, как ты стоишь там, — сказал он, опустив руки по бокам. — Я тебя знаю?

Он попытался вздохнуть. Воздух просачивался в его легкие, как будто его пропускали

через трубочку.

— Я сейчас пойду и позвоню шерифу. Ты не можешь этого делать, ты же знаешь. Стоять во дворах у людей. Смотреть в их окна. Это то, что ты делал, верно?

— Ты хоть понимаешь, что ты, твою мать, творишь? — закричал он.

— Прощу прощения? — проговорил Том.

— Как ты мог так поступить с ней? — он взревел.

Мужчина замолчал. Когда он заговорил в следующий раз, его голос потерял обвинительный тон.

— Кто ты? — спросил он серьезно. — Мы знаем тебя? Ты знаешь Рейчел?

Глава 52

Хейли удивилась, увидев светловолосую женщину, сидящую в гостиной Эрики в четверг вечером, когда они вошли в дом.

Комната была скудно обставлена. Помимо кожаного дивана масляного цвета и кофейного столика, единственными другими предметами обстановки в комнате были чучело оленьей головы в углу и пустой аквариум на потрепанной деревянной подставке.

— Ну наконец-то, — воскликнула женщина, отрываясь от книги в мягкой обложке. Ее лицо расплылось в теплой улыбке. — Ты привела домой подругу!

Эрика проигнорировала ее и повела Хейли по коридору.

Хейли неловко улыбнулась женщине и последовала за Эрикой.

— Кто эта женщина? — спросила Хейли, оказавшись в комнате Эрики.

— Не важно, — пробормотала Эрика, ставя свой рюкзак на пол. Она расстегнула его и вытащила две бутылки вина и пенопластовую коробку, в которой лежали жареные устрицы по-бой и куча сморщенной картошки фри, которую они взяли со своей смены в закусочной «Люка».

Хейли оглядела маленькую спальню. Она была примерно такого же размера, как у Бекки, и в ней имелось маленькое окошко, закрытое тусклыми шторами цвета бисквита. Коричневый ворсистый ковер покрывал пол, а на столе орехового дерева стоял древний компьютер.

— У тебя много книг, — заметила Хейли, уставившись на книжную полку во всю стену.

— Да, — сказала Эрика. — Я читаю все, что могу достать. Моя мама тоже так делала. Большинство из них на самом деле принадлежат ей.

Другая стена была увешана газетными вырезками.

— Что это такое?

— Списки бестселлеров «Нью-Йорк таймс», — ответила Эрика.

— Вау, это, должно быть, за целый год.

— Пять. За пять лет.

Хейли шмыгнула носом и скорчила гримасу.

— В доме так пахнет...

— Краской?

Хейли кивнула.

— Да, пары краски.

— Эта девка не может прекратить красить. Я думаю, ей начинает надоедать мой отец или что-то в этом роде. — Эрика закурила сигарету. Она сделала долгую затяжку, затем

осмотрела ее, прежде чем передать Хейли. — Она переделывает теплицу моей матери обратно в зал для аэробики. Ты можешь в это поверить?

***

Час спустя Хейли, спотыкаясь, вышла в коридор в поисках туалета. Она сильно смеялась над чем-то, что сказала Эрика, над чем-то, чего она даже не могла вспомнить. Что-то, что, возможно, даже не было забавным.

В туалете лежала закрытая книга о том, как готовить блюда средиземноморской кухни, в середине которой была воткнута ручка, а к унитазу были прислонены две набитые косметички.

Она чувствовала себя одурманенной. Они с Эрикой прикончили полторы бутылки вина и, разговаривая, выкурили бесчисленное количество сигарет. И теперь она расплачивалась за это. Все начало кружиться, и Хейли почувствовала себя немного больной.

Когда она, спотыкаясь, вышла из ванной, то увидела симпатичную блондинку, прислонившуюся к стене коридора.

— Она ведь ненавидит меня? — спросила дама с очень добрым выражением лица.

Хейли моргнула и потянулась, чтобы ухватиться за стену.

— Э-э... я не... я не знаю, — сказала она как можно внятней.

Женщина грустно улыбнулась.

— Я пытаюсь стать ей другом, но, думаю, это сложно, когда ты не нравишься. И, вероятно, не помогает то, что я встречаюсь с ее отцом. Особенно учитывая, что ее мать сбежала из города и все такое, когда она была такой маленькой. И то, что она любит свою мать как никого другого в мире, тоже играет свою роль.

— Наверное, — согласилась Хейли и сильнее прижалась к стене. — Я... кстати, Хейли, — сказала она. — Я... немного пьяна.

Женщина от души рассмеялась.

— Памела, — представилась она и протянула мягкую руку.

— Вы, девочки, голодны? У меня в холодильнике есть жаркое и немного бурого риса, я могу разогреть.

— Нет спасибо. Мы уже... поели.

— О, хорошо, — она улыбнулась. — Ну если вы передумайте...

— Спасибо.

Она посмотрела на пальцы ног Хейли.

— В любое время, когда захочешь сделать педикюр, я буду рад им заняться.

Некоторое время они стояли молча, тупо улыбаясь друг другу.

— Ну, мне лучше вернуться.

— Да, конечно. Приятно было познакомиться, дорогая. Очень.

Хейли, пошатываясь, вошла в спальню Эрики, где было темно, если не считать трех зажженных свечей и маленького книжного светильника, прикрепленного к одной из книг Эрики. Эрика повернулась, чтобы посмотреть на нее, и книжный светильник тоже задвигался, отбрасывая длинную тень через комнату. В ногах кровати колыхался напольный вентилятор, и в комнате было приятно прохладно.

Хейли нырнула под одеяло.

— Ты с ней разговаривала? — спросила Эрика и включила лампу.

— Ага. Она кажется... милой.

— Ну, на твоём месте я бы не стала с ней слишком много болтать. Ты рискуешь

подхватить ее глупость.

Хейли рассмеялась и плотнее завернулась в одеяло. Она протянула руку и схватила холодную хрустящую картошку из пенопластовой коробки, затем перевернулась лицом к Эрике. Некоторое время разглядывала крошечные черты лица подруги, прежде чем заговорить.

— Ты когда-нибудь задумывалась, что тебя в жизни возможно окружают незнакомцы? — она спросила, садясь. — Я имею в виду, что ты на самом деле не знаешь людей, хотя думаешь, что знаешь?

Эрика потянулась за очередной сигаретой. Она закурила и затянулась.

Хейли продолжала:

— Я знаю, это, вероятно, звучит глупо или сбивает с толку.. или и то и другое. Просто мне интересно, действительно ли безопасно когда-нибудь полюбить кого-то.. или даже сблизиться с ним. Потому что в наши дни мне просто кажется, что люди даже не знают друг друга по-настоящему.. или на что они способны. Как моя мать. Я никогда бы не подумала, что она способна бросить нас. Уйдя в свои переживания, она практически сошла

с ума. И Мак. Я никогда не думала, что он способен.. лгать мне. Или изменять...

Эрика выдохнула и облизнула губы.

— Моя мама всегда говорила, что любовь — это запутанность. Если ты слишком запутаешься — ты потеряешь себя. Это просто отвлекающий маневр. Способ убежать в кого-то другого, потому что ты думаешь, что это наконец сделает тебя счастливым. Как наркотик. — Она изучала свою сигарету. — Кроме того, мы не созданы для того, чтобы быть счастливыми. Не совсем. Это просто концепция, которую кто-то придумал, чтобы сделать нас несчастными.

Хейли обдумывала слова своей подруги.

— И чтобы ответить на твой вопрос, думаю, что ты никогда не сможешь узнать кого-то, если они этого не захотят. И даже тогда они, вероятно, не пожелают, чтобы ты знала все. У каждого есть свои секреты.

Хейли почувствовала головокружение.

— Итак, что происходит с Маком? — спросила Эрика. — Надеюсь, что было нормально сказать то, что я сказала. Я просто подумала, что тебе следует знать.

Хейли почувствовала себя еще более одурманенной.

— Мы не разговаривали с тех пор, как ты мне сказала. Но я рада, что ты рассказала. Это то, что мне нужно было знать.

Они вдвоем сидели в тишине, прислушиваясь к стрекоту сверчков снаружи. Через некоторое время Эрика нарушила молчание.

— Вот, я думаю, тебе стоит прочитать это, — сказала она, протягивая свой блокнот Хейли.

Хейли взяла его и попыталась прочесть то, что было на странице. Но это оказалось трудно. Все слова прыгали вокруг, играя в злые игры с ее глазами. Через несколько минут ей удалось поймать их всех. Это было своего рода описание персонажа. И персонаж, которого Эрика описывала, казался тем, кем она сама хотела бы быть.

— О ком это?

— О тебе.

— Обо мне? Ты серьезно?

Эрика пожалала плечами, и на ее щеках появился румянец.

— Не знаю. Просто захотелось написать это, я думаю.

Брови Хейли сошлись на переносице, и она снова посмотрела на страницу.

— Но это совсем на меня не похоже.

— Поверь мне. Это ты.

— Но как ты можешь думать, что я ответственная?

— Так и есть. Ты просто проходишь через все это дерьмо. Но оно не будет с тобой надолго.

— Но откуда ты знаешь? До этого лета мы даже не разговаривали.

— Не обязательно с кем-то разговаривать, чтобы узнать людей. Все, что нужно делать, это наблюдать. Смотреть, как они себя ведут. Смотреть, как они относятся к другим.

Эрика продолжала говорить, и Хейли изо всех сил старалась сосредоточиться. Она знала, что ее подруга говорит что-то глубокое, и пыталась понять все, что могла, но... в ней было слишком много алкоголя. Опустилось облако, и все вдруг показалось невероятно далеким.

Через некоторое время Эрика замолчала.

— Ты не слишком хорошо выглядишь, Хейли. Ты позеленела.

— Хм?

— Ты выглядишь больной, — на этот раз Эрика говорила медленнее, ее голос был еще более далеким, чем раньше, как будто она находилась под водой. Она наклонилась ближе, выглядя обеспокоенной. — Тебе нужно немного отдохнуть. Мы поговорим завтра.

Хейли попыталась спросить Эрику, что она только что сказала, но та тонула в темном, благоухающем бассейне.

Она заметила, что Эрика пристально смотрит на нее. Она попыталась спросить ее, почему, но ее рот не слушался. Как и ее глаза. Каждый раз, когда ей удавалось открыть их, они снова захлопывались. И после долгих тщетных усилий, наконец, они остались закрытыми.

Глава 53

Хейли вцепилась в темноту за веками, остатки утешительного сна все еще тяжело давили на нее. Ей снился Остин. Они стояли на ее крыльце, и он наклонился, чтобы ее поцеловать. Чувства, которых она давно не испытывала, нахлынули на нее. Слабость в коленях, покалывающее возбуждение, свидетелем которых она была опосредованно через любовные сцены в фильмах или через Тиффани и ее вереницу парней. У нее были похожие чувства к Маку — просто не такие сильные — и это было замечательно, но давно. А теперь Мак ушел.

— Хейли?

Кто-то звал ее по имени. Не открывая глаз, она ощупала все вокруг. Ее рука сомкнулась на подушке. Да, она у себя дома. Тиффани... нет Эрика, отвезла ее домой.

Она знала, что если откроет глаза, то упустит момент, поэтому заставила себя вернуться в сон, чтобы продолжать чувствовать приятное физическое головокружение, охватившее ее. Тело снова начало расслабляться, и лицо Остина вернулось. Он считал ее хорошенькой, а не дурнушкой. Она ему действительно нравилась. Она погружалась все глубже, глубже, глубже.

Теперь она оказалась в закуской. Ее мать расхаживала в униформе, улыбалась и

подавала кофе. Ее волосы были уложены, и она выглядела счастливой. Остин и Мак разговаривали с ее отцом в баре. Отец откинул голову назад и рассмеялся. Этот смех. Хейли не слышала его почти год. Одна из тех приятных черт его характера, о которых она совсем забыла.

Эрика подошла к ним. «Моя мать улизнула посреди ночи, — сказала она. — Она не должна была стареть с продавцом подержанных автомобилей».

Тиффани стояла рядом с ней: «Я не могу вечно оставаться с одним и тем же парнем. Я хочу уехать из этого захудалого городка. Я хочу... я хочу... Хейли, ты скучаешь по мне?»

На этот раз голос звучал громче. Бекки.

— Хейли! Просыпаться. Эрика здесь!

Хейли в последний раз попыталась удержать сон, но калейдоскоп быстро растаял, когда кто-то громко протопал в комнату. Хейли открыла один глаз.

Бекки стояла рядом с кроватью и смотрела на нее. Эрика стояла в дверях с озабоченным видом.

— Ты в порядке? — спросила Эрика. — Похоже, мы перестарались, да?

— Я думала, у тебя сегодня смена? — прошептала Хейли. Ей показалось, что кто-то действительно сильный раздавил ей голову. Во рту у нее был отвратительный привкус.

— Эм, так и есть, — подтвердила Эрика. — Уже пять часов.

***

Два часа спустя небо приобрело глубокий голубой оттенок, цвет сумерек. Хейли смотрела на протоку с чашкой чая в руках. Она полезла в карман, затем уронила аспирин на язык, все еще ощущая привкус вчерашних сигарет.

В соседнем доме Смиты разогревали гриль, что любил делать ее отец, когда был жив. Миссис Смит заметила ее на крыльце и помахала со своего места перед грилем. Хейли помахала в ответ и закрыла глаза. В голове у нее стучало. Она больше никогда не будет курить, сказала она себе. Или выпивать. По крайней мере, не так сильно. У нее начали случаться провалы в памяти, когда она пила. Много забывалось. Эрика права. Она теряла себя. Она всегда была ответственной, и это то, чем она гордилась. Мак тоже прав. Заглушение боли не заставит ее исчезнуть. Это только затягивало дело. Она уже бежала от проблем достаточно долго.

Хейли поставила чашку на стол рядом с собой и начала раскачиваться. Ей нужно что-то изменить в своей жизни, независимо от того, поправится ее мать или нет. В первую очередь ей самой. Она не могла просто ждать, пока это сделают другие.

Услышав крики, Хейли распахнула глаза. Бекки и Сикрест бежали через двор миссис Смит. Мистер Смит, который устроился перед грилем, теперь пристально смотрел на двух девочек, когда они проскочили внутрь.

Бекки выкрикивала имя Хейли. Это казалось настолько нехарактерным для этих двоих — бегать, когда они обычно просто сидели рядом, пытаясь выглядеть круто друг для друга.

В двух ярдах от нее Бекки начала что-то говорить, но, казалось, не могла произнести ни слова. Сикрест бежал так же быстро, сразу за Бекки, ее темные волосы рассыпались по плечам.

Девушки подошли к навесу для машины.

— Ты слышала? — спросила Бекки, стоя перед Хейли, запыхавшись.

— Слышала, что? — уточнила Хейли.

— О, Господи, значит не слышала, — проговорила Бекки.

Сикрест остановилась и выпустила воздух из легких. Ее щеки были красными, как свекла.

Когда Хейли услышала, как ее сестра, наконец, выплюнула эти слова, слезы навернулись у нее из глаз.

— Этот парень, Чарльз... — повторила Бекки, словно ошеломленная собственными словами. —... покончил с собой.

Глава 54

Утро в день похорон Чарльза было дождливым и серым. Пока Хейли и Эрика брели в пыльном зеленом навесе, возвышавшемся над гробом, где сейчас лежал Чарльз, Бекки и Сикрест молча следовали за ними.

Воздух был душным, и дуб, нависавший над их участком кладбища, казалось, впитывал в себя тот немногий солнечный свет, который Бог дал им для похорон Чарльза.

Пот бисеринками выступил на лбу Хейли, и ее мысли понеслись вскачь. Она подумала о его последнем визите. Он так беспокоился о своей матери.

Он еще просил Хейли поверить ему. Она сказала, что верит, но так ли это на самом деле? Что еще более важно, поверил ли он ей?

Ее затошнило от осознания того, что Чарльза вот-вот опустят в землю. Она представила, как его бедная мать находит его на заднем дворе, безжизненного, повешенного на ореховом дереве. Какой ужасный способ уйти... и быть обнаруженным.

Она погладила кулон на шее. Может быть, в этом есть и ее вина. Если бы только она усерднее старалась понять то, что он пытался ей сказать. Поверить, что он не имеет никакого отношения к исчезновению Тиффани. Потому что он этого не делал, разве нет?

Хейли вздохнула, до сих пор не совсем уверенная.

Они с Эрикой молча стояли, пока четверо высоких чернокожих парней снимали гроб с катафалка и шли к месту последнего упокоения Чарльза. Хейли подумала о своем отце, лежащем всего в нескольких футах от нее. Подумал о Чарльзе, лежащем слишком неподвижно в своем собственном гробу.

Где-то вдалеке залаяла собака.

Мать Чарльза и младший брат направились к могиле, держась за руки. Толпа была небольшой, но Хейли задавалась вопросом, почему большинство людей, которые пришли, вообще были там. Три чернокожие женщины и четверо мужчин, без сомнения, члены семьи, стояли рядом с миссис Джонсон и Джошуа. Одна из них, пожилая женщина, что-то шептала им всем. Закончив, она обняла каждого по очереди.

В нескольких футах позади них стоял отец Джойс, пожилой мужчина, который болел с тех пор, как Хейли себя помнила. Затем были шериф Хиберт, Ким Териот и горстка горожан — некоторых она узнала по работе в закусочной, а некоторых не узнала. Они с любопытством наблюдали за происходящим. «Лицемеры», — подумала она, глядя на них. Большинство горожан пришли туда из любопытства, из-за истории с Тиффани, а не из-за своих чувств к Чарльзу. Они находились там по неправильным причинам, и она была уверена, что миссис Джонсон знала об этом. Хейли хотелось закричать на них. Сказать им, чтобы они оставили семью Чарльза в покое.

Кто-то появился у входа в лес. Детектив Гитро. На нем был черный костюм и солнцезащитные очки с зеркальными линзами. Он направился к небольшой толпе, на его

лице застыло стоическое выражение.

Хейли подошла ближе к семье. Она хотела выразить соболезнования матери Чарльза. В церкви она не смогла этого сделать. Но когда маленький мальчик начал говорить, она остановилась как вкопанная.

— Куда отправится Чарли, мама? — спросил маленький мальчик высоким голосом.

Женщина подняла голову.

— В землю, Джошуа.

У маленького мальчика отвисла челюсть.

— Почему?

— Я объясняла тебе это, детка.

Маленькое личико Джошуа сморщилось.

— Когда он вернется, чтобы жить с нами?

Миссис Джонсон взяла его маленькую ручку, и они вдвоем подошли ближе к гробу.

— Он не вернется, милый.

— Но разве он не боится?

Когда она не ответила, он прижал ладонь к глазам и тихо всхлипнул.

Хейли отступила назад, чтобы дать им возможность побыть наедине, и вспомнила сцену на похоронах своего отца и то, как ее мать бросилась на гроб.

«Нет, Дэвид! — кричала она. Нет! Пожалуйста, не оставляй нас, Дэвид!» — Она повернулась к своим перепуганным дочерям. — «Этого не может быть, девочки, — воскликнула она. — С вашим папой все в порядке. Произошла ошибка». Она плакала, когда ее уводили. «Я должна была сказать ему, чтобы он оставался в машине, — воскликнула она. Я должна была предупредить его раньше!»

Хейли моргнула, и по ее щекам потекли крупные слезы.

За ее спиной раздался знакомый голос.

— Хейли.

Она повернулась, озадаченная, увидев Мака.

— На I-10 произошла авария с четырьмя автомобилями, из-за которой меня вызвали. Мне жаль, что я пропустил службу.

Мак выглядел так, словно чувствовал себя неловко и очень устал. Его глаза были поникшими и покраснели, как всегда, когда он не выспался.

Мак кивнул Эрике, о которой Хейли даже забыла, что она стоит рядом с ней.

— Привет, — сказала Эрика. Затем она побрела к детективу.

Инстинктивным порывом Хейли было протянуть руку к Маку и обнять его. Ради всего святого, это ведь Мак. Мужчина, с которым она спала больше года. Но она не могла. И, вероятно, никогда больше не сможет. Было странно, как сильно могут измениться отношения за такое короткое время. Как сильно двое могут отдалиться друг от друга.

— Привет, Мак, — произнес мягкий голос позади них. Бекки.

Мак обнял ее.

— Ты в порядке, малыш?

Бекки кивнула.

— Где ты был? Я не видела тебя в последнее время.

Мак посмотрел на Хейли.

Почувствовав напряжение, Бекки сделала пару шагов назад.

— Что ж, приятно тебя видеть. Увидимся позже... Я думаю. — Она повернулась и ушла.

Пот выступил на затылке Хейли и на сгибе ее колен сзади.

— Он приходил как раз на днях вечером, — сказала она. — Он был так расстроен.

Лицо Мака потемнело, и он кивнул.

— Это чертовски обидно, — заметил он. — Так рано оборвать свою жизнь. Должно быть, он был несчастен. — Он прочистил горло. — В любом случае, ты в порядке?

Хейли кивнула.

— Хорошо, тогда я должен пойти выразить свои соболезнования. Увидимся. Ты береги себя. Передай от меня привет своей маме.

***

На следующее утро Хейли поехала в Сады передать корзину орхидей и домашних ореховых пралине. Она узнала старую женщину, которая стояла по другую сторону сетчатой двери с похорон.

— Привет, я Хейли. Я была другом вашего внука, — кротко сказала Хейли, не уверенная в том, упоминал ли Чарльз когда-либо о ней в своей семье. — Просто хотела принести это для его матери.

— О, тебе не нужно было этого делать, — сказала женщина и открыла дверь. Она придержала ее бедром. — Боюсь, сегодня мы получили больше красивых цветов, чем у нас есть места.

Хейли протянула ей поднос и букет, затем полезла в задний карман.

— Я записала свое имя и номер телефона. Не могли бы вы передать это миссис Джонсон и сказать, что, если ей что-нибудь понадобится, вообще что-нибудь, она может позвонить мне?

— Конечно, детка, передам, — заверила женщина. — Не хочешь зайти выпить кофе? Луиза сейчас немного вздремнула, но ты можешь войти и подождать ее, если хочешь.

Лучи позднего утреннего солнца падали на плечи и макушку Хейли. Она вытерла пот с виска и покачала головой.

— Нет, спасибо.

— Чарли не был убийцей, — тихо произнесла женщина. — Он был хорошим мальчиком. Ты ведь это знаешь, верно?

Прежде чем Хейли смогла ответить, женщина взмахнула рукой и тепло улыбнулась.

— Ну конечно, ты знаешь. Вы с Чарли были друзьями.

Глава 55

Через несколько мгновений после того, как девушка забралась в грузовик, погода усилилась от легкой мороси до потоков чистого, прохладного дождя.

— Ты бы вымокла под этим дождем, — сказал он, как будто природа была его сообщницей. Он сверкнул самой обаятельной улыбкой, на какую был способен. С этой девушкой ему придется быть очень осторожным.

Она улыбнулась ему, и на ее левой щеке появилась ямочка. Ее зубы были самыми белыми, какие он когда-либо видел. От нее пахло цветами. Она вызывала у него отвращение. Ему потребовалось все его силы, чтобы не протянуть руку и не схватить ее за шею. Андерсоны. Как она могла? Знала ли она, что делала? Или ей было все равно?

Она не была хорошенькой, и не потому, что носила дурацкую одежду. У нее имелись и другие недостатки. Ее глаза были ярко-голубыми, но зубы кривыми, а нижняя губа тонкой и

потрескавшейся. Даже ее ногтевые ложа были неровными. Своим внешним видом она не походила на его мать и сестру, даже на Тиффани и других женщин, которых он когда-либо знал. Там, где они были дотошны — или, по крайней мере, аккуратны, — она казалась небрежной.

— Я — Сара, — представилась она, вытягивая ноги, позволяя краям шорт скользнуть внутрь ее бедер.

Сара. Сара Грин. О да, он знал. Очередная девушка, которая представлял угрозу для его Рейчел. Бывшая няня Андерсонов. И, очевидно, любовница ее мужа, Тома.

Потребовалось четыре дня, чтобы представилась такая возможность, и он не был уверен, что она окажется настолько глупой, чтобы сесть в грузовик к незнакомцу. Он думал, что ему придется тащить ее силой.

Но сейчас она сидела здесь... в его грузовике.

Она вытянула руки над головой, и он смог разглядеть богатые очертания ее груди. Она флиртовала, выставляя напоказ свое тело перед совершенно незнакомым человеком. Играла в девичьи игры... Если бы у него не было планов на нее, он пришел бы в ярость. Но теперь он должен сохранять спокойствие.

Вспыхнул уличный фонарь. Он оглянулся и увидел, что она смотрит на него.

— Я — Чарльз, — проговорил он, перекатывая камень в ладони. Он думал о настоящем Чарльзе.

Она улыбнулась ему.

— Приятно познакомится, Чарльз.

— Куда тебя подвезти?

— Недалеко. Я живу на Пайни-Бранч.

Да-а... он знал.

Он взглянул на время на приборной панели. Девять часов.

— Ляжешь так рано спать? — любезно спросил он.

— Видимо. Моей подруге пришлось сегодня рано вернуться домой. Наказание или что-то в этом роде. Но это отстой, потому что моих родителей нет дома. Они в Билокси.

— Да, и правда отстой. Эй, я направляюсь на вечеринку. Ты бы ведь не пошла со мной?

— Вечеринка?! — воскликнула она, и ее глаза загорелись. Потом вдруг она, казалось, неохотно согласилась. Она выпрямилась на своем сиденье и, казалось, обдумывала это.

— Или нет, — сказал он, стараясь завоевать ее доверие. Он собирался уничтожить ее, несмотря ни на что, но было бы намного легче, если бы она доверяла ему... по крайней мере, вначале. — Я просто отвезу тебя домой.

— Вечеринка в городе?

— Да, недалеко от Виски-Роуд.

Все еще глядя прямо перед собой, она усмехнулась.

— Да, я бы с удовольствием пошла на вечеринку. Мне просто нужно, чтобы потом меня отвезли домой. Если бы я знала, что меня отвезут, тогда...

Он сжал камень. Она купилась на это. Его план окажется проще, чем он думал.

— Конечно, я отвезу тебя, но сначала мне нужно сменить рубашку. Давай заскочим ко мне домой?

— Эм, а где ты живешь? — спросила она.

— Рядом.

Она кивнула.

С минуту они ехали молча.

— Ты знаешь, что вечером опасно ходить по обочине дороги? — он, нажал ногой на тормоз перед знаком «стоп». — Позволять незнакомцам забирать тебя, отвозить домой?

Она фыркнула.

— Ты ведь не опасен? Ты не выглядишь опасным. Кроме того, от Марии до моего дома недалеко. Я хожу все время. И я никогда не ловлю попутку. Сегодня просто из-за того, что идет дождь.

Она снова посмотрела на него, и по его телу пробежали мурашки.

— Кстати, сколько тебе лет? — поинтересовалась она, выглядывая в окно с намеком на нервозность. Она была просто глупым животным.

Животное. Девушка. Животное. Девушка. Зверь.

Под шинами захрустел гравий.

— Зачем тебе? Тебе нравятся парни постарше?

— Иногда. Если они милые. — Она скосила на него глаза. — Эй, у тебя дома есть пиво?

***

Сара сидела в тускло освещенной гостиной, запустив пальцы в свои длинные светлые волосы.

Еще раньше Элли ушла со спальным мешком, так что он знал, что на ночь дом в его полном распоряжении.

Он мог ждать столько, сколько хотел.

Сара сделала глоток «Миллер Лайт», который он ей дал.

— А родители Марии такие идиоты, — делилась она. — На самом деле, если бы мои родители вели себя так же, как ее, я бы точно была бы несчастной. И ты не поверишь... Однажды, когда мы возвращались домой из кино, ее отец положил руку мне на бедро. Меня чуть не стошнило...

Ему хотелось, чтобы она выпила еще и перестала болтать. Ее слова проделали дыру в его голове. Он подтолкнул к ней еще одно пиво, на этот раз с добавлением галоперидола его матери, успокоительного, которое доктор прописал ей от шизофрении. Затем пошел за водкой из шкафа. Все было слишком легко, она сама предложила им остаться у него дома и выпить пива после того, как он переоденет рубашку.

Около десяти часов они оказались в его комнате.

— Сколько же у тебя журналов? — она разглядывала коллекцию, которую он оставил. Он хотел увидеть ее реакцию. Понять каким она его видит своими блестящими голубыми глазами. Чтобы посмотреть, есть ли что-нибудь, что стоит спасти. Или уже нет.

Она открыла один и пролиставала его.

— Почему ты вырвал так много страниц?

— Тебе нравятся такие журналы? — спросил он, потирая подбородок. — Грязные фотографии других девушек?

Она поколебалась, прежде чем ответить.

— Не знаю. Думаю, что они... довольно грубые, мне кажется.

— Мне тоже, — честно сказал он.

Она села на его кровать с журналом на коленях. Ее глаза продолжали закрываться, и казалось, что она изо всех сил пытается держать голову высоко. Но внезапно Сара глубоко вздохнула и выпрямилась. Отложив журнал в сторону, она посмотрела на маленькое окно спальни.

— Это твой кот? — спросила она.

Он посмотрел в окно и поморщился. Однажды накормленный Йен, решил еще больше торчать у окна, иногда крича во все горло в ранние утренние часы. Подарки его сестре и коту оказались очень плохой идеей.

Она легла на спину и положила голову на его подушку. Ее светлые волосы разметались, а губы приоткрылись.

— Как, ты сказал, тебя зовут?

Он снова назвал ей свое имя. Но на этот раз настоящее. Теперь пути назад действительно не осталось. Его сердце забило сильнее, а голос стал хриплым.

— Как давно ты спишь с Томом Андерсоном?

Она моргнула.

— Что?

Сара начала садиться.

— О, ты не расслышала меня? Я спросил, как давно ты трахаешься с женатым мужчиной?

Выражение ее лица быстро сменилось на недоверие.

Потом появился страх.

Она попыталась встать с его кровати. Но она была слаба от алкоголя и галоперидола. И он был кем угодно, только не слабаком.

Глава 56

Солнце ярко светило на западе, когда Хейли вернулась домой со своей смены в закуской. Когда она свернула на свою улицу, то была потрясена, увидев патрульную машину шерифа, припаркованную на ее подъездной дорожке.

Ее сердце ускорило.

Ее мать. Что-то случилось.

Выпрыгнув из универсала, она поспешила к навесу. Там она нашла шерифа, сидящего в одном из кресел-качалок лицом к протоке. Детектив Гитро сидел рядом с ним.

Шериф оторвал взгляд от своего кофе, мелкие капельки пота покрыли его волосы.

— Здравствуй, мисс Хейли, — сказал он.

— Моя мама. Она... в порядке?

— Ну-ну, дело не в твоей матери. Я уверен, что с ней все хорошо, — успокоил он, выпрямляясь в кресле. — Просто мне нужно задать тебе несколько вопросов.

Хейли кивнула.

— Ты знаешь девочку Сару Грин из Труро?

Хейли покачала головой.

— Нет, не думаю. Почему вы спрашиваете?

— Родители заявили о ее пропаже. Они вернулись домой из поездки в Билокси, а ее нет. Она была с подругой до воскресного вечера, но с тех пор ее никто не видел.

Хейли поднесла руку ко рту.

— О боже мой.

Пропала еще одна девушка.

Детектив поднялся.

— Ты сказала, что не знаешь ее?

Хейли покачала головой.

— Нет. Не думаю. Я знаю Оливию Грин. По крайней мере, есть Оливия Грин, которая иногда заходит в закусочную. Я видела имя на ее кредитной карточке. Сара — ее дочь?

Детектив кивнул, постукивая блокнотом по согнутому локтю.

— Вы думайте она могла сбежать?

— Нет, — ответил детектив.

— Кто она? — спросила Хейли.

— Шестнадцатилетняя студентка колледжа Св. Терезы. На летних каникулах, как и все остальные дети. Немного присматривает за детьми.

Пружины на задней сетчатой двери щелкнули, и мать Хейли вышла.

— Миссис Ландри, — воскликнул шериф. — Я не знал, что вы дома. Мы постучали, но...

Мать Хейли взглянула на двоих на своей парковке, затем на дочь. Один глаз был красиво накрашен. Другой был без косметики, как будто она забыла, с чего начала. На ней был сарафан, но он принадлежал Бекки и был на пару размеров меньше.

— Еще один ребенок пропал? Я правильно расслышала?

— Да, мэм.

— О боже, куда катится этот мир? — воскликнула она, ни к кому конкретно не обращаясь. Затем ее взгляд остановился на Хиберте и его пластиковом стакане. — Заходи, выпьем настоящего кофе. Вы можете задать моей дочери вопросы внутри, где прохладнее.

Она придержала сетчатую дверь открытой.

— Вот это другое дело, — сказал детектив, выплескивая свой кофе на пустую клумбу.

Шериф сунул толстый кулак в передний карман и развернул носовой платок.

— Мне нужна чертова сигарета, вот что мне нужно, — сказал он, покраснев, вытирая пот с боков своей большой головы. — Если все равно умру, я мог бы с таким же успехом позволить одной из них убить меня.

Хейли проследовала за мужчинами внутрь.

Глава 57

Через несколько часов после того, как появились новости о пропавшей девочке, средства массовой информации обрушились на Гранд-Треспасс, чего не было, когда исчезла Тиффани. Фургоны с камерами, репортеры, люди с картами и рациями собрались в местах общественных собраний. Родителей Сары Грин отвезли в Лафайет на полицейской машине шерифа Хиберта, чтобы они сделали свои слезливые заявления по телевидению, а затем быстро вывезли обратно в Труро. Шериф велел жителям быть начеку, запираать двери и особенно внимательно следить за своими детьми.

Два агента ФБР, специальный агент Дениз Джонс и специальный агент Леон Адашек были вызваны из бюро Нового Орлеана для работы с местными силами по этому делу. Агенты опросили всех, убедились, что лес тщательно прочесан и что протока Гранд-Треспасса не скрывает никаких трупов.

Эти двое работали над делом совсем по-другому, чем Гитро. Они не были заинтересованы в том, чтобы тратить время впустую. Они хотели найти кого-нибудь, и быстро, чего бы это ни стоило. И они, казалось, особенно заинтересовались одним из жителей Гранд-Треспасса.

Хейли, Эрика и Остин были на смене, а Крис читал «Дейли адвокат» за стойкой в среду, когда появились два агента ФБР. Они оба сели за стойку и заказали выпечку и кофе.

Эрика нашла женщину — агента Джонс очаровательной. Она выглядела подтянутой и безупречной в ее накрахмаленных брюках цвета хаки и рубашке поло цвета лаванды. Толстый черный пояс с кобурой для пистолета был затянут на ее тонкой талии. Ей было сорок с небольшим, и она была очень красива. Она стала еще одной женщиной, которая напоминала Эрике ее мать. Спокойная, хладнокровная, собранная, владеющая собой с такой твердостью, которая была необычна для большинства женщин — по крайней мере, для тех, кого знала Эрика.

Как ни странно, Джонс даже немного напомнила Эрике Памелу. Хотя сожительница ее отца была простой и необразованной, у нее тоже был стержень. Она знала, кто она такая, и это озадачивало Эрику.

— Как долго, вы сказали, живете в этих краях, Крис? — спросила Джонс, поднося чашку к губам и дуя на дымящийся кофе.

— Двадцать лет, мэм, — ответил Крис, отрываясь от газеты. Один глаз был прикован к Джонс, а косой пялился на входную дверь закускойной.

Джонс кивнула.

— В таком маленьком городке, как этот, вы обязаны знать почти всех. Разве не так? — вступил агент Адашек.

Эрика увидела, как напряглись мышцы на лице Криса. Он бросил быстрый взгляд на портрет своей умершей дочери.

— Необязательно, — сказал он, его усталые глаза снова сфокусировались на агенте. — Как я уже говорил вам раньше, на самом деле несколько раз, люди здесь разрознены. Живут обособленно. В основном мы ездим в другие города за покупками. Просто потому, что ты владеешь землей в Гранд-Треспассе, не значит, что ты знаешь всех остальных горожан.

— Вы хотите сказать, что мало кого здесь знаете, Крис? — спросила Джонс, изображая удивление.

Крис почесал в затылке.

— Вы передергиваете мои слова. Конечно, я знаю людей. Не говорил, что не знаю.

— Ну, это то, что вы сказали, — заметила Джонс.

Крис посмотрел на семью из четырех человек, которые сидели ближе всех к ним. Мальчик в футболке с логотипом реслинга разбирал бутерброд с ветчиной и сыром, в то время как мальчик поменьше в футболке с гоночными автомобилями умолял свою мать о еще одном молочном коктейле.

Хейли отошла от них с принятым заказом, ее лицо было пустым. Она толкнула дверь кухонного трейлера и исчезла в задней части.

Джонс продолжила:

— Хорошо, хорошо, давайте попробуем по-другому, насколько хорошо вы знали Тиффани Перрон? — спросила она Криса.

Его плечи поникли, а голос стал тихим, как шепот.

— Сколько раз вы собираетесь задавать мне одни и те же чертовы вопросы? Похоже, вы думаете, что мне есть что скрывать, но нет.

Джонс улыбнулась. И когда она заговорила, это был не шепот.

— Не чего? Вы называете заявления о подглядывании в окна невинных людей и вторжение в их частную жизнь ничем?

Лицо Криса покраснело. Он украдкой бросил быстрый взгляд на Эрику, чтобы убедиться, слушает ли она. Затем посмотрел на свои руки.

Эрика слушала... внимательно... и знала, что ей следует заняться чем-нибудь другим в закускойной, но она не собиралась никуда уходить. Крис? Подглядывает? Она притворилась, что вытирает стойку.

— Как насчет Сары Грин? — спросил Адашек.

— Я ничего не знаю о девушке по имени Сара Грин.

Джонс показала фотографию Сары, и Крис отвел взгляд.

— Вы уже показывали мне это. Послушайте, Тиффани Перрон работала на меня. Она пришла, поработала и пошла домой. Вот и все. Сара Грин? Я понятия не имею, кто эта девушка.

На этот раз заговорила Джонс.

— Вы подтверждаете слухи? Что вы были влюблены в Тиффани Перрон?

Крис крепче сжал бумагу.

— Ради бога, девчонке было девятнадцать.

— И что вы вели себя немного навязчиво с ней? Наверное, напугали ее до смерти?

Глаза Эрики сузились. Крис был склонен к тесному физическому контакту, но он был таким со всеми, включая мужчин. Это просто его способ быть привлекательным. И да, это немного жутковато, если ты не любишь, когда к тебе прикасались, как Эрика, но он не хотел ничего плохого.

И он влюблен в Тиффани? Какой мужчина, который знал ее, не влюблялся в нее в какой-то момент времени? Неужели это делало каждого мужчину подозреваемым?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — огрызнулся Крис.

Дверь трейлера открылась, и Хейли вошла обратно. Она устало улыбнулась всем и налила себе чашку кофе.

Солнце снаружи стало резким, и его лучи пробивались сквозь окна закускойной. Крис громко отодвинул свой стул и встал, чтобы поправить жалюзи.

— У вас несколько царапин на предплечьях, — крикнул Адашек Крису. — Вам нравится лес? Проводите в нем много времени?

Ботинки Криса из змеиной кожи застучали по кафелю, когда он подошел к входным дверям. Он перевернул табличку на двери с надписью: «Открыто» на «Закрыто». Затем повернулся лицом к агентам.

— Мне не нравится такая линия допроса. Особенно на публике... и на моем рабочем месте, когда мои сотрудники находятся в пределах слышимости. Должен быть закон против этого дерьма, — выплюнул он, в его глазах вспыхнул гнев. — Я был честным членом этого сообщества в течение многих лет, — рявкнул он, солнечный луч отразился от его багрового лица.

Семья перестала есть.

— Честным? — рассмеялся Адашек, уголки его губ изогнулись в усмешке. — Значит, подглядывание в этом городе считается честным?

Глаза Криса блеснули.

— Кто-то, вероятно, там убивает девушек, но закон продолжает беспокоить меня. Совершал ли я ошибки в прошлом? Да, сэр, совершал. Но я заплатил за них. Вы зря тратите здесь время, пытаясь втоптать мое имя в грязь. — Он указал в направлении Главной улицы. — Тратите драгоценное время, которое могли бы использовать, пытаясь выяснить, что там

происходит.

Шея Криса была красной, как у рака, а с таким морщинистым лицом он выглядел лет на десять старше, чем был на самом деле.

Его взгляд остановился на Хейли и Эрике.

— Мы закрываемся сегодня раньше. Я попрошу Ким выйти, чтобы помочь закрыть, так что после того, как эти клиенты закончат, вы, девочки, можете идти домой. Но завтра все будет как обычно. — Его взгляд вернулся к агентам. — И, если вы двое закончили, я уйду. — Он подождал ответа, но его не последовало. — Итак, я свободен?

— Хорошего дня, — любезно сказал Адашек. — Если у нас будут еще вопросы, мы просто заскочим.

***

— Как давно они уехали? — спросил детектив Гитро, его голос звучал слишком ровно, чтобы обмануть. Эрика могла сказать с первого взгляда, когда увидела Гитро с агентами ФБР, что он не в восторге от того факта, что они появились здесь. Однако теперь его лицо было чистым листом, на нем не отражалось никаких эмоций. Он выглядел таким же бесчувственным, трудночитаемым и некомпетентным, как всегда.

— Около десяти минут назад.

Гитро почесал шею.

— Они действительно крутятся вокруг, эти ребята из ФБР, — сказала Эрика, надеясь вызвать реакцию. Всего одна небольшая реакция Гитро. Если она и знала что-нибудь о мужчинах, то, что они не выносят, когда их превосходит другой мужчина. Особенно когда дело касалось их работы. Тот факт, что мужчина и женщина могут превзойти Гитро, был, вероятно, еще хуже.

Детектив посмотрел в окно.

— Я бы хотел кофе и одно из этих шоколадных пирожных, если не возражаешь, — сказал он, снова почесывая шею.

— Они допрашивали Криса, — добавила Эрика.

— Неужели?

Она поставила чашку с блюдцем перед Гитро и налила в чашку кофе.

— Он так расстроился, что мы закрылись сегодня раньше обычного. Вы единственный, кого я впустила с тех пор, как он ушел.

Она достала датскую булочку из кондитерского ящика и подала ему.

— Похоже, они знают что-то, чем не делятся, — подтолкнула она. — Думаете, правда знают?

Гитро обмакнул булочку в кофе и откусил большой кусок.

— Крис... тот, кто подглядывает в окна. Правда. Насколько это странно? — сказала она.

Гитро чуть не поперхнулся.

— Где ты это слышала? — выплюнул он кусок, вытирая рот.

— От агентов. Они говорили об этом здесь, за стойкой, как будто это не секрет. Так и есть?

— Тебе не стоит распространяться об этом повсюду, — предупредил Гитро. — Это не та информация, которая нужна шерифу.

— Вы что-нибудь знаете об этой девушке Саре Грин? — спросила Эрика. — Я имею в виду, появились ли какие-нибудь улики, о которых вы знаете?

Он спокойно жевал.

— Она взяла что-нибудь с собой, когда исчезла? Как сделал бы беглец? Одежду? Зубную щетку?

Гитро сделал большой глоток кофе и поставил чашку на стол.

— У тебя столько вопросов. Я думал, ты не знаешь эту девочку.

— Не знаю. Я просто хочу, понимаете... узнать о том, что вы будете делать. Материалы расследования.

— Ты шутишь надо мной. Такая хорошенькая маленькая крошка, как ты?

Эрика изо всех сил старалась не смотреть на него. Ей кое-что нужно от него. Что-то важное.

— Просто не похоже, что такая работа заинтересует такую хорошенькую леди, как ты, вот и все, — добавил он.

Эрика понизила голос.

— Я пишу книгу. Мистическую. Так что, знаете ли, провожу кое-какие исследования.

На секунду его глаза наполнились чем-то похожим на любопытство.

— Ни хрена себе? Школьный проект или настоящая вещь?

— Настоящая книга, — сказала Эрика сквозь стиснутые зубы. Этот парень убивал ее своей некомпетентностью. Но она знала, что шериф не уделит ей внимания, не говоря уже о ФБР, поэтому ее руки связаны.

— О чем?

— Не могу точно сказать, — сказала она. — В любом случае, как думаете, я могла бы немного побыть с вами? Посмотреть, как вы проводите расследование?

Гитро покачал головой.

— Ох, не знаю. Ты можешь немного отвлекать, дорогая... Если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Нет. Я не понимаю. Что вы имеете в виду?

Он окинул ее долгим взглядом.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— Хм... Даже, не знаю. Я подумаю.

Глава 58

— Ты спишь с ним? — задал неожиданный вопрос Мак, его глаза блестели в тусклом свете фонаря на крыльце.

— Что? — недоверчиво спросила Хейли. Пыль даже не успела осесть с тех пор, как Остин и Эрика уехали. Было странно обнаружить, что Мак ждет ее.

— Я заметил, что он ужасно часто отвозит тебя домой, — заявил он. Она впервые видела, чтобы глаза Мака выглядели такими холодными.

— Мама в последнее время уезжает на машине. Мы работаем вместе, так что Остин несколько раз подвозил меня.

— Разве Эрика не работала сегодня вечером? Она могла бы отвезти тебя домой.

— Остин отвез и ее домой, Мак. Ее грузовик не заводится. Кроме того, мы сегодня рано закрылись. В чем, собственно, дело?

Он достал из кармана золотую зажигалку и щелкнул ею, затем закрыл.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Волна гнева прошла через нее.

— Нет, и не собираюсь с ним спать. У него есть девушка. Но даже если бы это было так, не думаю, что мы с тобой стали бы это обсуждать.

Мак ничего не ответил. Он держал в руке золотую зажигалку, крышка открылась и снова закрылась. Затем он посмотрел на свои грязные ботинки.

— И как ты узнал, что Эрика работала сегодня вечером? Ты меня проверяешь?

— Я присматриваю за тобой, — сказал он мягким голосом, но жилка на его шее задрожала. — Ты это знаешь.

— Но это больше не твоя забота.

Он посмотрел на протоку.

— Да, думаю, что не моя.

Хейли изумительно посмотрела на Мака и вдруг задумалась не выглядел ли он скорее опечаленным, чем злым. Она заметила мешок рядом с креслами-качалками.

— Ты принес раков?

Мак кивнул.

— Заказал у Кома. Подумал о твоей семье. — Он стянул с головы кепку и посмотрел на нее, его волосы были растрепаны и прилипли к черепу. Он провел по ним пальцами.

— Значит, он так тебе нравится?

— Что?

— Остин.

— Например, как? — возмутилась она. — Так, как тебе нравится Рейчел Андерсон?

Глава 59

Он швырнул большой камень, и большое окно разлетелось вдребезги, грохот прорезал тихую ночь. То, что он собирался сделать, было рискованно. Рискованнее, чем все, что он когда-либо пытался сделать. Но у него нет выбора. Рейчел уехала, и это мог быть его единственный шанс.

Он дал Тому возможность все исправить после Тиффани, думая, что, если он уничтожит ее, у семьи будет возможность жить счастливо. У Тома был шанс, но он с треском провалился.

Теперь он будет страдать от последствий своих действий.

В спальне зажегся свет. Мгновение спустя, в гостиной. Задняя дверь распахнулась, и Том Андерсон вышел наружу.

— Какого черта? — Он прошел к разбитому окну, остановился в халате и почесал голову.

Сверчки умолкли в первые несколько мгновений после оглушительного шума разбитого окна, но теперь они снова начали стрекотать.

Адреналин закипел в его венах. В мгновение ока он бросился к Тому и сильно ударил его по голове металлической битой. Тот вскрикнул и тут же упал на землю. Когда Том начал дергаться в сырой траве, обхватив голову руками, он ударил его еще несколько раз. По почкам, тыльной стороне бедер, по плечам. Затем надел на него наручники.

Поднял его на ноги и приставил охотничий нож к его горлу. Том застонал.

— Заткнись, говнюк... Еще один раз, и это будет последнее, что ты сделаешь. Тебе ясно? — прорычал он из-под шерстяной лыжной маски.

Том кивнул.

— Пошевеливайся, — прорычал он и подтолкнул Тома к лесу. Ему нужно было, чтобы Андерсон сотрудничал с ним во время похода обратно к пруду. Оказавшись там, он прикончит его и избавится от тела.

Дрожь пробежала у него по затылку, когда они шли сквозь густой кустарник, охотничий нож вонзился в спину мужа Рейчел. Второй нож торчал у него за поясом. Завизжала сова, ее ночная охота была прервана. Луна, жирная и яростная, прорезалась сквозь деревья, освещая их мрачный путь.

Но ему вдруг стало трудно дышать. Его дыхание было прерывистым и неглубоким под зудящей шерстяной лыжной маской, и он знал, что это только начало панической атаки. Чем больше он шел, тем более оборванным оно становилось. Он попытался думать о чем-нибудь другом. Что-нибудь успокаивающее, чтобы унять тревогу.

Пока они шли гуськом среди неясных очертаний и теней темного леса, он заставил себя думать о Саре Грин. Ее убийство отличалось от убийства Тиффани. С Сарой он провел довольно много времени, оттирая кровь со стен и грязного ковра в своей спальне.

Порыв не был похож ни на что, что он испытывал раньше. Это было даже более интенсивно, чем с Тиффани. Но спокойствие длилось недолго. Всего через несколько часов ужасающее присутствие матери вернулось в его голову. Он задавался вопросом, когда же это закончится. Если вообще закончится.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Том, прерывая его мысли и возвращая в настоящее.

— Заткнись и иди, — предупредил он.

— Это имеет какое-то отношение к Ре...?

Он дернул наручники вверх, и Том взвизгнул.

— Я сказал, бл*ть, не болтай, и я не шутил. — Он сильнее надавил на нож, прижатый к спине Тома.

Мужчина замолчал.

Всего в сотне ярдов в лесу зуд от маски стал таким сильным, что он не мог этого вынести. Когда он потянулся, чтобы поправить ее, Том внезапно рванулся вперед.

Ему потребовалась секунда, чтобы понять, что происходит. Но он быстро сел мужчине на хвост. Он преследовал Тома, пока тот петлял между высокими деревьями, крича, чтобы кто-нибудь помог ему. Том был быстр, но в наручниках ему с трудом удавалось сохранять равновесие.

Догнав его, он глубоко вонзил нож в позвоночник Тома. Андерсон издал громовой вопль и рухнул вперед, ударившись о дерево. Затем с громким стуком упал на землю.

Он навис над Томом, который лежал, хрипя и воняя мочой. Бледный лунный свет, пробившийся сквозь заросли гигантских деревьев, осветил местность ровно настолько, чтобы он смог разглядеть ужас на окровавленном лице Тома.

— Пожалуйста. Я сделаю все... у меня дети.

— Тебе следовало подумать о них, пока ты трахал их няню, — выплюнул он, вынимая битую из-за ремня.

— Нет, пожалуйста, — умолял Том, широко раскрыв глаза. Он жалобно попятился назад на заднице, как будто была надежда убежать. — Пожалуйста. У меня есть деньги. Я могу тебе заплатить.

Он поднял битую над головой.

— О, боже, нет. Пожалуйста. Нет.

Том закричал в первые несколько раз, когда бита коснулась его головы. Но потом крики быстро прекратились.

Он уставился на тело Тома, в голове которого теперь не было ничего, кроме крови, костей и тканей. Восхитительное спокойствие вошло в него. Но, как ни странно, по мере того, как наступало спокойствие и ярость рассеивалась, исчезала и его энергия.

У него закружилась голова, когда что-то яркое бессмысленно мелькнуло у него перед глазами. Он сдернул маску, но это не помогло. Он чувствовал себя пьяным и отчаянно нуждался в отдыхе.

Он отшатнулся на пару ярдов от тела и его отвратительного запаха и опустился на землю.

***

Он проснулся при дневном свете и инстинктивно вытер засохшую слюну с уголков губ. Поморгал. Вокруг были деревья. Пели птицы. Над ним щебечущая белка перепрыгивала с одного дерева на другое.

Он напрягся, вспомнив. Он был в лесу, лежал недалеко от тела Тома. Он заснул.

Он заснул!

Взглянул на часы, и его сердце бешено заколотилось. Это было опасно. Очень опасно. В связи с продолжающимся расследованием по лесам шастало слишком много людей.

Послышался шорох, и он поднялся на ноги. Ошеломленно огляделся, повернулся по кругу, его взгляд метался во все стороны, вбирая в себя все возможное.

Потом он понял, что это за шум. На земле справа от него лежала лесная ласточка. Его крылья и клюв были раздавлены, как будто на нее наступили, но она все еще была жива. Его черные глаза-бусинки оставались открыты, и она смотрела на него, дрожа.

Он знал, что некоторые верили, что увидеть раненую птицу вблизи к такому же несчастью, как разбить зеркало или встретить черную кошку на своем пути. Они верили, что это предзнаменованием чего-то плохого, очень неудачного поворота судьбы. Удача... которой у него никогда не было с самого начала.

Напуганная его присутствием, птица начала махать своим лучшим крылом. Ей удалось развернуться на сто восемьдесят градусов, но через несколько секунд она остановилась. Она наблюдала за ним и снова начала дрожать.

Он не мог этого вынести. Ее беспомощность. Ее боль.

Глядя в небо, он взмолился о прощении, затем сделал шаг вперед, сильно ткнул ногой в череп птицы... И ее страдания немедленно прекратились.

Слезы наполнили его глаза, и все внутри закричало. Насколько он знал, животное было невиновно.

Он отвел глаза от мертвой птицы и направился к Тому, который не был невинен. Ему нужно действовать быстро. Если кто-нибудь по дороге увидит его...

Рядом хрустнула ветка. Он остановился, и его тело напряглось. Кто-то стоял в нескольких футах от него. Его рука метнулась к заднему карману, чтобы схватить нож.

— Привет, — сказал он как можно небрежнее, когда увидел, кто это.

— Привет, — ответил Крис, выглядя ошарашенным.

Он уже дважды видел Криса, человека, которому принадлежала закусочная «Люка», в лесу.

— Ты вышел ужасно рано. Еще только семь часов.

Крис огляделся, но ничего не сказал.

Он посмотрел на бинокль, висевший на шее Криса.

— Для чего тебе нужен бинокль?

Лицо мужчины покраснело, но он не ответил.

— Не волнуйся, я никому не скажу, что видел тебя здесь с ним.

Крис закрыл глаза.

На висках у него выступил пот. Единственный вариант, который он выбрал, вызывал у него отвращение.

— Тебе одиноко, Крис?

Крис открыл глаза. Сначала казалось, что он собирается спорить, но потом он просто смирился.

— Я... да, я думаю, что да. Но я не убийца. Это не я. У меня просто есть небольшая проблема. С тех пор как Люка Энн умерла и все такое, я...

— Подглядывал в окна людей, верно? С тех пор как умерла твоя дочь, ты ничего не мог с собой поделать.

Лоб Криса наморщился от беспокойства.

— Да, но это все. Я не имею никакого отношения к тем пропавшим девушкам.

— Я понимаю. Видишь ли, я тоже одинок. — Его хватка на ноже усилилась.

— Ты? — Крис внимательно посмотрел на него, и он увидел, что Крис заметил пятна крови на его руках.

Он потянулся за ножом.

Крис повернулся, чтобы бежать, но далеко не убежал.

Глава 60

Эрика тащила далеко позади Гитро. Достаточно далеко, чтобы он подумал, что ее шаги принадлежат природе, рассуждала она. Но через пять минут после того, как она двинулась следом, Гитро резко остановился.

Он на секунду замер. Затем, не потрудившись оглянуться, он позвал:

— Давай, Даниэла Стил. Ты топчешь как слон. С таким же успехом можешь присоединиться ко мне.

Эрика почувствовала, как ее лицо наливается кровью, когда она подошла к нему. Но она знала, что ей придется подыграть, чтобы получить то, что она хотела: опыт расследования из первых рук.

— Что вы делаете? — спросила она, теперь уже рядом с ним, закидывая рюкзак повыше на плечи.

— Я не хочу, чтобы ты болтала с ФБР, как ты болтала со мной. Поняла?

Эрика кивнула.

Гитро ухмыльнулся.

— Тогда ладно. Знаешь дом Андерсонов?

— Мы идем туда? Почему?

Эрика подумала о Рейчел. Подозревал ли он ее, как говорили те девчонки в классе? Ее мужа, Тома? Рейчел даже несколько дней не была дома. Она уехала вскоре после того, как Эрика увидела грузовик Мака у нее дома ночью.

— Хозяйка сообщила, что пару раз видела кого-то на своем заднем дворе. И ее ребенок

увидел кого-то в лесу рядом с домом. Так что я регулярно наблюдаю за их собственностью. Если кто-то был там, он вернется.

Эрика вспомнила, как той ночью сидела на качелях Андерсонов и сама наблюдала за домом.

— Как думаете, кто это мог быть?

— Не знаю. Я думаю, что где-то там бродит убийца. Разве нет? — спросил он, одарив ее улыбкой. — Вот почему ты хочешь следовать за мной и все такое, верно? Чтобы посмотреть, как я выслеживаю убийцу?

Он убрал с дороги низко свисающую ветку и жестом пригласил ее идти вперед.

Выслеживать убийцу? До сих пор Эрика и остальной город не видели, чтобы он что-то выслеживал.

— Вы когда-нибудь кого-нибудь ловили? — спросила она.

Гитро рассмеялся.

— Ты издеваешься надо мной? За те три месяца с тех пор, как я стал детективом, имеешь в виду?

— Вас не беспокоит, что все думают, что вы действительно плохи в этом? Все это время вы не могли понять, что случилось с Тиффани Перрон?

— Милая, меня это не очень беспокоит. Кроме того, я не просил об этой работе. Совсем. Она просто как бы свалилась мне на голову.

— Но разве вы не хотите узнать, что случилось?

— Конечно, хочу. Больше всего на свете. Но если нет ничего, за что можно было бы зацепиться, никаких подсказок, мало что говорит о том, что она просто не сбежала, что я могу сделать? Я исчерпал многие пути. Все, что я могу сейчас сделать, это прижать нос к земле... Ждать, пока на что-нибудь наткнусь. Если это преступление, что-нибудь подвернется. Такие вещи недолго держатся в секрете.

— Думаете, ФБР первыми выяснят, что случилось с Тиффани?

— Может быть. Слушай, я что, великий детектив? Черт возьми, нет, — сказал он, — никогда не говорил, что я такой. Но смог бы я выяснить, что случилось с девушкой Перрон, если бы были какие-либо признаки преступления. Чертовски уверен, что так бы и сделал. Черт возьми, если бы были какие-то признаки насильственных действий, Лафайет послал бы сюда парней, чтобы помочь мне. Но финансирование не растет на деревьях, дорогая.

— Так вы думаете, что Тиффани могла просто сбежать?

— Я полагаю, она могла бы это сделать. Но сомнительно. А теперь пошли. Если ты идешь, запечатай свой рот. Не задерживай меня.

Эрика последовала за Гитро, когда он шел через лес. Несколько раз он останавливался и оглядывался по сторонам. Эрика тоже огляделась, не видя ничего необычного, но в то же время зная, что лучше не задавать больше вопросов.

Лучи солнечного света пробивались сквозь бесконечную паутину ветвей, отбрасывая тени на дальние участки леса, по мере того как они медленно продвигались вперед. Саранча громко жужжала, поглощая последние лучи дневного солнца.

Когда Эрика потянулась, чтобы убрать ветку с пути, тонкий мокасина показался перед ней, а затем скрылся под листьями. Эрика вздрогнула, но не отставала от Гитро.

Менее чем в ста ярдах от дома Андерсонов Гитро снова остановился как вкопанный. Эрика терпеливо ждала, теперь знакомая с его манерой поведения. Она ждала, что он снова пойдет, но на этот раз он склонился.

Он протянул руку и коснулся листа. Затем вскинул голову и посмотрел прямо перед собой на высокий дуб. Эрика проследила за его взглядом. У нее перехватило дыхание.

Повсюду была разбрызгана кровь. Ствол дерева и окружающие листья, усеивали капли крови. Земля тоже местами была голой, как будто по ней что-то тащили. Она переместила взгляд еще на фут вправо, и увидела пару ног, босых и окровавленных на подошвах.

Гитро перекрестился на груди и прошептал:

— Господь Всемогуший, посмотрим, что у нас здесь. Подсказка.

Глава 61

Он был раскрыт. Застигнут врасплох. Наполовину тащить, наполовину нести тело Криса через тысячу футов леса было чистым ужасом. Крис, судя по тому немногому, что он о нем знал, был хорошим малым, тем, кто никогда никому не причинит вреда.

Его убийство было не просто незапланированным, оно стало злом. То же самое зло, которое он практиковал, когда убивал ради своей матери, будучи маленьким мальчиком. Бессмысленное, жестокое убийство. То, что не являлось частью его души, даже такой темной и извращенной, какой она у него была. Но Крис боролся с ним, заставляя его оставить после себя кровавое месиво.

Он удивлялся, как его матери удавалось делать это снова и снова. Он точно знал, что мужчина той ночью не был у нее первым. Или последним. Их было несколько.

Он быстро завернул Криса в мешки для газона, стараясь не смотреть в глаза. Вошел в воду и, пройдя несколько футов, отпустил его.

Тело Криса мгновенно исчезло.

Вернувшись на сушу, он посмотрел на небо. Кровь покрывала его одежду и кожу, а по щекам текли слезы.

— Пожалуйста... я был вынужден, — сказал он, умоляя Бога, которого боялся. Он знал, что приближается к концу, и это пугало его так же сильно, как и его мать.

— Прости меня. Пожалуйста, — снова взмолился он. — Я... У меня не было выбора.

Солнце село, и небо стало сияющим, мирным голубым. Но внутри него бушевала буря. Та, которая, как он знал, никогда не угаснет.

Буря, которая наконец покончит с ним.

***

Еще несколько часов он бродил по лесу возле дома своей матери, парализованный страхом. Он не мог заставить себя вернуться за телом Тома. Это слишком опасно. И он был почти уверен, что его уже нашли. Люди все еще прочесывали лес в поисках Сары Грин. Кто-то должен был наткнуться на него.

Он посмотрел на кровь на своей одежде. Вода в пруду сделала так много, чтобы очистить его от мужской крови.

Дрожа, он направился к дому. Внутри горел свет. Неужели он оставил его включенным? Или это были они? Неужели они уже пришли за ним? Элли ведь не могла быть дома? Нет, сказал он себе. Она бы где-нибудь грешила с водителями грузовиков. Ее клиентами. Трудлюбивая маленькая девочка.

Агенты ФБР были гораздо более дотошными, чем детектив, и, казалось, могли видеть его насквозь.

Ранее в тот же день днем они остановились у дома. Его мать кричала у него в голове, и

он мог бы поклясться, что они слышали ее и видели боль в его глазах. Пот выступил у него на спине, и много раз во время беседы ему хотелось пробежать через дом и выскочить через заднюю дверь. Но он остался, и в конце допроса они улыбнулись и пожали ему руку.

Женщина-агент сказала, что его следует похвалить за то, что он один воспитывает сестру-подростка. То, что его на самом деле заставили сделать, о чем вряд ли кто-нибудь в городе даже догадывался. А потом они ушли.

Но он был уверен, что к настоящему времени они сложили два и два. Что они поймут, что видели в его глазах, поймут, что он был тот самый убийца.

Он неохотно вошел через заднюю дверь. Элли стояла перед плитой спиной к нему. На ней был фиолетовый топик и короткая голубая джинсовая юбка.

Он раздумывал, сможет ли пройти так, чтобы она этого не заметила. Но после двух осторожных шагов на кухню она развернулась, держа лопаточку так, словно это был нож.

— Ты чуть не напугал меня до смерти! — закричала она. А потом отвернулась, чтобы размешать свое вариво. — Черт, — пробормотала Элли и с громким вздохом выпустила воздух из легких.

Он изучал ее спину, зная, что она поймет, чем он занимался. Влажная одежда, пятна крови, которые невозможно смыть. Она бы собрала все воедино и побежала за помощью. Она бы с удовольствием сама все рассказала. Она бы наслаждалась, наблюдая, как они уводят его. Его сердце колотилось в груди так сильно, что казалось, будто оно разрывает кость.

— Я делаю «Неряху Джо», — объявила она. Он мог видеть ее профиль с того места, где она стояла. На ее маленьком личике играла улыбка. — Достаточно для нас обоих. Хочешь немного? Это своего рода подарок тебе за то, что ты подарил мне. Знаю, что не Марта Стюарт, но могу тебя хоть немного порадовать. Я сделала их сладкими.

Слизнув томатный соус с лопаточки, она снова повернулась к нему лицом. Ее глаза медленно оглядели его с головы до ног.

— Твою мать. Что с тобой случилось?

У него не было ответа, поэтому он просто стоял там. Он знал, что должен двигаться, но не мог. И он боялся заговорить. Он не знал, что из этого выйдет.

Снаружи теперь бушевал сильный ветер. Сетчатая дверь за его спиной захлопнулась, открылась, захлопнулась. Шум напомнил ему о матери. О той ночи, когда он был мальчиком и увидел ее во дворе.

— Язык проглотил? — спросила она.

Рядом с ней послышался шорох. Она посмотрела вниз, и он проследил за ее взглядом. Йен вышел из-за стойки и обернул свой спутанный хвост вокруг ее распутных прозрачных каблук на платформе. Ее вишнево-красных пальчиках на ногах.

— Что за... — выдохнул он.

— Я ему нравлюсь, — просияла Элли. — Я давала ему испорченное молоко из холодильника. Он даже любит пиво.

Йен наблюдал за ним с убийственным выражением в глазах.

— Как... как давно ты его кормишь? — спросил он дрожащим голосом.

— Может быть, пару месяцев? Он такой тощий, что мне стало его жалко. Жаль, что все, что мы обычно пьем, — это пиво. Я знаю, что оно не может быть хорошо для него.

Он порылся в кармане и вытащил камень. Яростно его потер.

Йен еще глубже заглянул ему в глаза и мяукнул.

— Ему нужна ванна. Ты умеешь купать кошек? — спросила Элли.

Ему хотелось схватить кота и свернуть ему шею. Неужели она не видит, что это животное — зло?

Он ухаживал за Йеном так же, как за своей сестрой, кормил его в тот вечер, когда купил продукты. Покупал своей сестре такую жвачку, которая должна была заставить ее отказаться от сигарет.

— Я задала тебе вопрос. Ты можешь купать кошек?

Он сцепил пальцы за головой, чтобы не ударить. Чтобы не причинить вред коту. Чтобы не причинить боль Элли. Чтобы по-настоящему не причинить ей боль.

— Почему ты мне не отвечаешь?

— Да, если ты хочешь, чтобы тебе выцарапали глаза, — сказал он хриплым голосом.

Она скривила лицо и снова принялась помешивать еду. Затем она задумалась.

— Почему у тебя в комнате книги о Теде Банди? Они тебя не пугают?

Он молча наблюдал, как черная паучиха торопливо пересекла шкаф.

— И эти журналы с голыми цыпочками. Порнуха. Это отвратительно, что у тебя их так много. Но знаешь, что пугает меня еще больше? Как ты их разрываешь. Зачем ты это делаешь?

В его глазах сверкнула молния. Он прислонился к стойке.

Элли на мгновение испугалась.

— Ты в порядке?

Он изо всех сил старался втянуть воздух в легкие. Поднял глаза и увидел, что она сердится.

— Что с тобой не так? — зарычала она на него. — Я хотела помириться с тобой сегодня вечером! Перестань быть таким гребаным уродом, чтобы мы могли хоть раз поладить, — рявкнула она.

Воздух поступал струйками, но ему нужно было больше. Комната начала вращаться, и он еще крепче вцепился в стойку.

— Тыходишь сюда с таким видом, как будто какой-то сумасшедший, — она указала на его рубашку. — И что это на тебе такое? Насколько я понимаю, это может быть чья-то кровь.

«Это чья-то кровь, — подумал он. — Я совершил ужасную ошибку».

— Я пытаюсь не обращать внимания на все это, дружить с тобой, потому что знаю, что тебе это нужно, но ты даже, бл*ть, не хочешь со мной разговаривать! — выплюнула она со слезами на глазах. — Тебя больше интересует твой дерьмовый кот, чем я!

Она бросилась к Йену и крепко схватила его за шкуру. Затем распахнула сетчатую дверь и швырнула его в темноту.

К тому времени, как она обернулась, он уже ушел.

Глава 62

На следующее утро Хейли провела час у миссис Перрон. Они разговаривали на крыльце пока подрядчики работали внутри, устанавливая пристройку к их гостиной. Хейли задумалась, почему Перроны затеяли делать пристройку к дому теперь, когда в нем жили только два человека, и решила, что это просто таким образом миссис Перрон, пытается себя занять.

В отличие от ее собственной матери, которая справлялась, накачивая себя снотворным,

миссис Перрон выживала, убирая и занимаясь делами. Она положила новые полы в их двухэтажном доме, оклеила обоями большую часть стен и заново покрыла крышу дранкой. Теперь она платила за пристройку. Абсолютно единственной частью дома, которая, казалось, осталась неизменной, была комната Тиффани.

— Будь осторожна, — сказала ей миссис Перрон, когда Хейли уходила. — Он охотится за хорошенькими девушками.

***

Как только Хейли приехала домой, она остановилась у своего почтового ящика. Увидев, что он пуст, она на мгновение замешкалась, закрыв глаза и положив ладонь на теплый металл. Она устала. Очень, очень устала. Но впервые за долгое время она была полна решимости. И это оказалось приятно.

— Где ты была все это время? — спросил чей-то голос.

Хейли открыла глаза и заслонила их от солнца. Ее мать стояла под навесом для машины. Саша стоял рядом с ней, завернутый в банное полотенце.

— У Перронов, — ответила она, подходя к ним.

— Где Бекки? — спросила ее мать.

— Я не знаю. А что?

Саша выбежал из-под навеса, направляясь к ней. Полотенце упало на бетонную подъездную дорожку.

— Хэй-ви! Я бух в воду и вижу алигатола!

— Что? — воскликнула Хейли, уставившись на свою мать. — Он упал в протоку?

— Он мог утонуть. Я нашла его на мелководье у причала, — сказала миссис Ландри. — Но что, если бы он был не там? Что, если бы он упал с пирса?

У Хейли екнуло сердце.

— Я видел. Я видел алигатола. У него были острые зубы! Он чуть не убил меня, но миссис Ландри встала с кровати и спасла меня.

Голый маленький мальчик с влажными волосами обнял Хейли. Он понятия не имел о масштабах того, что произошло. Что могло случиться. В животе у Хейли было такое чувство, будто она находится в замедленном падении.

— Если бы твой отец не разбудил меня, чтобы сказать, что он там... — проговорила ее мать и остановилась, чтобы обнять ее.

Лицо Хейли начало гореть. Она проигнорировала слова матери. Она не собиралась выслушивать все это о призраках, смерти, прошлом. Им нужно жить настоящим раз и навсегда. Она приняла решение раньше и собиралась придерживаться его. Неважно, что решили делать все остальные.

— Это ты виновата! — крикнула она матери. — Бекки пятнадцать, мам. Пятнадцать! Если ты не присматриваешь за ней, то и никто не присматривает. Что нужно сделать, чтобы ты пришла в себя? Саша снова должен упасть в протоку и действительно утонуть? — Саша отпустил ее талию и сделал пару шагов назад. Он уставился на Хейли широко раскрытыми глазами. Но голос Хейли стал только громче. — Бекки похитит какой-нибудь долбаный псих, пока она катается с незнакомыми людьми? Мало того, что случилось с Тиффани? Нужно чтобы один из нас умер, как папа? Похоже, это то, что нужно, чтобы ты снова обратила на нас внимание!

Лицо ее матери осунулось.

— О Боже. Я... ужасная мать.

Хейли не хотела кричать, но она не жалела, что закричала. Это были месяцы накопившейся боли и разочарования, которые требовали высвобождения. Она сразу же почувствовала облегчение.

Она смотрела, как ящерица взбирается по фасаду дома, и ее глаза наполнились слезами.

— Да, ты вела себя ужасно. Бекки впечатлительна, и ты ей нужна. Нам обеим нужна. Это должно прекратиться, или ты ее погубишь.

Ее мать смотрела куда-то вдаль.

— Папы нет почти год, — добавила Хейли. — Но мы все еще здесь. Мы все еще здесь, и Бекки нуждается в тебе. Будь здесь ради нее. Будь здесь ради нас. Если ты этого не сделаешь, то пожалеешь об этом. Мы все пожалеем. Ты потеряешь не только его, но и нас тоже. Мы возненавидим тебя, и тогда у тебя никого не останется.

Женщина кивнула, ее глаза наполнились слезами. Но впервые с момента аварии они были открыты. По-настоящему открыты.

Глава 63

Эрика чихнула и поспешила к входной двери.

Памела была в гостиной, в джинсовом комбинезоне, с кистью в руке.

— О, черт возьми, я хотела, чтобы это стало сюрпризом!

Ленты скотча были повсюду, и некогда белые стены гостиной теперь были прохладными, темно-синими.

— Мой отец знает, что ты здесь красишь?

Памела широко улыбнулась.

— Нет, он все еще на работе. Это и его сюрприз тоже. Разве не мило выглядит?

В каком-то смысле так оно и было. Это была та обстановка, которой, как она себе представляла, могли похвастаться многие квартиры в Нью-Йорке. Современно. Немного воздушно. Как-то уютнее. У Эрики возникло подозрение, что ее мать подумала бы, что цвет придает комнате больше характера.

Она пожала плечами.

— Нормально.

— Ты ведь не возражаешь? Я хотела посоветоваться с тобой, но ты не часто бываешь дома. Тогда я подумала, что просто удивлю тебя.

Нет, Эрике все равно. Ей было бы все равно, даже если бы Памела покрасила стену гостиной в черный цвет. Это дом ее отца, а не ее. Кроме того, у нее на уме гораздо более важные вещи, чем Памела и ее глупый ремонт.

Сквозь пары краски Эрика почувствовала запах духов Памелы. Это было что-то новенькое. Лучше. Она также обратила внимание на книги, которые женщина оставила по всему дому. Несколько романов, но большая их часть была нехудожественной. Из названий было очевидно, что Памела хотела научиться готовить больше этнической пищи и увлекалась темой самопомощи. Этой женщине нравилось учиться.

— Есть какие-нибудь новости о пропавших девочках?

Мысли Эрики изменились. Она сомневалась, что когда-нибудь забудет образ мужской головы. Он был избит до неузнаваемости, большой кусок его плоти прилип к ближайшему дереву. Он был одет только в халат, так что нет ничего, что помогло бы сразу его опознать. Ее мысли не переставали метаться с момента находки.

По какой-то странной причине Эрике захотелось рассказать Памеле о том, что они с Гитро нашли. Просто выпалить новость. Но она этого не сделала.

— Нет, никаких новостей, — сказала она и побежала по коридору.

— Эрика?

Эрика повернулась.

— Что?

— Ты собираешься уйти?

Эрика нахмурилась. Ей не нужно было перед ней отчитываться.

— Потому что, если это так, я хочу, чтобы ты была очень осторожен. Эти девушки не просто сбежали. Нет, — сказала она, качая головой. — Они встретились с кем-то плохим. Я чувствую эти вещи... чувствую с тех пор, как была маленькой девочкой. И я еще не ошибаюсь. — Памела вздохнула. — Их найдут... и очень скоро. И не только этих двоих. Там будет больше.

Глава 64

Рейчел открыла входную дверь и вошла. В доме все еще пахло по-прежнему, хотя она знала, что ее жизнь никогда уже не будет такой.

Четыре ночи, проведенные у ее матери, стали целебными. Ее мать слушала, как Рейчел рассказывала о своей жизни. Это был первый раз почти за год, когда она почувствовала, что может быть честной в своих семейных проблемах, но как только она начала говорить, все это вылилось без усилий. Когда она закончила, мама обняла ее и сказала, что она и дети не просто желанные гости, но и должны оставаться с ней до тех пор, пока Рейчел не сможет найти место преподавателя и встать на ноги.

Как ни странно, Келси сильно смягчилась за время их пребывания в Фениксе. Рейчел знала, что получила ее одобрение, наконец-то справившись со своей ситуацией с Томом. Маленький Томми, с другой стороны, был зол и хотел вернуться домой. Он ненавидел Феникс и скучал по своему отцу. Рейчел сказала ему, что они все уладят в свое время. Но сейчас она должна вернуться в Луизиану одна, чтобы разобраться с их делами.

Теперь, стоя у входной двери, она позвала Тома, но ответа не последовало. Не потрудившись захватить свои вещи, она поднялась наверх, чтобы поговорить с ним, рассказать ему о своих планах. Его ключи и бумажник лежали на комод в хозяйской спальне, но его нигде не было видно.

— Том? — позвала она.

Тишина.

Она проверила ванную и детские комнаты. Тома нигде не было.

Рейчел была в замешательстве. Машина на месте, его ключи, бумажник. Может быть он в гостиной и не слышит ее.

Она спустилась вниз и, когда вошла в гостиную, ее рука взлетела ко рту. Одно из больших окон было разбито, и повсюду валялось стекло.

Рейчел поспешила к телефону и набрала номер детектива, но попала на его голосовую почту. Она набрала номер шерифа. Снова голосовая почта. Когда она начала набирать 911, раздался стук в дверь.

Она поспешила вниз в прихожую, но, когда открыла дверь, там никого не оказалось. На ступеньке крыльца лежал конверт.

Она с минуту смотрела на него с дурным предчувствием глубоко внутри, затем наклонилась и подняла его.

Со стороны дома каркнула ворона. Рейчел быстро взглянула в ее сторону, затем снова сосредоточилась на конверте. Она открыла его и развернула письмо внутри.

«Твой муж больше не причинит тебе боли».

***

Детектив Гитро появился у Рейчел Андерсон через несколько секунд после ее звонка. Как будто он был где-то рядом.

Они стояли у нее на кухне.

— И вы не знаете, кто это оставил? — спросил он, покраснев.

Впервые с тех пор, как она его знала, он не выглядел спокойным и невозмутимым. На самом деле он казался странно растрепанным в расстегнутой рубашке, а рукава которой были поспешно закатаны. Его густые волосы были даже взъерошены, как будто он провел несколько часов, проводя по ним пальцами.

Она покачала головой, волны тошноты каскадом прокатились по ее животу. Она снова подумала о том, что говорилось в записке. Кто-то причинил боль Тому?

— Нет. Я открыла дверь, но там никого не было, — сказала она.

— И вы не догадываетесь что случилось с окном? Или где ваш муж?

Рейчел покачала головой и посмотрела на подоконник. Ее подсолнухи были вялыми, их листья обезвоженными. Том не позаботился о них. На самом деле, он уже давно ни о чем не заботился. И все же он не заслуживал того, чтобы ему причинили боль.

— И вы говорите, что только что вернулись из Аризоны?

— Да, из Феникса.

— Ясно, Феникс. И вы ничего не слышали о ФБР?

Рейчел нахмурила брови.

— ФБР? Почему я должна что-то слышать о ФБР?

— Вы знаете Криса Робишо? — сменил тему Гитро.

Рейчел была в замешательстве. Она посмотрела мимо детектива на кружевные полотенца, которые свисали с ручки на ее плите, голубые пастельные полотенца, вышитые красными цветочными лепестками. Они были дорогими, но даже не впитывали воду. Они были фасадом. Как только все это закончится, она купит квартиру в Фениксе, поближе к маме, и будет покупать только настоящие вещи. Вещи, которые были честными, имели смысл.

— Разве он не владелец закуской «Люка»? — уточнила она.

Он кивнул.

— Тогда, да. Я знаю его.

— Как насчет Сары Грин?

Рейчел моргнула. Конечно она знала Сару. Она знала Сару с тех пор, как та еще была ребенком.

— Почему вы спрашиваете?

— Вы хотите сказать, что не знаете, что она пропала? И Крис Робишо тоже?

Ее сердце готово было вырваться наружу.

— Пропала? О боже мой.

— Не смотрите так удивленно. Не поверю.

Но она была удивлена. Она всегда любила Сару. Что... происходит?

— И подозреваю, что в следующее, что вы скажете мне, что понятия не имели, что у Тома и Сары Грин был роман?

— Р-ром..?

Гитро с отвращением покачал головой.

Рейчел почувствовала себя так, словно ее сбил автобус.

— Ваш муж, кажется, не очень хорошо умеет держать свой член в штанах, — сказал он. — Я бы подумал, что вы очень рассердились на него. И, возможно, очень злы на девушек, с которыми он изменяет.

Ее голос прозвучал как писк.

— А вы бы не стали?

— О, конечно, я бы тоже рассердился. Любой в здравом уме сделал бы это. Черт возьми, я сам могу даже зайти так далеко, что у меня появятся мысли об убийстве. В конце концов, мы всего лишь люди. Разве вы не согласны?

Кровь прилила к щекам Рейчел. Она была совершенно измотана. Но ей нужно взять себя в руки. Она справится с шоком и болью позже.

— Мне не нравится то, что вы говорите, детектив, или то, как вы это говорите. Я ничего не сделала Тому, и я ничего не сделала тем девушкам. И я начинаю думать, что мне следует пригласить сюда адвоката.

— Две любовницы вашего мужа исчезли, мэм. Ни одна. Две. И это не такой большой город, как Вашингтон, округ Колумбия, дорогая. Это Гранд-Треспасс.

Любовницы. Любовницы Тома.

— И сейчас у нас в морге лежит тело, — добавил он, — почти готовое к опознанию.

— Тело? Чье? Одной из девочек?

Гитро пристально посмотрел ей в глаза, как будто пытался что-то выудить из них. Это привело ее в ярость.

Она сделала глубокий вдох.

— Вы меня арестовываете?

— Нет... еще нет.

— Тогда убирайтесь к черту из моего дома. Сейчас же. У меня нет времени на ваши игры, детектив. Мне нужно найти своего мужа.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но зазвонил его сотовый телефон.

Он ответил на звонок.

— Одну секунду, шериф. — Он прикрыл трубку рукой и сказал. — Похоже, на этот раз ваше желание исполнилось. Я уйду прямо сейчас. Но вы, возможно, захотите остаться на месте. Я очень скоро вернусь.

Глава 65

Эрика резко раскрыла руку, и плод упал, забрызгав своими остатками влажную землю. Отвратительный вкус гнилого помидора, потряс ее рецепторы своей мерзостью.

Она дважды сплюнула, чтобы избавиться от привкуса гнили во рту, затем быстро закончила страницу, над которой работала.

Несколько минут спустя она захлопнула блокнот и ухмыльнулась, глядя на обложку. «Никогда не улыбайся незнакомцам», Эрика Дюваль. Отчет о том, что произошло в Гранд-Треспассе этим летом. Конечно, книга была далеко не закончена, но с информацией,

которую она собрала до сих пор, обнаружением тела и чувством Гитро, что оно станет ключом к раскрытию личности убийцы, она полагала, что прошла значительную часть пути.

Крис не появился, чтобы открыть закусочную в то утро. Ни звонков, ни сообщений никому, он просто не появлялся. Для него это было впервые за те три года, что она у него работала. И в первый раз закусочная была закрыта на целый день.

Мог ли он быть причастен к исчезновениям? Был он тем, кто убил Сару Грин, а затем закопал ее тело где-нибудь в лесу? И Тиффани тоже? Разбил голову неизвестного мужчины в кровавое месиво?

Нет, невозможно представить, что он может кому-то навредить. Он не из таких. Но ведь не существовало определенного «типа» для убийства? Она почти уверена, что при наличии правильных причин большинство людей способны на это.

Эрика снова сплюнула, надеясь избавиться от отвратительных остатков гнилого помидора. И вот тогда это случилось. В пятидесяти футах от поляны, всего в ста ярдах от Виски-роуд, она заметила движение. Она присела на корточки и оглядела лес.

Она кого-то видела. Мужчина в черной лыжной маске. Он, спотыкаясь, шел к ней. Приближаясь, он издал леденящий кровь крик, от которого Эрике самой захотелось закричать.

Вздрогнув, она отступила в тень, прислонившись спиной к старому дубу, быстро забыв о гнилом привкусе во рту. Когда он приблизился, она свернулась калачиком, стараясь стать как можно меньше.

Ее сердце билось так бешено, что она боялась, как бы он не услышал его.

Казалось, с ним было что-то не так. Бормоча что-то себе под нос, он снял маску и несколько раз с трудом вдохнул.

Хотя она могла видеть только часть его лица, она точно знала, кто он такой. Слова Хейли эхом отозвались в ее голове: «В наши дни просто кажется, что люди даже не знают друг друга по-настоящему... или на что они способны».

Он снова, спотыкаясь, двинулся в ее направлении. Он приближался к ней.

Она глубоко вздохнула и приготовилась бежать.

Внезапно их взгляды встретились. Она видела, как осознание того, кем она была, медленно проявляется на его свекольно-красном лице. Его глаза расширились, и он замер.

Она попыталась бежать, но с ужасом обнаружила, что не может пошевелиться.

Она тоже замерла.

Глава 66

Хейли закончила вытирать кухонную стойку. В доме было тихо. Слишком тихо. Она бросила тряпку в раковину и пошла в комнату сестры. Постучала и сразу же услышала шепот.

— Что? — раздался раздраженный голос по ту стороны двери.

— Я готовлю ужин. Ты уверена, что ничего не хочешь?

— Я не голодна, — крикнула Бекки.

Снова послышался шепот. Затем Хейли услышала приглушенное хихиканье.

Не включая свет, Хейли пошла в свою спальню. Бекки приколотла два одеяла к деревянным доскам, разделявшим их комнаты, но несколько мест все еще оставались открытыми. Хейли нашла одну щелку и заглянула внутрь.

Сикрест была в комнате с Бекки, как и два мальчика, которых Хейли раньше не видела.

На комодке Бекки стояли наполовину опорожненная бутылка ликера «Южный комфорт» и пустая двухлитровая бутылка кока-колы. У каждого подростка был стакан.

Сикрест сидела топлесс.

— Правда или действие, — спросил один из мальчиков.

Голос Бекки дрожал.

— Э-э, действие.

— Я предлагаю тебе тоже снять рубашку.

Сикрест рассмеялась.

— Ты серьезно? И увидеть, что? Толстые булочки?

— Это довольно дерьмовые слова, — сказал мальчик.

— Это правда, — заявила она вызывающе. — В любом случае, почему тебе так интересно посмотреть на сиськи Бекки? Не похоже, чтобы у нее действительно что-то было.

Сикрест повернулась к импровизированной стене, и Хейли показалось, что девушка смотрит ей прямо в глаза.

— Меня все еще пугает, что твоя сестра может стоять там и наблюдать за нами, — призналась подруга Бекки. — Она из тех уродов, которые стали бы.

Хейли ахнула и поднесла руки ко рту, уставившись на что-то на груди девушки.

— О боже, — прошептала она.

Вскочила с кровати и подошла к двери сестры. Она не потрудилась постучать, прежде чем попыталась повернуть дверную ручку в комнату Бекки. Но она была заперта.

— Бекки! — крикнула она, ее сердце бешено колотилось в горле. — Бекки,пусти меня!

— Хейли, подожди! — закричала Бекки.

Когда Бекки наконец открыла дверь, окно было открыто, а мальчики исчезли. В комнате воняло разлитым спиртным. Сикрест стояла в конце кровати Бекки, поправляя майку.

— Покажи мне, что у тебя на шее, — потребовала Хейли.

Ее темные волосы растрепались, Сикрест бросила на Хейли пронзительный взгляд.

— Прошу прощения?

— Покажи мне. Покажи мне, что у тебя на шее! — воскликнула Хейли.

Бекки уставилась на нее, разинув рот.

— Хейли? Ты в порядке?

Сикрест поднесла руку к шее, затем, казалось, почти удивившись, что оно там, она потрогала ожерелье. Вытащила кулон в форме сердца из-под майки.

— Это?

Хейли сорвала ожерелье с шеи девушки.

— Осторожно! — запротестовала Сикрест. — Что, черт возьми, не так с...

Хейли перевернула его и увидела монограмму «ТП». Она поднесла ожерелье к лицу девушки. Когда Хейли заговорила, ее голос прозвучал как шипение.

— Где ты это взяла?

Сикрест сделала шаг назад, и в ее изумрудных глазах появился страх.

— Зачем тебе? Что случилось?

— Где ты это взяла?! — закричала Хейли, шагнув к Сикрест.

— Я... я нашла его. Ну и что?

— Где?

Громкий, хриплый стон донесся из другой части дома. Ригли завывала.

Нижняя губа Сикрест задрожала.

— Я... я просто нашла его, хорошо?

— Это ожерелье принадлежит Тиффани! Она была в нем, когда...

Ноги мягко ступали по деревянному полу.

— Что происходит? — спросила миссис Ландри, входя. Ее глаза остановились на растерянной Сикрест.

— Мама, Сикрест носила ожерелье Тиффани! — воскликнула Хейли.

Миссис Ландри выглядела смущенной.

— На ней было ожерелье Тиффани! То, которое ты купила для нее. Разве ты не видишь? Тиффани была в нем, когда исчезла!

Ее мать, казалось, медленно, слишком медленно складывала кусочки воедино в своей голове.

Хейли повернулась к Сикрест как раз вовремя, чтобы увидеть, как та вылезает из окна. Потеряв равновесие, она ударилась подбородком о стекло и резко вскрикнула.

Хейли бросилась через комнату, чтобы ее остановить.

Но девушка исчезла.

Глава 67

Гром прогремел в небе, когда он прокрутил эту сцену в голове. Его ангел на долю секунды взглянула на его записку, прежде чем поникнуть у него на глазах. Увидев ее боль, он почувствовал, как внутри нарастает ужас, но что было еще больнее... и почти невыносимо... так это осознание того, что он никогда больше ее не увидит.

На обратном пути к дому его охватил приступ паники, такой сильный, что он думал, что задохнется. Посреди всего этого он увидел Эрику Дюваль, присевшую на корточки в лесу. Она тоже его видела, но это его не очень волновало. Теперь она ничего не могла ему сделать.

Дома он пошел в свою спальню и выхватил вторую записку из-под матраса. Затем, на кухне, он сосредоточился на том, чтобы успокоить свою руку. Пять минут спустя более важная записка, о которой он беспокоился уже месяц, но надеялся, что ему не придется ее отправлять, была завершена. Он сунул ее в конверт и подошел к почтовому ящику, на котором жирными белыми буквами было написано «Сикрест». Опустив письмо в ящик, он поднял красный металлический флажок, чтобы почтальон знал, что есть почта на отправку.

Вернувшись в дом, он прошел в комнату матери и в ее крошечную ванную комнату. На нижней полке аптечки лежал тощий тюбик зубной пасты, покрытый пылью, и два оранжевых пластиковых флакона, наполовину заполненных лекарствами. Оба с галоперидолом. Этикетки выцвели и отслаивались от пластика, но он все еще мог разобрать имя своей матери. Дария С. Тибодо. Буква «С» означала Сикрест, ее драгоценную девичью фамилию.

Он открыл первую баночку и перевернул ее вверх дном. Четыре маленькие круглые таблетки с белыми крестиками, выгравированными по центру, упали в его дрожащую руку. Во втором флаконе было девять. Сжимая тринадцать таблеток в потной ладони, он, шаркая, вышел из комнаты матери в свою собственную.

Ранее в тот же день он отнес телевизор в свою спальню, затем наполнил миску смесью кошачьего корма и крысиного яда. Поставил миску на переднее крыльцо для злобного Йена.

Теперь он включил телевизор и настроился на старый эпизод «Оставь это Бобру». Он убавил громкость и схватил магнитофон. Вставил кассету с Бобом Диланом и установил громкость на среднюю. Он больше не мог выносить молчания. Ему нужно было чувствовать, что с ним кто-то есть. Он не хотел умирать в одиночестве.

Он сел на кровать. Они найдут его только через несколько часов. Это был конец. Окончательно. Он надеялся, что мир за пределами его головы был реальным. Он не был уверен, так ли это, но решил не терять надежды. Это было все, что у него осталось. Он подумал о Крисе и испугался еще больше. Убить его было смертным грехом.

Он задавался вопросом, найдет ли Бог способ простить его.

Он закрыл глаза. Темнота. Так вот как выглядела бы смерть? Как бы ощущалась? Мирно? В безопасности? Будет ли любовь? Семьи? Шанс для нового, нормального начала?

Решив, что все лучше, чем то, чем он живет сейчас, он открыл глаза и открутил крышку с бутылки «Будвайзера». Он принимал по три таблетки за раз, пока не проглотил их все.

Откинулся на спинку кровати и выглянул в окно, слушая, как Дилан напевает «Ляг, крошка, ляг». Небо так потемнело от грозы, что он больше не мог видеть за окном. Йен пришел и ушел несколько минут назад. Его глаза казались особенно красными и жестокими на фоне штормового вечера, когда он смотрел на него через окно. Он слабо мяукнул и прижался своим тощим телом к грязному стеклу. А потом кот ушел. Возможно, чтобы забрать еду с крыльца.

Теперь он лежал в маленькой комнате под простыней, свернувшись калачиком. Чем тяжелее становились его веки, тем больше он пугался. Он боролся с этим. Он боролся со сном, умирал и отправлялся в неизвестное и, возможно, более страшное место. Но оставаться в сознании становилось все труднее.

Дилан напевал ему, когда он засыпал.

Глава 68

Эрика ждала, казалось, целую вечность, прежде чем покинуть свое укрытие у большого дуба, беспокоясь, что он может ждать в тени поблизости, готовый к прыжку. Но как только она убедилась, что он ушел, она вскочила и побежала.

Началась гроза, и небо теперь было пурпурно-черным. Стало трудно ориентироваться в лесу в темноте. Ветви рвали обнаженную плоть ее рук и ног, а сосновые шишки хрустели под ее ногами. Но она продолжала бежать, не обращая внимания на боль. Слишком очевидной для нее стала догадка о том, кто несет ответственность за пропавших девушек и мертвое тело, которое они с Гитро нашли.

Стена испанского мха хлестнула ее по лицу, временно ослепив, но она продолжала бежать. Он был не тем, кем они все его считали, и она должна сообщить детективу, прежде чем кто-то пострадает. Фары появились, когда Эрика пересекла линию деревьев на краю дороги. Она дошла до тротуара и отчаянно замахала руками.

Внедорожник свернул на узкую обочину и затормозил, чтобы остановиться. Где-то поблизости пронзительно закричала птица, а затем перелетела через дорогу, хлопая крыльями в штормовом ночном воздухе. Подбежав к пассажирской двери, Эрика заглянула в окно.

— Миссис Андерсон! — закричала она. Открыла дверь, и на нее уставилась растерянная Рейчел с красными глазами.

— Мне нужна ваша помощь, — начала она, запыхавшись. — Я знаю, кто он.

— Кто он? Боже мой, ты в порядке? — воскликнула Рейчел.

Эрика посмотрела на свои окровавленные руки и ноги.

— Да, я... я в порядке. Просто бежала через лес, потому что увидела...

— Для тебя слишком опасно стоять там. Давай, залезай.

Она забралась в грузовик и захлопнула дверцу.

— Хорошо, теперь притормози. О ком ты говоришь, — спросила Рейчел.

— Мне кажется, я знаю, кто похитил Тиффани Перрон и Сару Грин! И кто убил парня в лесу!

— В лесу? Я не...

— Мы нашли тело.

— Мы...? Кто нашел тело?

— Гитро и я...

— Эрика, не спеши, — Рейчел, проговорила медленно, как будто имела дело с сумасшедшим человеком. Она положила руку на плечо Эрики. — Просто подожди секунду и соберись с мыслями. И расскажи мне, что происходит.

— Хорошо, хорошо, — согласилась Эрика, затем сделала несколько глубоких вдохов. А потом она рассказала Рейчел о том, что видела всего несколько минут назад. Как только она закончила, она почувствовала необходимость уточнить.

— Послушайте, я не совсем уверена, но хотя нет, я почти уверена, — сказала она немного спокойнее. — Если это тот парень, то он живет в четверти мили отсюда по дороге. Пожалуйста, просто отвезите меня туда, чтобы мы могли узнать наверняка.

Рейчел вытащила сотовый телефон из-под козырька, набрала номер на клавиатуре, затем поднесла телефон к уху.

Внедорожник медленно двинулся вперед.

Глава 69

Бросив универсал на стоянке, Хейли выскочила из машины и побежала к входной двери Эрики.

Облака в небе были темными и угрожающими и, казалось, нависали слишком близко к земле. Крупные капли дождя обрушились на Хейли с такой силой, что казались градом.

Из дома доносились вибрации. Громкая музыка. Открыла удивленная Памела, держа в ухоженной руке банку «Миллер Лайт» с ободком, испачканным красной помадой. В доме гремела каджунская музыка.

— Что случилось, дорогая? — спросила она, ее глаза расширились.

— Мне нужно поговорить с Эрикой, — сказала Хейли, запыхавшись. — Она дома?

Брови Памелы изогнулись.

— Ее здесь нет, милая. Но ты вся промокла. Заходи внутрь.

Хейли покачала головой.

— Вы знаете, где она?

— Не могу сказать, она так часто уходит одна. Вероятно, в тех лесах, хотя мы ее о них предупреждали. Когда найдешь ее, пожалуйста, скажите, что ей нужно быть более осторожной. Мы беспокоимся о том, что она может пострадать.

Хейли побежала обратно к машине. Когда она ехала по направлению к Виски-роуд,

дворники протестовали, дергаясь и визжа, когда прилипали и отклеивались от лобового стекла. Впереди Хейли плелся грузовик, но сквозь тучи дождя и торчащие дворники она едва могла разглядеть его задние фары.

С неба сверкнула молния. Не в силах отдышаться, Хейли опустила окно, чтобы подышать свежим воздухом. В кабину просачивалась дождевая вода и влажный кислый запах навоза. Что еще хуже, резкий запах протоки вдалеке ворвался в грузовик и заполз ей в ноздри.

Двойные желтые линии все тянулись и тянулись по серому тротуару, а дождь стекал по ветровому стеклу. Хейли свернула на грунтовую дорогу.

Она задумалась, не следовало ли ей позвонить шерифу или детективу Гитро, чтобы рассказать одному из них об ожерелье Тиффани? Но это пока слишком рано, верно? Возможно, негативное мнение о Сикрест затуманило ее рассудок. Она хотела все хорошенько обдумать, прежде чем впутывать девочку-подростка в исчезновения Тиффани и Сары... Какой бы ужасной та ни была.

Глава 70

Он открыл глаза, но его зрение было размытым, нечетким. Пряди волос щекотали его спину, и он почувствовал, как ногти прошлись по его шее.

Он напрягся.

Было ли это сном? Или он уже ушел? Что это?..

Он моргнул в темноте. Медленно его глаза привыкли, и он увидел свое окно. Он был одурманен. Ему хотелось закрыть глаза, но он знал, что это важно. Что происходит? Был ли он все еще жив?

— Молчи, — произнес голос рядом с ним, и теплая рука переместилась с его бицепса на грудь, а затем вниз к животу.

Его сердце подпрыгнуло в груди. Большие скачки, короткие. Он попытался подняться.

— Ляг со мной, — прошептала она. — Пожалуйста. Я дам тебе то, на что ты смотришь в своих журналах... Но я настоящая.

Корица от ее дыхания обожгла его шею. Он почувствовал ее гладкую кожу на своей. Это была Элли. Он все еще был жив. Его кожа покрылась мурашками.

Под облаком корицы он чувствовал запах косметики и табака в ее дыхании. Он также мог чувствовать запах чего-то столь же отвратительного. Рвота. Должно быть, его вырвало во сне.

Он, спотыкаясь, выбрался из постели, и боль пронзила его тело. Она была такой острой, что он поморщился и согнулся пополам. А еще у него под ногами было что-то липкое.

«Может быть, Бог не готов встретиться со мной, — подумал он. — Может быть, я должен остаться на земле, в Гранд-Треспассе. Может быть, в конце концов, была причина моего существования, и моя работа еще не закончена».

Либо так, либо его мать оказалась права: он жалок. В конце концов, насколько трудно было покончить с собой? Он тщательно обдумал оба вывода.

Элли поднялась и встала перед ним. В полоске лунного света он мог разглядеть ее обнаженное тело.

— Что с тобой не так? — причитала она.

В его голове промелькнуло воспоминание. Длинные, холодные пальцы его матери на

его покрытой испариной коже. Вторгаясь, унижая его. Этого воспоминания оказалось достаточно, чтобы у него открылось второе дыхание. Он, пошатываясь, подошел к двери своей спальни и распахнул ее. Затем, спотыкаясь, направился к задней двери.

— В любом случае, почему здесь телевизор? — прорычала она. — Это все, чего я действительно хотела. Просто посмотреть гребаный телевизор. Дело не в тебе. Это никогда не касается тебя!

Он открыл заднюю дверь и услышал, как ее босые ноги ступают по кухонному полу. Когда она заговорила в следующий раз, ее голос выдавал ее злость.

— Прекрати игнорировать меня, ты слышишь, сукин сын? Просто остановись, потому что я знаю, что ты сделал! — закричала она. — Ты убил тех девушек, ты, гребаный урод! Я знаю, что это был ты!

***

Облака стали гуще с тех пор, как он заснул, и внешний мир приобрел мрачную серость, мало чем отличающуюся от тесного пространства внутри его разума. Сильный дождь теперь бил по его телу в безумном неистовстве, смешиваясь с напряжением, которое ревело в его голове.

Он, спотыкаясь, вышел из сарая и вернулся в дом со старым армейским пистолетом сорок пятого калибра, который оставил его отец. На протяжении многих лет он обращался к нему крайне редко, но знал, что однажды ему придется им воспользоваться.

Он поднял глаза и увидел, что Элли пристально смотрит на него через заднее окно. На ней была одна из его футболок, ее голые ноги темнели на фоне бело-голубых флуоресцентных ламп кухни. Ее глаза выглядели дикими, точно так же, как у его матери в ту ночь, когда она не успела.

Он обогнул дом и подошел к парадному крыльцу. Йен проглотил наживку. Теперь он свернулся калачиком на нижней ступеньке крыльца и уснул навсегда. На секунду ему стало жаль кота, но он знал, что поступил правильно.

Кот был несчастен и хотел положить конец своему порочному существованию. Вот почему он преследовал его все лето. Животные могли чувствовать недобрых людей, и кот почувствовал в нем недоброжелательность. Он перешагнул через животное и слабым пинком открыл сетчатую дверь.

Оказался лицом к лицу со своей сестрой.

Ее лицо сморщилось, как будто она была готова закричать. Но потом она увидела пистолет и покачала головой.

— Ты, черт возьми, издеваешься надо мной, — сказала она. Но ее голос дрожал, выдавая ее.

Он то мог сфокусировать на ней свой взгляд, то нет. Была одна Элли. Две... Элли.

Он размышлял о страстном желании, которое росло внутри него, о неконтролируемом желании убить свою сестру. Было ли это злом? Или Бог увидит в этом приемлемое средство правосудия? Поймет ли его вообще Бог?

Молния прорезала небо, и дождь забарабанил в окна. Он сделал шаг вперед.

Элли сделала шаг назад.

Крыша начала скрипеть, и полный рот Элли вытянулся в форме квадрата. Она плакала, но не было слышно ни звука.

Теперь он был единственным, кто контролировал ситуацию. Он посмотрел в испуганные глаза сестры, понимая, что она тоже это чувствует. Левой рукой он сунул руку в

карман и вытащил полированный камень.

Она уставилась на пистолет.

— Я больше не буду этого делать... Обещаю. Это была просто шутка, — взмолилась она. — Все это. Мне так, так жаль. — Ее губы задрожали, и он увидел гусиные пупырышки на обнаженной плоти ее бедер. Вскинув руку с красными ногтями к лицу, она вытерла слезы.

Крокодиловы слезы.

Вранье.

— Я сказала, что расскажу о том, что ты сделал с девочками. Но я бы не стала, — воскликнула она. — Я не могу так поступить с тобой. Я бы никогда этого не сделала. Ты мой... мой брат!

Он покачал головой, и его зрение затуманилось. Когда он заговорил в следующий раз, его голос загремел.

— Ты превратила мою жизнь в сущий ад, Элли. Какого хрена ты устраиваешь постоянно? Что я делал, кроме того, что пытался заботиться о тебе?

— Мне очень жаль! Мне так жаль! Правда! — заверила она, робко шагнув к нему, потом, передумав, снова отступила.

Потоки дождя обрушились на окна гостиной, и сетчатая дверь на заднем дворе захлопнулась, открылась, захлопнулась.

Теперь он видел трех Элли.

Глава 71

Небо разверзлось, и дождь хлынул так яростно, что Хейли пришлось напрячься, чтобы видеть перед собой. Но после нескольких минут поисков она наконец нашла то, что искала в Уэстоне. Грузовик Остина, с номерным знаком с надписью: «Луизиана» стоял, как камень, под бушующим небом, на длинной грязной подъездной дорожке, перед небольшим домом.

Голубовато-белая полоска луны смотрела на лес, соперничая с облачным небом, и зловеще отражалась от заросшего переднего двора, когда универсал Ландри проехал по мокрой гравийной дорожке и остановился рядом с синим Фордом F-350.

Поскольку она не могла найти Эрику, Хейли решила довериться Остину. Он был умен, и она верила, что он сможет пролить свет на ситуацию, помочь ей разобраться во всем этом. Он бы сказал ей, где именно ее логика в отношении ожерелья была ошибочной. Он улыбался своей кривой улыбкой, и все вдруг становилось лучше. По крайней мере, она на это надеялась. В ее жизни действительно не было никого, к кому можно было бы обратиться.

Не потрудившись закрыть дверцу машины, она побежала под дождем к дому. Над ней прогремели раскаты грома, когда она бросилась через двор. Как раз перед тем, как она добралась до крыльца, молния пронзила небо, осветив сетчатый забор по периметру двора.

Входная дверь была открыта, а окно в передней части дома, казалось, было разбито. Тусклый луч флуоресцентного света падал на шаткое крыльцо, отражаясь от осколков того, что казалось стеклом. Еще что-то было на одной из ступенек крыльца. Хейли ахнула и отскочила назад. Мертвая кошка лежала, свернувшись калачиком, кончик ее языка был зажат между зубами.

Сквозь ливень она слышала голоса в передней комнате. Спорящие.

Могла ли Бет быть там с ним?

Хейли попыталась вспомнить, упоминал ли он, что она в городе. И в первый раз она

подумала, что, возможно, приходиться сюда было плохой идеей. В конце концов, если не считать снов, которые она видела об Остине, нескольких недель светской беседы и нескольких поездок домой, у нее не было с ним никаких значимых разговоров. Совсем.

Но это было важно, и с кем еще она могла поговорить?

Закусив нижнюю губу, она решила постучать. Но замерла, увидев, кто был с ним в гостиной. Остин стоял к ней спиной, а Сикрест — лицом к нему. Похоже, у них был какой-то спор.

Эти двое знали друг друга? О боже, неужели они... спали вместе?

Неужели ее глаза сыграли с ней злую шутку?

Она медленно попятилась от дома, пытаясь осмыслить то, что увидела. Затем Хейли услышала рев двигателя. Мгновение спустя появились фары. Кто-то ехал по подъездной дорожке во внедорожнике.

Она прикрыла глаза ладонью и посмотрела на внедорожник, ее глаза защипало, а одежда промокла насквозь. Прежде чем он полностью остановился, фары погасли. Кто-то выпрыгнул с пассажирского сиденья и побежал к ней.

Эрика?

— Что ты здесь делаешь? — Эрика ахнула, ее руки и ноги были в крови.

Теперь Хейли действительно растерялась. Слезы и дождь текли по ее щекам. Она ущипнула себя за руку так сильно, как только могла, мгновенно пустив кровь. Все это должно было быть сном.

Пожалуйста... пусть все это будет просто сном.

Глава 72

Галоперидол вызывал у него тошноту. Его голова внезапно стала слишком тяжелой для шеи, и образ заплаканного лица его сестры то появлялся, то исчезал из фокуса.

— Пожалуйста, — взмолилась она мягким голосом. — Пожалуйста, не делай этого. Я изменюсь. Обещаю. Правда. Просто подожди. Ты будешь так удивлен тем, какой милой я могу быть. Какой нормальной. — Внезапно она снова стала похожа на восьмилетнюю девочку, бессильную и невинную. Свободная от зла их матери. Не желающая ничего больше, чем ловить раков и светлячков, и смеяться над чем-нибудь хоть отдаленно смешным. Пробралась в его комнату не для секса, а потому, что любила его... смотрела на него снизу-вверх.

Со стены позади нее свалился таракан, и он вздрогнул.

— Нет, — сказал он, качая головой. — Ты никогда не будешь нормальной.

— Я так и сделаю. Я клянусь своим сердцем... Я люблю тебя.

Его хватка на камне усилилась.

— Не говори мне этого! — взорвался он.

— Я люблю, Остин. Я действительно так думаю. Ты все... ты все, что у меня есть, — плакала она. — Ты — все, что у меня когда-либо было. Мама была больна. Я знала это. Я ненавидела ее за то, что она делала с тобой.

В его черепе прогремел гром.

«Она обманет тебя и убьет во сне. Она моя дочь. Она — это я».

— Я думаю... думаю, я просто не знала другого способа показать это.

— Пошла ты! — закричал он, не уверенный, обращается ли он к своей матери или к

Элли. Или и то, и другое.

Элли была сообразительной, более умной, чем большинство. Он понял это, когда она была совсем маленькой. Но на протяжении многих лет он видел, как она использовала свой интеллект для манипулирования. Именно это она и делала сейчас.

А еще он вспомнил животных. Тех, о которых его расспрашивала мать. Тех, кого пытали и убили... а потом оставили на заднем дворе. Позировать в странных, гротескных позах. Он перенес ужасные наказания за этих животных, хотя и клялся, что ничего о них не знал.

Странно, но ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, что это была Элли... в поисках собственной власти. Но потом у нее выросло женское тело, и мертвые животные остались в прошлом. Она научилась быть жестокой и в других отношениях.

Теперь Элли в ужасе смотрела на него. Сила, наконец, на его стороне.

Лед проник в его кровь, когда он принял решение, и он прошептал себе под нос:

— Боже, пожалуйста, прости меня.

Ужас залил лицо Элли, когда камень упал на ковер.

Он подошел к ней.

Глава 73

— Эрика, пожалуйста, вернись в машину, — крикнула Рейчел с водительского сиденья, но ее голос соперничал с ливнем.

Она припарковалась на длинной грязной подъездной дорожке. Впереди виднелся небольшой белый дом. Свет на крыльце был выключен, но горел внутри, и она могла видеть тени в передней комнате.

Ударил молния, обнажив старую машину на бетонных блоках, а за ней сарай. Ночь снова стала темной, и ей стало еще больше не по себе. Она не должна была позволять Эрике уговорить ее остановиться. Ей следовало ехать прямо в участок.

Эрика выскочила из машины, как только Рейчел притормозила, и теперь разговаривала с кем-то во дворе. Но сквозь густой ливень Рейчел не могла разглядеть, кто это был.

Она взглянула на небо, чтобы посмотреть, была ли полная луна... потому что уже ничего не имело смысла. И только подумать, что как раз в это утро она спокойно завтракала в Фениксе со своей матерью.

Она вспомнила о разбитом окне. Том где-то без ключей, машины или бумажника. Мужчина, которого они с Келси видели у себя во дворе. Тиффани Перрон, а теперь и Сара Грин. Таинственное тело, которое обнаружили Гитро и Эрика. Мог ли Том действительно быть убийцей? Она понятия не имела. В конце концов, она ужасно разбиралась в людях.

Она изучала тени внутри и задавалась вопросом, принадлежит ли одна из них кому-то, кто мог бы быть ответственным за смерти.

Она снова набрала номер шерифа. И детектива.

— Возьмите свои чертовы телефоны! — завопила она.

Эрика и человек, с которым она разговаривала, замолчали и повернулись в ее сторону.

Гитро велел ей оставаться на месте. Никуда не уезжать! Ей нужно было пойти в полицейский участок и выяснить, не случилось ли что-нибудь с Томом. Но потом она перехватила Эрику, и та тоже заговорила о теле. Это таинственное тело. О нет. Может ли это быть...?

Зазвонил ее сотовый телефон. Ее руки дрожали, она нащупала кнопку включения.

— Алло?

Это был Гитро. За тридцать секунд она рассказала ему о том, что сказала ей Эрика, и о том, где они сейчас.

— Посадите ее обратно в машину и уезжайте. Мне все равно, куда вы поедите, но убирайся к черту с этой собственностью, — рявкнул он. — Мы будем там через пять минут.

Она бросила телефон на пассажирское сиденье.

— Эрика! — крикнула она. Открыла водительскую дверцу и поспешила под дождь.

Только оказавшись рядом с девочками, она поняла, кто была та, другая. Хейли Ландри. Бывшая девушка Мака.

Хейли уставилась на нее.

— Девочки, садитесь в грузовик. Приказ детектива, — сказала Рейчел, прикрывая глаза от проливного дождя.

— Гитро? — воскликнула Эрика. — Неужели вы...

Рейчел прервала ее:

— Я объясню в машине. Поехали.

Когда все трое побежали к внедорожнику, оглушительный грохот расколол ночной воздух.

***

Все трое повернулись к дому.

Рейчел ахнула.

— О боже мой.

— Это был... выстрел из пистолета? — воскликнула Хейли.

Из дома донеслись крики. Хейли и Эрика подбежали к крыльцу и остановились на ступеньках. Раздались новые крики. Дикие крики, которые заставили Хейли зажать уши.

Она медленно поднялась по ступенькам крыльца, затем заглянула в окно. Сикрест сгорбилась на полу, склонив голову. Со стены сорвало дешевую на вид картину. Кровь была повсюду. Стена, ковер. Она спутывала волосы Сикрест и блестела на ее щеке.

— Остин, нет! — взвыла Сикрест. — О Боже! У меня больше никого нет! Неужели ты не понимаешь? Не оставляй меня. Пожалуйста! Я говорила тебе правду!

Хейли посмотрела вниз и увидела голые окровавленные ноги Сикрест. Потом она увидела то, что осталось от головы Остина у нее на коленях, и ее вырвало.

Глава 74

Всю ночь и до самого утра Уэстон был полон местных, государственных и федеральных правоохранительных органов, репортеров и их бригад.

Хейли так и не отправилась спать, и ее адреналин угасал. Она стояла на краю владений Сикрестов, вдыхая влажные утренние запахи. Было девять часов, примерно через двенадцать часов после самоубийства Остина. Она не уходила домой со вчерашнего вечера. Как и Эрика, которая теперь сидела рядом с ней, яростно что-то записывая в блокнот.

Здесь обнаружилась половина жителей Гранд-Треспасса. Все смотрели с границы участка на восточную сторону дома Сикрестов, надеясь, но слишком далеко, чтобы увидеть раскопки, которые велись в пруду.

Детектив Гитро бесчисленное количество раз говорил Хейли и Эрике, чтобы они шли домой. Но когда они отказались, он дал им одеяла и сказал, что они могут вздремнуть в его

машине, пока не появятся новости.

Однако вместо того, чтобы вздремнуть, они налили уже четвертые чашки кофе и сели, скрестив ноги, у входа в лес, в нескольких ярдах от пруда, плотно укрыв свои замерзшие тела одеялами.

Время от времени небо разрывалось, падала легкая морось, ударяя по листьям высоких дубов, намочив одеяла, но Хейли просто сидела рядом со своей подругой, ее губы слишком сильно прижимались к пенопластовой чашке.

Они почти не разговаривали со вчерашнего вечера. Они отвечали на вопросы только тогда, когда это было необходимо, с властями и со своими семьями, которые появились за час до рассвета. Мать Бекки и Хейли стояли рядом с Рейчел, Памелой и отцом Эрики с стороны маленького дома. На страже стоял полицейский, держа зрителей на расстоянии.

Хейли все еще находилась в полном шоке от того, что произошло, и от того, что происходило сейчас прямо у нее на глазах. Настолько потрясена, что даже не была до конца уверена, каких новостей она ждала.

Но когда один из четырех ныряльщиков вытащил первое тело, ее охватил ужас, и она пожелала, чтобы мили раскаленной мостовой или роща муравейников появились перед ней.

Когда тело благополучно оказалось на насыпи и пластиковый пакет, в который оно было упаковано, был разрезан, шериф крикнул:

— Это мужчина!

Миссис Перрон, стоявшая рядом со своим мужем в нескольких ярдах от Хейли и Эрики, начала причитать. Хейли предположила, что это от облегчения.

Она встала и прищурилась, чтобы получше рассмотреть тело, но была слишком далеко и не осмеливалась подойти ближе к заросшему пруду. Она не могла рисковать, чтобы один из агентов ФБР заставил ее уйти. Не раньше, чем она узнает, была ли Тиффани в воде или нет.

— Хейли.

Это был Мак. Он вышел из леса, снял с ее плеч мокрое одеяло и накинул на нее куртку.

Хейли начала всхлипывать.

— Шшш... — прошептал Мак, обнимая ее своими сильными руками. Она вдохнула его знакомый запах и внезапно почувствовала себя в большей безопасности. — Все в порядке. Все будет хорошо.

— Вот еще двое! — крикнул ныряльщик на дальней стороне пруда.

Хейли снова повернулась к пруду. Вой миссис Перрон снова пронзил воздух, и муж схватил ее за плечи. Затем он и полицейский увели ее. Она брыкалась и кричала, но в конце концов они победили.

— Господь Всемогущий, — проговорил шериф, осеняя себя крестным знаменем. — Еще один.

Десять минут спустя, пока Мак прижимал ее к себе, Хейли смотрела, как они вытаскивают из воды второе и третье тела. Ее затошнило.

Несколько минут спустя они разрезали первый пакет для газона.

— Оно в очень плохом состоянии, — услышала она голос шерифа. — Но это никак не может быть девушка Перрон или Грин. Это тело взрослой женщины, и разложение слишком сильное, прошло очень много времени.

— Какие-нибудь женщины, кроме девушек Перрон или Грин, пропадали здесь за последние несколько лет? — спросил Гитро.

Шериф покачал головой.

— Об этом не сообщалось. — Он опустился на колени, чтобы быть ближе. — Ну-ка, посмотрите сюда. Рюкзак.

В пакет с телом был брошен рюкзак. Шериф пробормотал что-то насчет инициалов, вышитых на переднем клапане рюкзака. Затем он прочитал их вслух.

Внезапно Эрика вскрикнула, и ее блокнот упал на землю. Ее голос дрожал, когда она закричала:

— Что? Что вы только что сказали?

— Эрика? — проговорила Хейли, протягивая руку своей подруге. — Эрика, что случилось? Что... происходит?

Эрика посмотрела на нее широко раскрытыми глазами, но ничего не сказала. Девушка неуклюже прошаркала мимо Хейли к пруду. Все внимание было приковано к телу и рюкзаку, поэтому никто не кричал ей, чтобы она уходила. Она скинула шлепанцы, наклонилась и перевернула один. Тот, что слева. Затем выпрямилась и подошла ближе к кромке воды.

Она начала плакать.

— Какого черта? — пробормотал Мак.

Пораженная, Хейли наблюдала, как ее подруга снова наклонилась и уперлась ладонями в колени. Хейли поспешила к ней.

— Мисс, вы не можете быть здесь прямо сейчас, — сказала женщина-агент ФБР наконец заметив Эрику. Эрика пристально посмотрела в лицо женщине-агенту ФБР, ее губы сжались в тонкую линию, а по щекам катились слезы. Затем ее внимание вернулось к пруду.

Агент тронула девушку за плечо.

— Пойдемте со мной, мисс Дюваль.

Эрика вскрикнула и отстранилась.

Внезапно отец Эрики оказался рядом с ней. Он оттолкнул агента и притянул дочь к себе на руки.

— Все в порядке, милая. По крайней мере, теперь мы знаем. Все будет хорошо. Мы пройдем через это.

У Хейли закружилась голова. Остин, пруд, разлагающиеся тела, лежащие рядом друг с другом на его краю, миссис Перрон, кричащая во всю глотку, Мак снова стал самим собой, Эрика реагировала так странно... Все было просто слишком, и стало размытым для нее. Это не было реальностью. Этого не могло быть.

И тут она услышала это. Произнесенное голосом шерифа.

Они разрезали третий пакет.

— Похоже на нее. Девушка Перрон. Да помогут небеса этому бедному ублюдку.

Эпилог

Шесть месяцев спустя...

Рейчел ходила из комнаты в комнату, ее шаги эхом отдавались в пустом доме. Она все еще не могла осознать все, что произошло. Она порылась в кармане в поисках другой салфетки и промокнула щеки и глаза. Затем направилась вниз.

Хотя дом был пуст, он выглядел намного меньше, чем всего шесть недель назад. Меньше и совершенно другим. Как будто они там вообще никогда не жили.

Она прошла на кухню и провела пальцем по стене у черного хода, где многие годы измеряла рост своих детей. Хотя это было давно, казалось, что только вчера, Келси была

достаточно маленькой, чтобы держать ее на руках. Только вчера, Том считался с ней.

Она подумала о молодом человеке, который так много отнял у ее семьи. У города. О его болезни и о странном очаровании, которое, казалось, он испытывал к ней.

«Почему я? — она задумалась в миллионный раз. — И зачем... убивать Тома?»

Но она знала почему. Он изложил все это в письме, в той части адресованной ей посылки, которую власти нашли в почтовом ящике Сикрестов в ночь его самоубийства. В ней был ее золотой браслет, пряди волос и записка, в которой он признавался, что был в ее доме, одолжил ее вещи и очень сожалеет. Что он не здоров и в конце концов пришел к выводу, что никогда не поправится.

Для него это имело глубокий смысл. Защитить ее и ее честь, убив ее изменяющего мужа. Он был болен. От одной мысли о нем у нее по спине пробежали мурашки.

Дети все еще пытались смириться со смертью Тома. Особенно маленький Томми. Его отец был его миром. К сожалению, вместе со смертью Тома в сердце Томми появилась вновь обретенная ненависть к Рейчел.

Она этого не понимала. Это была не ее вина. Кроме того, она тоже потеряла. Кого-то, кто когда-то значил для нее все.

Но Томми был ребенком. Однажды он поймет, что она ни в чем не виновата. По крайней мере, она надеялась, что он это сделает.

В то утро Рейчел попрощалась с Эрикой. Эти двое пообещали поддерживать связь, и каким-то образом Рейчел знала, что они это сделают. Связь сформировалась той бурной ночью шесть недель назад. Связь, которая странно ощущалась между матерью и дочерью. Как та, которую они с Келси восстанавливали. Связь, которая продлится всю жизнь.

Схватив свою сумочку с кухонной стойки, Рейчел подошла к выходу и в последний раз оглянулась. Она вытерла нос, повернулась, прошла вперед и вышла через парадную дверь.

***

Эрика отложила ручку и откинулась на спинку кровати. С той ночи у пруда она полностью погрузилась в окончание своего романа, чтобы совсем не сломаться. Он был, хотя и в общих чертах, основан на трагических событиях лета.

Прощаться с матерью, когда ее похоронили на кладбище на Виски-роуд, стало самым трудным, что ей когда-либо приходилось делать. Но хотя ей было еще больнее, чем когда-либо, она также почувствовала некоторое облегчение. Что-то внутри нее всегда говорило ей, что ее мать не добралась до Нью-Йорка. Тихий голос, который она игнорировала... по необходимости.

Она также была вынуждена попрощаться с Рейчел этим утром. Ее учительница позаботилась о семейных делах в городе и теперь уехала в Феникс, чтобы начать новую жизнь со своими детьми. Она будет скучать по ней. Эта женщина искренне заботилась о ней. Верила в нее. Эта теплота и вера были единственными вещами, которые делали ее жизнь в эти дни управляемой.

До этого лета она чувствовала, что у нее никого нет. Просто жгучее желание воссоединиться со своей матерью. А теперь у нее были Хейли и Рейчел, и, как ни странно, даже...

В дверь постучали.

Она вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Да?

Голос Памелы.

— Можно мне войти, дорогая?

Она смотрела, как дверь медленно приоткрылась. Памела вошла и села на кровать.

— Ты в порядке сегодня?

— Эм, а ты как думаешь? — пробормотала Эрика.

Памела похлопала себя по колену.

— Ну что ж, тогда, я думаю, тебе следует ехать.

Эрика нахмурила брови.

— Ехать? — Что? Неужели она пыталась выгнать ее из отцовского дома?

— В Нью-Йорк.

Эрика была в замешательстве.

— Я не понимаю.

— Ну, разве это не было твоим планом с самого начала?

Эрика посмотрела на женщину.

— Как ты узнала?

Памела встала и подошла к банке «Хайнекен», которую Эрика использовала в качестве банка для своего фонда в Нью-Йорк. Она постучала по клейкой ленте, которую Эрика приклеила. На ней черным маркером было написано: Нью-Йорк.

Памела подмигнула.

— Я же говорила тебе, что наблюдательна? Видишь, Памела наблюдает. У меня острый нюх на такие вещи. Я никогда не буду простым человеком, но Бог дал мне это.

По щекам Эрики покатались слезы. Слезы, которые, как она поклялась, никто никогда не увидит.

«Покажи им свою слабость...»

Но ей было уже все равно.

— Я просто не понимаю. Она никогда никому не делала ничего плохого.

Памела снова села и похлопала ее по спине.

— Может быть, она подобралась к чему-то слишком близко, милая. Во всяком случае, так, кажется, думает твой отец.

Эрика моргнула сквозь слезы.

— Откуда ему знать?

— Он знал, что она писала детективную книгу об этом городе, и что она разговаривала с некоторыми людьми, в том числе с этой Дарией Тибодо. Особенно Дарией Тибодо. Видишь ли, твоя мама, у нее тоже было острое чутье на вещи. И, как и ты, она любила эти леса. Твой папа думает, что книга как-то связана с тем, что Дария делала со всеми мужчинами, с которыми она спала. Жаль, что мы никогда не узнаем наверняка. Ее рукопись была в том рюкзаке.

Эрика была шокирована тем, что ее мать раскрыла такую информацию ее отцу.

— Откуда он мог знать о книге? Они даже никогда не разговаривали!

Памела на мгновение задумалась об этом.

— Воспоминания из детства не всегда точны, малышка. Я уверена, что у твоих родителей были хорошие времена. Уверена, что они говорили больше, чем ты думаешь.

Ну, может быть.

Памела сунула руку в задний карман и протянула конверт Эрике.

— Что это такое? — Эрика фыркнула.

— Кое-что, что поможет тебе, пока ты будешь вставать на ноги в Нью-Йорке, — она

указала на банку «Хайнекена». — Боюсь, эти твои деньги не унесут тебя слишком далеко.

Эрика неохотно открыла конверт и увидела липкую записку с именем и номером на ней и пачку сто долларовых купюр.

— Где ты взяла все эти деньги?

— Просто кое-что скопила. Мои потребности невелики. Так было всегда. И я ждала, чтобы найти этим деньгам хорошее применение. Не могу придумать ничего лучшего, чем помочь тебе начать все сначала. Позвони по этому номеру и спроси Митчелла. Он мой хороший друг. Он даст тебе работу и временное пристанище в городе.

— Но она не в Нью-Йорке. Неужели ты этого не понимаешь? Эта единственная причина, по которой я собиралась ехать.

Памела покачала головой.

— Это неправда, дорогая. Видишь ли, так оно и есть. Она гораздо больше в Нью-Йорке чем была в том старом темном пруду в Уэстоне. Или в земле там, на Виски-Роуд. Ты же знаешь это. Это была всего лишь ее оболочка. Нью-Йорк... Вот где ее сердце. Ее мечты, ее страсть. И именно там же находятся и твои. Теперь ты возьмешь свою книгу в Нью-Йорк и начнешь все заново. Найдешь новую работу, познакомишься с людьми, которые больше похожи на тебя, и сделаешь свою жизнь счастливой. И если ты обнаружишь, что тебе там не нравится, почувствуй себя спокойно, потому что здесь у тебя всегда есть дом.

Эрика покачала головой.

— Нет, я должна выяснить, что случилось с моей мамой.

— Есть много людей, которые делают это прямо сейчас. Делают гораздо больше, чем ты сможешь сделать. Я буду держать ухо остро и обязательно позвоню тебе в любое время, когда появится новая информация.

Памела была права... насчет всего.

Это было страшно.

Эрика снова взглянула на деньги.

— Ты уверена в этом?

— Никогда не была более уверена ни в чем другом. Ну, кроме твоего папочки, конечно, — усмехнулась она. — И, говоря о нем, однажды ты поймешь, что в нем есть нечто большее, чем то, что ты видишь сейчас. Я знаю, что он не всегда прилично относился к твоей маме, но ты должна дать людям возможность измениться. И в глубине души я знаю, что он изменился. Он любит тебя больше всего на свете, хотя понимаю, что он ужасно это показывает.

Следующее, что сделала Эрика, удивило ее саму. Она протянула руку и обняла блондинку, которая сидела на ее кровати. Она крепко обняла ее.

— Спасибо.

Смех Памелы был теплым. Искренним.

— Ты всегда желанный гость в этом доме. Я скрещу пальцы за то, чтобы ты опубликовала эту свою книгу. Никогда в жизни не видела, чтобы кто-то так усердно над чем-то работал.

И впервые за это лето Эрика улыбнулась ей.

***

Воспоминания об Остине все еще преследовали Хейли, и ей казалось, что так будет всегда. Его простреленная голова на коленях Сикрест, когда она кричала ему, кровь, стекающая по ее обнаженным оливковым бедрам.

Многие из тех же зевак, которые появились на похоронах Чарльза, и несколько представителей властей, местных, штата и ФБР, пришли на похороны Остина. Но они просто приходили и уходили. В их глазах он не заслуживал такого уважения.

Элли Сикрест не появилась. Она исчезла всего через несколько минут после стрельбы, и с тех пор ее никто не видел. Ее объявили в розыск. И почти каждый мужчина от Гранд-Треспасса до Каренкро искал ее в первые несколько дней после самоубийства Остина. Оставалось несколько вопросов, на которые только она могла ответить.

Теперь Хейли поняла, что Тиффани была влюблена в Остина. Почему она раньше не сложила два плюс два? Остин был красив и, насколько она могла судить, недоступен, как нравилось Тиффани.

И, черт возьми, эти двое работали вместе.

Но Остин был хитер. Он появлялся в закусочной каждую смену, всегда вовремя, и был образцовым сотрудником, которого очень любили, хотя и не так хорошо знали, как некоторые могли бы подумать. Никто не знал, кем он был на самом деле, насколько он болен.

Пока не стало слишком поздно.

Хейли вздрогнула, вспомнив о том, как ездила в его грузовике. Остин и его хорошие манеры. Его добродушная, кривая улыбка, которая слишком часто согревала ее сердце. Мужчина, о котором у нее было бесчисленное количество интимных снов.

Он был убийцей Тиффани. И не только ее.

После того как пруд Сикрестов был осушен, всего было найдено тринадцать тел. По словам шерифа и прессы, большинство убийств произошло десятилетием ранее. Трое водителей грузовиков, бывший кассир Уинн-Дикси, пятеро еще не опознанных мужчин, мать Остина, Дария Тибодо; мать Эрики, Нора Дюваль; Сара Грин и Крис Робишо были найдены в пруду в разной степени разложения. Тело, которое Гитро и Эрика обнаружили в лесу, было опознано Рейчел как тело Тома Андерсона.

ФБР расследовало многочисленные убийства, и на месте преступления в собственности Сикрестов все еще была желтая лента. Так будет еще долгое время.

Хейли вытащила свой последний чемодан через входную дверь и позволила сетчатой двери хлопнуться за ней.

Утро было свежим и чистым. Утешающим. Подходящим, чтобы начать все с чистого листа. Хейли отпустила чемодан и плотнее натянула на себя кардиган.

— Ты все собрала и готова, детка? — спросила ее мать. Она сидела в кресле-качалке и потягивала кофе.

— Да. — Хейли отпустила свой чемодан и села рядом с ней.

Хейли направлялась в Лафайет, чтобы поселиться в своей новой комнате в общежитии. Она наконец-то пошла в университет. Выбиралась из Гранд-Треспасса.

В одном из домов на другой стороне протоки завыл ребенок, и Хейли снова подумала обо всей крови в той гостиной. Там было ее так много.

Теплые пальцы матери погладили Хейли по щеке.

— Помни, какая ты сильная. Сильнее любого из нас. Ты всегда будешь на высоте. Ты просто помни об этом.

Хейли кивнула. В ее голове промелькнуло еще одно видение. Эрика, завернутая в мокрое одеяло, дрожала, смаргивая холодный дождь с глаз. Казалось, она сразу поняла, что обнаружили ее мать. Инициалы, вышитые на передней части рюкзака, были просто

подтверждением. В конце концов, ее мать не бросила ее посреди ночи, отправившись в Нью-Йорк десять лет назад. По какой-то причине ее убили и выбросили в пруд Сикрестов.

Кроме как на похоронах матери, Эрика отказывалась видеть кого-либо, даже Хейли, первые четыре недели после той ночи.

— Извините, она пока никого не хочет видеть, — говорила ей Памела у входной двери. — Боюсь, даже тебя. Но скоро. Надеюсь, скоро.

И когда Хейли наконец смогла ее увидеть, ей показалось, что она смотрит на другую девушку. Манеры Эрики стали мягче. Она казалась менее сердитой. Как-то спокойнее. Хейли бы подумала, что после всего, что произошло, все должно быть наоборот. Но в тот год она все это видела и не думала, что ее снова что-то может шокировать.

Она посмотрела на свою мать. Кто-то, кто тоже начинал все сначала. Они с Бекки наконец-то ее вернули. Она снова была живой, не время от времени, а постоянно. Она стала почти такой же, какой была до аварии, но не совсем.

Сейчас она курила, и ее личность все еще была немного не в себе, но Хейли убеждена, что с ней все будет в порядке. По крайней мере, так хорошо, как любому из них когда-нибудь будет.

— Я так рада, что ты вернулась, мама, — прошептала она.

Мать похлопала ее по руке.

На подъездную дорожку въехал грузовик, и Хейли взглянула на часы. Ровно в десять часов. Надежный, как всегда.

— Удачи. Не то, чтобы тебе это понадобилось, — сказала ее мать.

— Спасибо, мама, — Хейли поцеловала мать в щеку.

Сетчатая дверь скрипнула, и Бекки вышла, ее глаза были тяжелыми от сна.

— Уже уезжаешь?

Хейли кивнула.

— Но ты ведь вернешься на выходные?

— Да, на все до единого.

Хейли попрощалась, затем покатила свои чемоданы по подъездной дорожке, чтобы встретиться с Маком. Она почувствовала облегчение от того, что Мак стал просто Маком... и что он всегда был таким. В конце концов, он не был незнакомцем.

Мальчик с кривой улыбкой, перед которым она смущалась и решила, что может доверять... Он был незнакомцем. Она просто благодарна, что с ней и ее семьей все в конечном счете в порядке. И что, наконец, она сможет отделиться от города и начать работать над тем, кем ей суждено было стать. Она так долго в этом нуждалась.

Хейли открыла пассажирскую дверцу и запрыгнула внутрь. Солнечный луч осветил ее лицо, но она не заслонила от него. Она просто закрыла глаза и позволила солнцу согреть ее лоб.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net